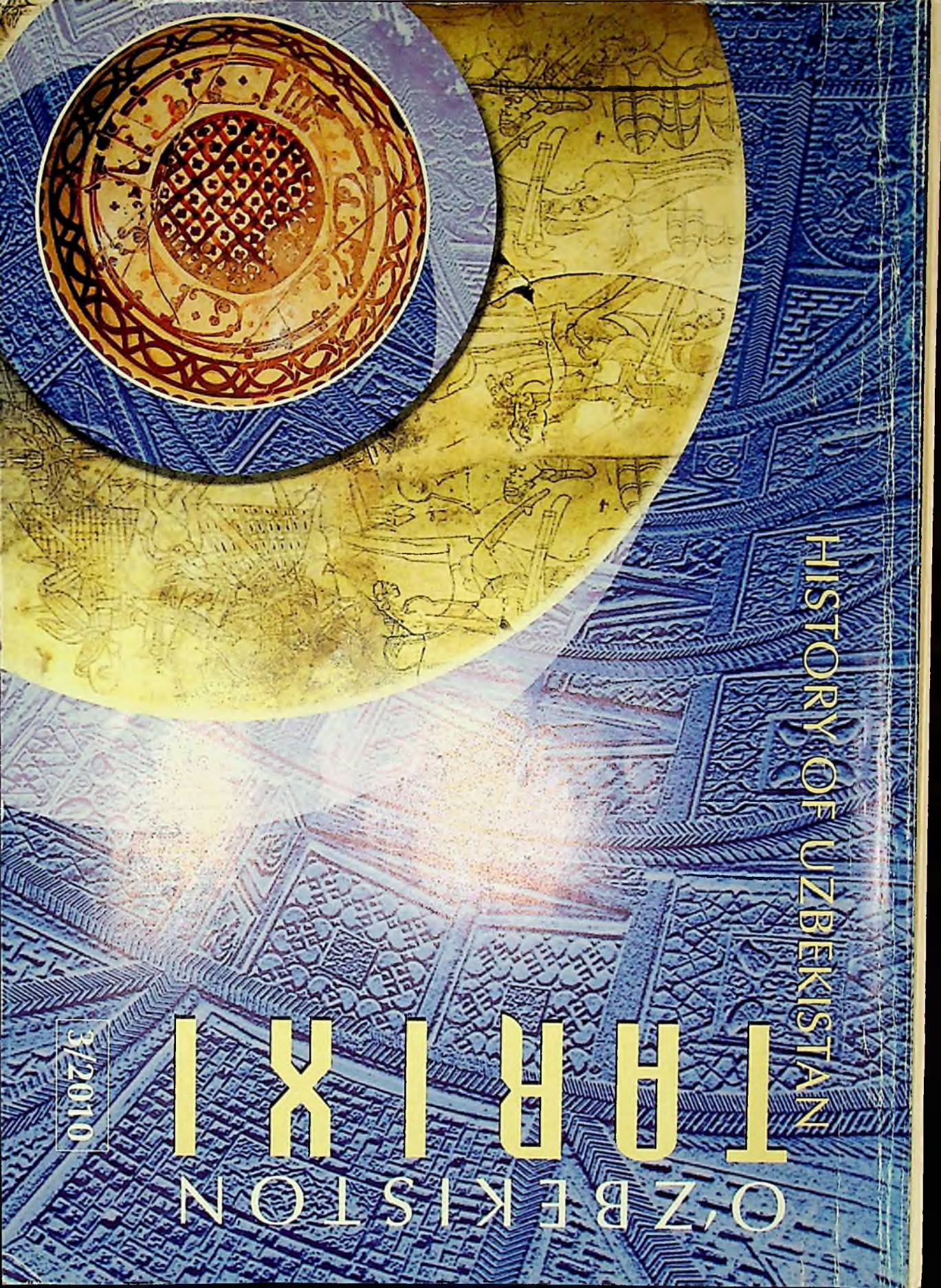

HISTORY OF UZBEKISTAN

O'ZBEKISTON
TARIXI

3/2010

3
2010

Мундарижа

У. Абдурасулов. Мустақиллик йилларида Ўзбекистонда ўртаасришунослик: ютуқлар, йўналишлар ва муаммовий масалалар	3
Н. Мустафаева. XX асрнинг 50-60-йилларида Ўзбекистонда тарих фани ҳолати	15
Ю. Буриқов, М. Филанович. XX аср охири – XXI аср бошларида Ўзбекистон археологияси (ютуқлар, муаммолар, истиқболлар)	23
Н. Азимова. Этнология ва социологиянинг фанлараро интеграцияси: баъзи дала услубларининг қўлланилиши	32

Тарихшунослик

Д. Абиджанова. XV асрда Ўрта Осиёда тарихшунослик аъёналарининг шаклланиши ва ривожланиши	41
Т. Шодмонов. Ўзбекистонда большевикларнинг динга қарши сиёсати ва «курашчан худосизлар жамияти» фаолияти мавзуси хорижий тарихшуносликда	50
Х. Ғуломов, А. Татибоев. Марказий Осиё тарихий картографиясининг баъзи муаммолари	58

Ўзбекистон тарихи ҳоризте тадқиқотларида

А. Ражабли. Озарбайжон ва Ўзбекистон ўрта аср алоқалари тарихидан (XV – XVI асрларга оид нумизматик топилмалар асосида)	65
---	----

Ёш тадқиқотчи минбари

М. Тен. 1937-1938 йилларда Ўзбекистонга Россия Узок Шарқидан корейсларнинг депортация қилиниши сабаблари тўғрисида	74
Х. Бабажанов. Иккинчи жаҳон уруши йилларида давлат бюджети тақчиллиги ва уни тўлдирish манбалари	82
Х. Абдурасулова. Марказий Осиё совет исломшунослиги мактабининг танikli вакиллари ва уларнинг фаолияти	89

Тарихчи кутубхонасига

Э. Умаров. А. Отаҳўжаевнинг «Йлк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-сугд муносабатлари» монографиясига тақриз	99
---	----

Илмий ҳаёт

Ш. Асадова, Н. Мустафаева. «Ўзбекистонда тарих фани: 20 йилдан сўнг» мавзусидаги V республика тарихшунослик ўқишлари	102
И. Хўжахонов. «Академик Карим Шониёзов ўқишлари» туркумидаги бешинчи аънавий илмий конференция ҳақида	104

Jurnalga 1998-yil
iyulda asos solindi
Bir yilda to'rt
marta chiqadi

Toshkent
O'zbekiston
Respublikasi Fanlar
akademiyasi
«Fan» nashriyoti

Содержание

У. Абдурасулов. Отечественная медиевистика в годы независимости: достижения, тенденции и проблемные вопросы	3
Н. Мустафаяева. Состояние исторической науки в Узбекистане в 50-60-е годы XX века	15
Ю. Буряков, М. Филанович. Археология Узбекистана в конце XX – начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы)	23
Н. Азимова. Междисциплинарная интеграция этнологии и социологии: применение некоторых полевых методов	32

Историография

Д. Абиджанова. Формирование и развитие историографической традиции в Средней Азии в XV веке	41
Т. Шадманов. Тема антирелигиозной политики большевиков и деятельности «Союза воинствующих безбожников» в Узбекистане в зарубежной историографии	50
Х. Гуломов, А. Татыбаев. Некоторые проблемы исторической картографии Центральной Азии	58

История Узбекистана в зарубежных исследованиях

А. Раджабли. К истории средневековых взаимоотношений Азербайджана и Узбекистана (на основе нумизматического материала XV – XVI веков)	65
---	----

Трибуна молодого исследователя

М. Тен. К вопросу о причинах депортации корейцев с Дальнего Востока России в Узбекистан в 1937-1938 годы	74
Х. Бабажанов. Дефицит государственного бюджета и источники пополнения его в годы Второй мировой войны	82
Х. Абдурасулова. Видные представители центральноазиатского советологического исламоведения и их деятельность	89

В библиотеку историка

Э. Умаров. Рецензия на монографию А. Отаходжаева «Илк урта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк сугд муносабатлари»	99
--	----

Научная жизнь

Ш. Асадова, Н. Мустафаяева. О V Республиканских историографических чтениях на тему: «Историческая наука Узбекистана: 20 лет спустя»	102
И. Хужаонов. О V Республиканской научно-теоретической конференции из цикла «Шаниязовские чтения»	104

Тахрир хайъати:

Дилором Алимова
(бош мухаррир)
Мируэрт Абуseitова
(Қозогистон)
Омонулла Бўрнєв
Алишер Дониёров
Доно Зияева
Ўткир Исломов
Мирсодиқ Исмоков
Элёр Каримов
Зоя Орифхонова
Эдвард Ртвеладзе
Ильза Сиртаутас (АҚШ)
Рустам Сулаймонов
Маргарита Филанович
(бош мухаррир ўринбосари)
Темур Ширинов
Нозим Ҳабибуллаев
Шонра Асадова (маъсул котиб)
М. Содиқова
А. Михерёва
(мухаррирлар)
Т. Гез (муқова дизайнери)

Манзилимиз:

100170, Тошкент,
И. Мўминнов кўчаси, 9-уй.
Телефон: 262-38-73.

Журнал Ўзбекистон матбуот ва ахборот агентлиги томонидан
22.12.2006 йилда рўйхатга олинган.
Гувоҳнома № 0051.

Теришга берилди 27.01.2011.
Босишга рухсат этилди 08.04.2011.
Қозғоз бичими 70×100/16.
Таймс гарнитура.
Офсет босма. Офсет қозғози.
Ҳисоб нашриёт т. 6,42.
Шартли босма т. 8,71.
400 нусха. 71-буйруғма.
Келишилган нарҳда

У. Абдурасулов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЕДИЕВИСТИКА В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ¹

Медиевистика (лат. *medius* – средний и *aevum* – век, эпоха) – раздел исторической науки, изучающий историю средних веков. Применительно к истории Узбекистана в последние десятилетия хронологические рамки медиевистики условно определялись серединой V – первой половиной XIX в.

Ограничимся общей характеристикой состояния медиевистики в годы независимости, а также попытаемся охарактеризовать основные достижения, тенденции и некоторые проблемные вопросы, требующие, по нашему мнению, обсуждения и рассмотрения в ближайшей перспективе.

При этом автор отдает себе отчет, что осуществление детального анализа состояния изученности истории средних веков в Узбекистане, определение тенденций, научно-методологических и проблемных подходов, а также разработка предложений и рекомендаций по дальнейшему развитию данного направления не могут быть охвачены форматом одной статьи и компетенцией одного научного сотрудника. Эта задача требует более детального рассмотрения, вовлечения в обсуждение ведущих специалистов с привлечением широкой научной общественности.

Развитие медиевистики в годы независимости в Узбекистане получило новый импульс и новое качественное и количественное содержание. Рост национального самосознания народа Узбекистана, возрастающий интерес широких слоев населения к историческому прошлому, освоение зарубежных теорий и методологий в изучении данного периода, отказ от истматовских моделей изучения исторических процессов, выразившихся, в частности, в затушёвывании периодов расцвета узбекской государственности, отрицании роли отдельных личностей в истории, трактовке исторических процессов исключительно в рамках

¹ Настоящая статья была первоначально представлена в качестве доклада на конференции «Историческая наука в Узбекистане: 20 лет спустя» (Ташкент. 2010. 15-16 апреля). Автор выражает искреннюю благодарность своим коллегам Д. А. Алимовой, Ш. И. Асадовой, А. М. Атаходжаеву, Г. Бабаярову и др. за консультации и советы в ходе подготовки статьи.

классового и формационного подходов, создали успешные предпосылки для нового объективного освещения прежде неисследованных или умышленно фальсифицированных вопросов отечественной средневековой истории. Успешному развитию отечественной медиевистики в немалой степени способствовало наличие уникальных коллекций средневековых восточных рукописей, хранящихся в архивах и рукописе-хранилищах республики, решавших проблему источниковой и фактологической подпитки исследований. Именно эти факторы во многом определили формирование национальной медиевистики в качестве самостоятельного и самодостаточного направления отечественной исторической науки.

В эти годы весьма актуальной представлялась разработка фундаментальных проблем медиевистики, которые, являясь научно самоценными, имели важное значение и для решения вновь возникающих практических задач. В этот период, когда Узбекистан как молодое независимое государство формировал свою идеологию, пытаясь выработать новую этическую и историко-политическую аксиоматику, роль медиевистики становилась приоритетной.

Среди таких фундаментальных вопросов, нашедших всестороннее освещение в рассматриваемый период, следует выделить изучение истории Амира Темура и Темуридов. Как известно, в советский период освещение истории данной эпохи носило фрагментарный характер. Внимание исследователей фокусировалось в большей степени на вопросах «антифеодальных» народных выступлений. Самой личности Амира Темура давалась преимущественно негативная оценка. Отдельные попытки отечественных специалистов предложить иную трактовку, более соответствующую историческим реалиям, подвергалась жесткой критике и остракизму². Более подробное освещение получила в советский период государственная и научная деятельность Мирзо Улугбека, но и она представлялась, в основном, в ракурсе антагонизма просвещенного правителя и клерикальных кругов.

Между тем, период Амира Темура и Темуридов имел очень важное значение не только как эпоха формирования мощного централизованно-

² Достаточно вспомнить целую кампанию гонений и критики, развернувшуюся в начале 70-х годов XX в. на на страницах центральной и республиканской периодики на отечественного исследователя И. М. Муминова (См. напр.: М ў м и н о в И. Амир Темуридинг Ўрта Осиё тарихида тутган ўрни ва роли. Тошкент, 1968; Его же. К изданию факсимиле «Уложение Тимура». Ташкент, 1968; Его же. Самарканд – столица тимуридов (Тимур и его правление) / История Самарканда. Ташкент, 1969. Т. I. С. 163-173.) за попытку объективного освещения места и роли Амира Темура.

го государства и связанного с этим развития во всех сферах жизни, но и как важный этап в эволюции государственности на территории Узбекистана, в значительной степени определивший ход исторических событий, состояние и дальнейшую эволюцию институтов государственности. Достаточно отметить, что многие модели организации административного устройства, военного дела, фискальной системы и др., сформировавшиеся в это время, продолжали функционировать на протяжении последующих столетий.

В годы независимости отечественными учеными было подготовлено более 300 публикаций научного и научно-популярного характера, освещающих самые различные аспекты истории Амира Темура и Темуридов. Среди них 8 фундаментальных монографий по данной проблеме. Особо следует выделить вклад в изучение данного периода Б. Ахмедова³, Р. Мукминовой⁴, А. Урунбаева⁵,

³ А х м е д о в Б., М у к м и н о в а Р. Г., П у г а ч е н к о в а Г. А. Амир Темур. Жизнь и общественно-политическая деятельность. Ташкент: Университет, 1999. – 263 с.; А х м е д о в Б. Амир Темур. Тарихий роман. Тошкент: Халк мероси нашриёти, 1995. – 640 бет; А х м е д о в Б. Амир Темурни ёд этиб. Тошкент: Ўзбекистон, 1996. – 368 бет; Соҳибкирон Темур (ҳаёти ва ижтимоий-сиёсий фаолияти). Тошкент: Абдулла Қодирий номидаги халк мероси нашриёти, 1996. – 136 бет; А х м е д о в Б. Амир Темур дарслари (Умумий ўрта таълим мактаблари, лицей ва коллежлар ўқувчилари учун қўлланма). Тошкент: Шарқ, 2000. – 96 бет; А х м е д о в Б. Ўзбекистоннинг атоқли тарихшунос олимлари (биобиблиографик маълумотнома). Тошкент: Чўлпон, 2003. – 107 бет.

⁴ М у к м и н о в а Р. Г. Ремесло и торговля (при Темуре и Темуридах) // История Самарканда. Ташкент, 1969. Т. I. С. 195-212; Ее же. Темур ва Улугбек даврида ижтимоий-иқтисодий ҳаёт (Темур ва Улугбек даври тарихи). Бош муҳаррир А. Аскарлов. Масъул муҳаррир О. Одилхон. Тошкент: Қомуслар Бош таҳририяти, 1996. 113-154-бетлар; Ее же. Иқтисодий ва савдо алоқалари (Амир Темур жаҳон тарихида). Масъул муҳаррир Ҳ. Кароматов. Илмий муҳаррир О. Бўриев. Тўлдирилган ва қайта ишланган иккинчи нашри. Тошкент: Шарқ, 2001. 92-98-бетлар; 160-165-бетлар. Ее же. Темур ва Улугбек даврида ижтимоий-иқтисодий ҳаёт (Темур ва Улугбек даври тарихи). Бош муҳаррир А. Аскарлов. Масъул муҳаррир О. Одилхон. Тошкент: Қомуслар Бош таҳририяти, 1996. 113-154-бетлар.

⁵ Ў р и н б о е в А., Б ў р и е в О. Низомиддин Шомий. «Зафарнома»дан (Темурийлар бунёдкорлиги давр манбаларида). Таҳрир ҳайъати: М. Хайруллаев, А. Ўринбоев, О. Бўриев. Тошкент: Халк мероси, 1996. 84-97-бетлар; Ў р и н б о е в А., М у с а е в Ш. Шарафиддин Али Яздий. «Зафарнома» (Сомон йўли). Тошкент: Камалак, 1991. 44-55-бетлар; Ў р и н б о е в А. Абдурразок Самаркандий. «Матлан саъдайн ва мажма баҳрайн»дан (Темурийлар бунёдкорлиги давр манбаларида). Таҳрир ҳайъати: М. М. Хайруллаев, А. Ўринбоев, О. Бўриев. Тошкент: Абдулла Қодирий номидаги халк мероси нашриёти, 1997. 113-157-бетлар.

О. Буриева⁶, Д. Юсуповой⁷ и др., исследования которых затрагивают широкий спектр вопросов политической, социально-экономической и культурной жизни общества.

Безусловно, что первые публикации во многом удовлетворили начальный общественный запрос, однако сегодня возникает настоятельная потребность в более глубоком и концептуальном освещении данного вопроса. Очевидно, что за периодом бурного изучения, наметившемся в первое десятилетие независимости, в настоящее время наблюдается сравнительное затишье, объясняемое, как нам кажется, некоторым спадом исследовательского «ажиотажа» и необходимостью более глубокого и концептуального изучения данного вопроса.

По-прежнему недостаточно фундаментальных работ, рассматривающих период средних веков в контексте развития узбекской государственности, а также роли и места государства Амира Темура в развитии мировой цивилизации. Недостаточно глубоко, на наш взгляд, определено значение Великого шелкового пути в период Темуридов, не только как способа обеспечения трансконтинентальной торговли, но и важнейшего механизма обмена культурными, ментальными, идейными новациями между самыми различными народами и обществами. Практически вне сферы исследований (за исключением материала проф. Р. Г. Мукминовой в известной монографии «Амир Темура. Жизнь и общественно-политическая деятельность»⁸) остаются вопросы института земельных пожалований, связанных с военной службой и в целом земельных отношений⁹.

⁶ Б ў р и е в О. Темурийлар даври ёзма манбаларида Марказий Осиё (Тарихий-географик лавҳалар). Тошкент: Ўзбекистон, 1996. – 186 бет; Б ў р и е в О. Ҳофизни Абру. «Зубдат ат таворих»дан (Амир Темура ва Улугбек замондошлари хотирасида). Б. Аҳмедов, У. Уватов, Ф. Каримов, А. Зиёев, Д. Юсупова, О. Жалилов, А. Ҳабибуллаев, М. Ҳасанов. Тошкент: Ўқитувчи, 1996. 298-310-бетлар; Б ў р и е в О. «Зайли Зафарномаи Шомий»дан (Темурийлар бунёдкорлиги давр манбаларида). Таҳрир хайъати: М. М. Хайруллаев, А. Ўринбоев, О. Бўриев. Тошкент: Халқ мероси, 1997. 75-80-бетлар.

⁷ Ю с у п о в а Д. Ю. Творческое наследие Хондамира как источник по истории и истории культуры Центральной Азии XV – XVI вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 2001. – 67 с.; Ее же. Развитие образования в эпоху Амира Темура и Темуридов // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1996. № 7-10. С. 106-109 и др.

⁸ М у к м и н о в а Р. Г. Социально-экономическая жизнь в Мавераннахре // А х м е д о в Б., М у к м и н о в а Р., П у г а ч е н к о в а Г. А. Амир Темура. Жизнь и общественно-политическая деятельность. С. 62-77.

⁹ В этом отношении важное значение приобретает публикация в ближайшее время подготовленных Институтом истории АН РУз фундаментальных монографий «История Узбекистана. Том III» и «История государственности Узбекистана. Том II», в которых дано детальное освещение вопросов истории и состояния институтов государственности в период Амира Темура и Темуридов.

К очевидным успехам отечественной медиевистики в годы независимости следует отнести также изучение раннесредневекового периода истории Узбекистана (условно обозначаемого V – серединой VIII в.). Исследования отечественных специалистов Э. Ртвеладзе, М. Исакова, А. Атаходжаева, К. Содикова, Н. Рахмонова, Г. Бабаярова и др. позволили осветить новые аспекты одного из сложнейших периодов отечественной истории. Работы Э. Ртвеладзе характеризуют место данного периода в истории Центральной Азии в мировой истории. Исследования М. Исакова посвящены палеографическим особенностям согдийской письменности, формированию письменной культуры, значению письменных источников указанного периода. Научные публикации А. Атаходжаева характеризуют состояние тюрко-согдийских отношений в рассматриваемый период, их значение в развитии социально-экономических, политических и культурных процессов в регионе. Работы Г. Бабаярова, основанные на новой трактовке нумизматического материала, позволяют внести существенные уточнения и дополнения в вопросы династийной и политической истории Тюркского каганата. Следует также отметить работы К. Содикова, базирующиеся на привлечении нового источникового материала, а именно: изучении эпиграфических памятников Тюркского каганата и памятников уйгурской письменности, в частности, их религиозного содержания. Последнее немаловажно, поскольку одна из сложностей изучения данного периода во многом заключается в сравнительно слабой источниковой подпитке исследований. Так, известные документы с горы Муг хронологически охватывают период лишь с 709 по 720 г., нумизматические материалы позволяют внести ясность лишь в узкий сегмент вопросов, связанных с политической и династийной историей. Для источников по данному периоду также характерна их географическая разбросанность. Как известно, значительная часть согдийских документов хранится в музеях и хранилищах Великобритании (Лондона), Франции (Парижа), Германии (Берлина), Китая и Японии. Дальнейшее углубленное исследование данного периода также напрямую связано с подготовкой молодых кадров-специалистов, способных работать с древнетюркскими, согдийскими, хорезмийскими, бактрийскими и китайскими источниками, позволяющими осветить новые вопросы данного периода.

Пожалуй, к наиболее слабо разработанным вопросам данного периода следует отнести историю проникновения в Среднюю Азию кидаритов и хианитов, а также историю государства Эфталитов (IV – первая половина VI в.), вопросы межэтнических взаимоотношений в

регионе в данный период, проблемы социально-экономических отношений в центральноазиатском обществе, отношения на уровне кадиваров, кешаваров – в понимании этих вопросов наши знания весьма поверхностны.

Между тем, изучение этих вопросов имеет важное научно-практическое значение, ибо позволяет правильно понять и проследить особенности эволюции различных социально-экономических институтов в последующие исторические периоды, в частности, в процессе адаптации под юридические и правовые нормы ислама, а затем и чингизидской «Яссы».

К безусловным достижениям отечественной медиевистики в годы независимости можно отнести и изучение истории позднесредневекового периода или периода узбекских ханств (XVI – первая половина XIX в.). Этот период, рассматриваемый в советской историографии как период тяжелой стагнации среднеазиатского общества и господства клерикализма, нашел новое объективное освещение в годы независимости.

В исследованиях Р. Мукминовой¹⁰, Г. Агзамовой, Эльёра Каримова¹¹, Б. Турсунова¹², Ш. Махмудова¹³, Г. Таниевой¹⁴, Ю. Рахматуллаевой, С. Тураевой¹⁵ и др. рассмотрены вопросы эволюции различных институтов государственности среднеазиатских ханств, таких как административное управление, земельные отношения, судебная система, военное дело, ремесленничество, вакфная собственность, городская жизнь. Показан процесс их преемственности с традициями государственности в предшествующий период.

¹⁰ М у к м и н о в а Р. Г. Очерки истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. Ташкент, 1976. – 103 с.

¹¹ К а р и м о в Эльёр. Кубравийский вакф XVII – XIX вв.: письменные источники по истории суфийского братства Кубравийа в Средней Азии. Ташкент: Фан, 2008. – 280 с.

¹² Т у р с у н о в Б. Я. Военное дело и войско в Кокандском ханстве: положение, управление, традиции (до 70-х гг. XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2006. – 23 с.

¹³ М а х м у д о в Ш. Ю. Система административного управления в Кокандском ханстве (1709-1876 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2007. – 29 с.

¹⁴ Т а н и е в а Г. М. Роль Каршинского вилоята в политической, социально-экономической жизни Бухарского эмирата (вторая половина XVIII – первая половины XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2008. – 29 с.

¹⁵ Т у р а е в а С. Р. История ремесла Хивинского ханства во второй половине XVIII – 70-х годах XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2010. – 29 с.

Исследования Х. Гуломова¹⁶, Г. Агзамовой, Г. Султановой¹⁷, Н. Аллаевой¹⁸, Ш. Кулдашева¹⁹ и др., вопреки существовавшему положению о затухании Великого шелкового пути в данный период, освещают характер и состояние внешних торгово-экономических и дипломатических сношений среднеазиатских ханств с сопредельными странами. Исследования этих ученых, вкуче с работами западных исследователей, показали, что дипломатический и экономический обмен между Средней Азией и ближними, как равно и дальними странами, в XVI в. никоим образом не прекратился. Евразийская торговля по суше, по всей видимости, продолжала расцветать, несмотря на открытие морских путей, и весьма вероятно, что в европейских источниках об этой торговле содержится мало сведений лишь потому, что западноевропейские, а также русские купцы не принимали в ней почти никакого участия.

Вместе с тем, говоря об очевидных успехах в изучении данного периода, необходимо помнить о том, что успешная разработка вопросов позднесредневековой истории стала возможной не в последнюю очередь благодаря важным научно-практическим и теоретическим наработкам, заложенным еще в предшествующие периоды. Здесь, прежде всего, мы имеем в виду блестящую плеяду исследователей-медиевистов, успешно передавших традиции школы медиевистики (Р. Мукминова, Б. Ахмедов, А. Урунбаев, Х. Зияев и др.) молодому поколению исследователей, а также обширную источниковую базу, подготовленную в предшествующий период.

Приходится также констатировать отсутствие до настоящего времени целостной истории династии Шайбанидов. В этом отношении уместно вспомнить замечательную диссертационную работу отечественного исследователя Р. Г. Мукминовой «К истории образования узбекского государства Шейбанидов», защищенную в 1947 г., но так и оставшуюся неопубликованной. Возможно, из-за отсутствия в настоящее время по-

¹⁶ Гу л о м о в Х. Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII – первой половине XIX века. Ташкент: Фан, 2005. – 333 с.

¹⁷ Су л т о н о в а Г. Н. Связи Бухарского ханства с Казахским и Яркендскими ханствами во второй половине XVI века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2005. – 26 с.

¹⁸ А л л а е в а Н. А. Взаимосвязи Хивинского ханства с Ираном в XVI – XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2007. – 29 с.

¹⁹ Ку л д а ш е в Ш. Т. Политические, экономические и культурные связи между Кокандским ханством и Восточным Туркестаном (XVIII – сер. XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2009. – 30 с.

добного исследования целесообразно издание этой диссертации с учетом доработки, так как многие ее положения устарели.

Еще одним из актуальных вопросов отечественной медиевистики, получивших подробное освещение в годы независимости, является история суфийских братств таррикатов в Средней Азии. Широкий спектр вопросов политической деятельности, социальной активности и обрядовой ритуальной практики суфийских братств таррикатов, а также различные аспекты эволюции ислама в регионе нашли подробное освещение в исследованиях А. Муминова, М. Камилова²⁰, Э. Каримова²¹, Б. Бабаджанова, Н. Хидировой²² и др.

К наиболее же проблемным и малоразработанным в средневековой истории Узбекистана следует отнести периоды арабского завоевания, а также периоды существования государств Саманидов, Караханидов, Сельджукидов, Хорезмшахов-Ануштегенидов, период монгольского завоевания и историю Чагатайского владения вплоть до формирования государства Амира Темура²³.

Следует, конечно, принимать во внимание важные исследования Б. Кочнева²⁴, Б. Абдухалимова²⁵, С. Каримовой²⁶, Н. Тошева²⁷, молодых

²⁰ Ка м и л о в М. М. Мовароуннахр фикх ривожиди Алоуддин ас Самаркандийнинг ўрни ва «Тухфат ал-фукахо» асарининг ахамияти. Тарих фанлари номзоди дисс. ... автореферати. Тошкент, 2000. – 26 бет.

²¹ Ка р и м о в Э. Э. Суфийские тарикаты в Центральной Азии XII – XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1998. – 60 с.

²² Х и д и р о в а Н. У. Место и роль Ходжа Мухаммада Парса в развитии тариката Ходжагон-Накшбандийа (конец XIV – начало XV века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2006. – 22 с.

²³ Подтверждением этого может являться тот факт, что в подготавливаемых в настоящее время на базе Института истории АН РУз фундаментальных монографиях «История государственности Узбекистана. Том II» и «История государственности Хорезма» указанные периоды являются наиболее проблемными и имеющиеся лакуны покрываются за счет специалистов хронологически близких периодов.

²⁴ К о ч н е в Б. Қорахонийлар хоконлиги (Ўзбекистон давлатчилиги тарихи очерк-лари). Тошкент: Шарқ, 2001. 72-92-бетлар.

²⁵ А б д у х а л и м о в Б. А. «Байт ал-хикма» ва Ўрта Осиё олимларининг Бағдоддаги илмий фаолияти (IX – XI асрларда аниқ ва табиий фанлар). Тошкент: Тошкент ислом университети, 2004. – 234 бет.

²⁶ Ка р и м о в а С. У. IX – XI аср кимё ва доришунослик фанлари тараккиётида Марказий Осиё олимларининг ўрни. Тошкент, 2002. – 461 бет.

²⁷ Т о ш е в Н. И. «Тарих-и джахангуша» Ала ад-дина Джувайни – ценный источник по истории Центральной Азии XII – XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2004. – 22 с.

исследователей Х. Мамадалиева²⁸, Д. Дутураевой²⁹, Б. Махмудова³⁰, которые фокусируются на отдельных вопросах данного периода, но они, конечно, не решают всей проблемы его изученности.

Среди проблем, помимо вышеназванных, следует назвать недостаточную кадровую оснащенность отечественной медиевистики и хотя в данном направлении проводится определенная работа³¹, тем не менее, обозначенные выше лакуны весьма характерно свидетельствуют о необходимости координации процесса подготовки кадров-медиевистов.

Характеризуя состояние отечественной медиевистики, нельзя не отметить и ряд важных и, пожалуй, системообразующих проблем, с обсуждением которых во многом связано понятие сути, содержания и природы социально-экономических процессов, имевших место в данном регионе в средневековый период. К таковым, по нашему мнению, можно отнести уместность использования термина «феодализм» и «феодалные отношения» применительно к данной эпохе.

Общеизвестно, что под феодализмом (от лат. *feudum* – лен) долгое время было принято понимать социально-политическую структуру, характеризующуюся наличием двух социальных классов – феодалов (землевладельцев) и крестьян, занимающих по отношению к феодалам подчиненное положение; феодалы при этом связаны друг с другом специфическим типом правовых обязательств, известных как феодальная лестница.

Феодализмом называли также эпоху, когда система, при которой основными классами являлись землевладельцы и зависимое от них крестьянство, доминировала, определяла собой социально-экономические, политические, культурные параметры общества. Считалось, что в Европе генезис и развитие феодальных отношений заняли примерно тысячелетие – с V в. (условный рубеж – падение Западной Римской империи в 476 г.) до начала XVI в. Однако системообразующие признаки

²⁸ Мамадалиев Х. М. IX – XII асрларда Ўрта Осиёда этник ҳолат (араб тилидаги манбалар маълумотлари асосида). Тарих фанлари номзоди диссертацияси. Тошкент, 2010. – 184 бет.

²⁹ Дутураева Д. Ш. Қорахитойлар ҳукмронлиги даврида Марказий Осиё (XII асрнинг иккинчи чораги – XIII аср бошлари). Тарих фанлари номзоди диссертацияси. Тошкент, 2010. – 174 бет.

³⁰ Махмудов Б. Х. Қорахонийлар давлатчилиқ тизимининг хусусиятлари. Тарих фанлари номзоди дисс. ... автореферати. Тошкент, 2010. – 24 бет.

³¹ Весьма характерен в этом отношении пример Отдела «История Узбекистана в средневековой период» Института истории АН РУз, кадровый состав которого в течение последних лет обогатился на 7 кандидатов наук – специалистов в области медиевистики, не привлеченных со стороны, а подготовленных непосредственно на базе данного отдела.

феодализма, характер происходившей в его недрах социальной эволюции истолковываются в научной традиции неоднозначно.

Существуют разные мнения по поводу того, были ли феодальные отношения (в классическом понимании) в других частях света. А. Я. Гуревич считал феодализм преимущественно, если не исключительно, западноевропейским феноменом, сложившимся в результате специфических исторических условий. «В феодализме, — подчеркивал он, — я склонен усматривать преимущественно, если не исключительно, западноевропейский феномен. На мой взгляд, он сложился в результате уникальной констелляции тенденций развития. Феодальный строй, как бы его ни истолковывать, представляет собой не какую-то фазу всемирно-исторического процесса, — он возник в силу сочетания специфических условий, порожденных столкновением варварского мира с миром позднеантичного Средиземноморья. Этот конфликт, давший импульс синтезу германского и романского начал, в конечном итоге породил условия для выхода западноевропейской цивилизации на исходе средневековья за пределы традиционного общественного уклада, за те пределы, в которых оставались все другие цивилизации»³². Главные аспекты критики концепции феодализма как универсальной стадии развития общества заключаются в том, что в большинстве обществ неевропейского ареала отсутствовали такие системно важные элементы, как крупное частное землевладение, крепостное право, иммунитеты служилого сословия.

В XX в. различные исторические школы выдвигали разные концепции феодализма; некоторые вообще не использовали этот термин. Дальше других в формулировке четких, однозначных определений феодализма пошла марксистская историческая мысль, одновременно наполнив старый термин новым содержанием. Под знаком марксизма шло развитие отечественной науки на протяжении почти всего XX в.³³

Рассматривая весь исторический процесс под углом зрения борьбы классов, марксизм включил феодальный способ производства в свою стадияльно-типологическую схему социальной эволюции человечества (*первобытно-общинный строй — рабовладение — феодализм — капитализм — коммунизм*). Основой феодальной общественно-экономической формации была признана собственность феодалов на средства производства, в первую очередь на землю, и неполная собственность на работника производства, крестьянина. Вместе с тем констатировалось наличие, наряду с феодальной собственностью, частной собственности феодально-зависимого крестьянина на свои орудия труда и личное хо-

³² См: Проблемы генезиса феодализма (1970); <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

³³ <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/FEODALIZM.html>.

зйство, – равно как и сосуществование в рамках феодальной формации нескольких социально-экономических укладов³⁴.

Советская историография, активно используя феодальную тематику в пропагандистских целях, придала формационной модели полную определенность и законченность. В результате система господствовавших социально-экономических институтов в средневековой Средней Азии была искусственно втиснута в схемы исторического материализма, а возникавшие при этом накладки в виде несостыковок попросту игнорировались.

Вопрос об уместности характеристики социально-экономических процессов на территории Средней Азии в средневековый период неоднократно поднимался и в отечественной историографии. Наиболее примечательным в этом отношении был конец 80-х – 90-е годы XX столетия, когда ряд отечественных исследователей пытались показать несостоятельность универсальности пятичленистой теории истмата. Однако широкой дискуссии так и не состоялось и обсуждение данного вопроса на протяжении по меньшей мере последней декады приобрело характер «вялотекущего процесса». Рассуждение о несостоятельности формационного подхода и, в частности, использования термина «феодализм», как составной части этой теории было воспринято буквальным образом. Феодализм стал нередко рассматриваться однозначно как порождение истмата и исследователи зачастую априори стали избегать использования подобных формулировок в научных работах. В свою очередь исследователи с периферии, менее знакомые с содержанием научно-теоретических дискуссий, продолжали и продолжают использовать данную терминологию в своих исследованиях, не делая разницы между феодализмом как социально-экономическим феноменом и феодализмом как формацией, т. е. определенным историческим и социально-экономическим этапом общества.

В целом проблема использования терминов «феодализм» и «феодальные отношения» требует дальнейшей разработки с привлечением к дискуссии широкой исследовательской аудитории и ведущих специалистов-медиевистов, ибо с ее обсуждением во многом связано понимание сути, содержания и природы социально-экономических процессов, имевших место в данном регионе в средневековый период.

Характеризуя в целом состояние изученности истории средних веков, можно констатировать следующее:

значительное расширение источниковой базы, введение в оборот обширного источникового материала. При этом работы археографичес-

³⁴ Там же.

кого и источниковедческого характера не ограничиваются собственно публикацией текста источника. В последние годы характерно сопровождение текстов строго научными введениями и хорошо проработанным информационно-справочным аппаратом; совершенствуется также и механизм передачи текстов;

постепенное обновление научно-теоретической базы исследований в области медиевистики. В данном случае мы имеем в виду не просто отказ от классового подхода, истматовских моделей и связанных с ними терминологии. В действительности мы наблюдаем постепенное обогащение научно-методологической базы, главным образом, за счет приемов и подходов, используемых в западной медиевистике. И пусть этот процесс не так динамичен, но его очевидность не вызывает сомнений.

У. Абдурасулов

**Мустақиллик йилларида Ўзбекистонда ўртаасршунослик:
ютуклар, йўналишлар ва муаммовий масалалар**

Мазкур мақола доирасида мустақиллик йилларида ўртаасршуносликнинг ҳолати, жумладан, асосий ютуқлари, йўналишлари ҳамда яқин келажакда муҳокама қилишни тақозо этувчи айрим муаммовий жиҳатларига умумий характеристика беришга ҳаракат қилинган. Муаллиф томонидан Ўрта Осиёда ўрта асрлар давридаги ижтимоий-иқтисодий муносабатларни ёритишда «феодализм» ва «феодал муносабатлар» атамаларини ишлатишга доир муаммоларга аҳамият берилган.

U. Abdurasulov

**Medieval history studies in Uzbekistan:
achievements, tendencies and problematic questions**

In the present article it is undertaken an attempt to characterize the condition of medieval history studies in the years of independence, in particular to study the basic achievements, tendencies and some problematic aspects, which need discussion and considerations in close prospects. The author also pays attention to the problem of using the term «feudalism» and «feudal relations» with the reference to the characteristic of social and economic relations in medieval Central Asia.

Н. Мустафаева

XX АСРНИНГ 50-60-ЙИЛЛАРИДА ЎЗБЕКИСТОНДА ТАРИХ ФАНИ ХОЛАТИ

Ҳар бир маълум тарихий босқич ёки даврда ижтимоий фанлар ривожига бевоқифа жамият тараққиётининг асоси бўлган сиёсий-иқтисодий йўналишлар билан боғлиқликда ифодаланади. Шу жиҳатдан қараганда, XX асрнинг 50-йиллар иккинчи ярми – 60-йиллари Ўзбекистон тарих фани учун мураккаб даврлардан бири бўлиб, тарихчилар ўз тадқиқотларида сиёсий муҳит ва мафкуравий қолиплардан четга чиқа олмаганлар. Уларнинг илмий изланишлари ҳукмрон мафкура измида ҳамда назоратида бўлган бу даврда муҳим тарихий воқеаларнинг асл моҳиятини кўрсатиб бериш имкони ўта чекланган эди. Бу йилларда тарих фани соҳасида амалга оширилган илмий тадқиқотлар аксарияти ўз давр моҳиятини улуғлашга қаратилган бўлиб, мавжуд тарихий адабиётлар ва тарихчиларнинг барча саъй-ҳаракатлари «улуғ Октябрь, граждандар ва Улуғ Ватан уруши, ўзбек халқининг фахрли инқилобий анъаналари тарихи; социализм ва коммунизм қурилиши тарихи; ўзбек халқининг буюк рус ва бошқа халқлар билан дўстлиги илдизлари тарихи; синфий курашлар ва эксплуататорларга қарши ҳаракатлар тарихи; КПССни доно Ленин миллий сиёсатининг давомчиси сифатида кўрсатиш»¹га интилишдан иборат бўлди. Шунингдек, 1954 йил Тошкентда бўлиб ўтган Ўрта Осиё ва Қозоғистон тарихи масалаларига бағишланган илмий сессияда «Ўрта Осиёнинг Россияга «ихтиёрий қўшилишининг прогрессив аҳамияти» концепцияси ўртага ташланди ва у келгуси тадқиқотларнинг йўналишини белгилаб берди. КПССнинг XX (1956) ва XXII (1961) съездларида Сталин шахсининг фош этилиши, унинг даврини кескин танқид қилинишига қарамай, мамлакатда партия яқка ҳукмронлигининг сақланиши, ўзгача фикрловчиларга йўл бермаслик давом этди. Табиийки, барча тадқиқотлар мазмуни ҳукмрон коммунистик мафкура талаблари даражасига мослаштирилди.

50-60-йилларда барча соҳадаги каби тарих фанида ҳам мутахассис илмий кадрлар тайёрлашга катта эътибор қаратила бошланди. Маълумки, 1943 йилда Тарих институтининг ташкил этилиши Ўзбекистон тарих фани ривожига муҳим босқич саналади. Унинг фаолияти давомида республикада тарих соҳасидаги тадқиқотларни маълум илмий йўналишлар ва режа асосида амалга ошириш йўлга қўйилди. 40-йилларнинг охири – 50-йилларнинг дастлабки йилларида фан докторлари Я. Фуломов,

¹ *Қаранг:* Наука в Узбекистане // Общественные науки. Ташкент, 1974. Т. 2. С. 12-13.

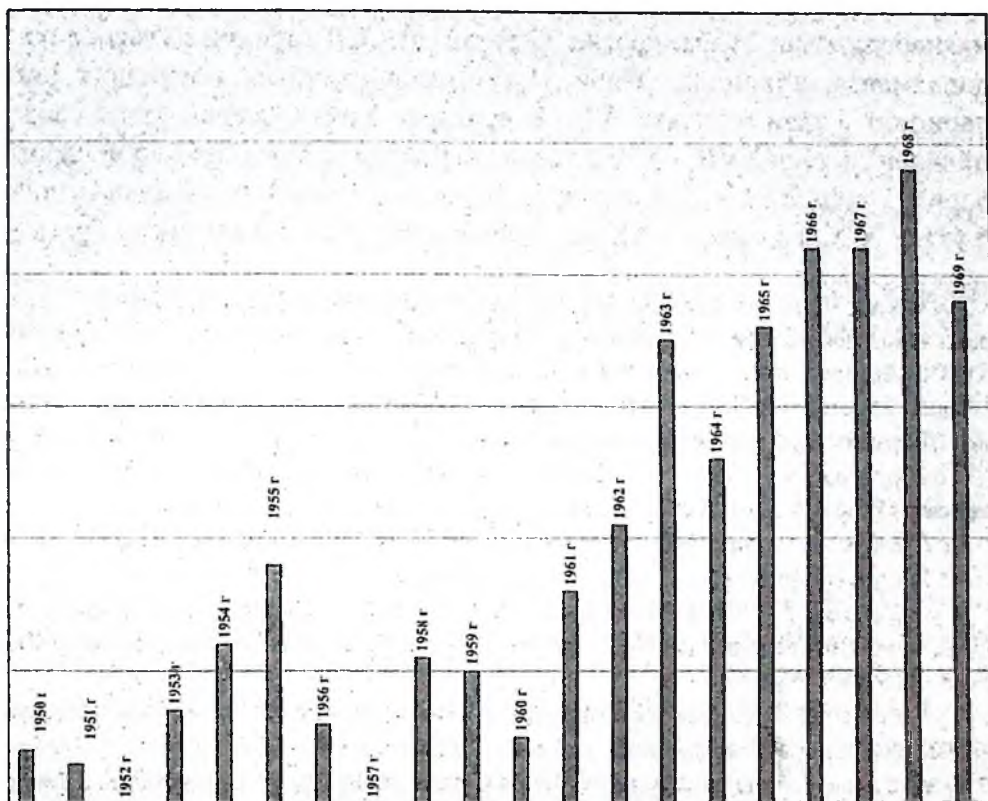
И. Мўминов, фан номзодлари Р. Набиев, Р. Аминова, Р. Мукминова, Х. Зиёев каби миллий кадрлар илмий даражаларга эга бўлган ҳолда Ўзбекистон тарихи ривожига катта салоҳиятни ташкил этдилар. Албатта, улар ўз илмий тадқиқотларини Москва, Ленинграддаги нуфузли илмий даргоҳларда ҳимоя қилиб келган эдилар. Табиийки, илмий салоҳият кенгайган сари Ўзбекистон тарихи бўйича махсус илмий кенгашлар тузиш имконияти яратилди. Энг аввало, ЎзР ФА Тарих институти ҳузурида, Ўрта Осиё давлат университети (кейинроқ Тошкент давлат университети, ҳозирда Ўзбекистон Миллий университети – *Н. М.*), ЎзР ФА Шарқшунослик институти, Самарқанд давлат университетлари қошида илмий кенгашлар тузила бошлади. Шунингдек, диссертациялар ҳимояси СССРнинг турли республикаларидаги барча ихтисослашган кенгашлар ҳузурида амалга оширилиши ҳам мумкин эди. Чунки барча тадқиқотлар ўша даврда «ягона» бўлиши керак бўлган рус тилида ёзилар, бу эса турли миллат вакиллариغا кўплаб қийинчиликлар туғдирганлигини ҳам айтиб ўтиш жоиз.

50-60-йилларда Ўзбекистон тарих фани ҳолати, тарихчи мутахассислар тайёрлаш тизими масалалари ҳақида сўз борганда, республика тарихига оид ҳимоя қилинган докторлик ва номзодлик диссертацияларини таҳлил этиш эътиборга молик масаладир. Шу ўринда А. И. Зевелевнинг «диссертацион тадқиқотлар кўп ҳолларда нашр этилмасда, қайсидир бир маънода турли босқичларда тарих фанининг ривожланиш даражасини характерлайди, бу эса уларнинг қийматини янада оширади»², – деган фикрларини келтириш ўринли. Зотан, танланган диссертацион тадқиқот мавзуси тарихчининг ижодий йўлини белгилаб, унинг келгуси илмий йўналишларининг ҳам шаклланишида асосий омиллардан бири ҳисобланади. Диссертация мазмунини қисқача ёритувчи авторефератлар эса тарихшунослик манбаси сифатида давр руҳини, ўрганилган тарихий мавзулар кўламини, илмий тадқиқотларнинг даражасини акс эттирувчи манба сифатида катта қийматга эга. Мазкур мақола доирасида биз Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Давлат Миллий кутубхонаси захираларида сақланаётган докторлик ва номзодлик диссертациялари авторефератларининг қисқа тахлилини амалга оширишга ҳаракат қиламиз.

50-60-йиллар давомида Ўзбекистон, шунингдек, Ўрта Осиё тарихига бағишланган номзодлик ишларининг сони тахминан 381тани ташкил этди. Қилинган ҳисобларга кўра, ушбу тадқиқотларнинг 19 таси «археология», 7 таси «умумий тарих», 2 таси «манбашунослик», 9 таси

² Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М.: Высшая школа, 1987. С. 129.

«этнография» ихтисослигидан ёзилган. 342 та иш «КПСС тарихи» ва «СССР тарихи» ихтисосликларидан яратилган бўлиб, уларнинг 57 таси 1917 йилгача, 285 таси 1917 йилдан то 60-йиллар, яъни совет даври тарихини ёритишга қаратилган эди. Қуйидаги диаграммада шу йилларда ҳимоя қилинган номзодлик диссертацияларининг кўрсаткичлари акс эттирилган³.

Таъкидлаш жоизки, Ўзбекистон тарихига оид диссертациялар асосан «СССР тарихи» ихтисослиги доирасида ёзилар, «КПСС тарихи» ихтисослигидан тайёрланган ишлар ўша даврда анча «обру-э-тиборли» саналар эди. Чунки мазкур тадқиқотлар «ўта диссертабел» бўлиб, уларда коммунистик партиянинг «яратувчанлик», «бошқарувчилик» роли бўрттириб кўрсатилган ва бундай ишлар илмий муҳокама-

³ Мазкур диаграмма муаллиф томонидан Алишер Навоий номидаги кутубхонанинг каталогларида мавжуд номзодлик авторефератлари рўйхати асосида амалга оширилган. Муаллиф кўрсатилган рақамларнинг нисбатан тахминий эканлигига урғу берганлигига сабаб, кутубхона каталогларида барча авторефератлар рўйхати берилмаган бўлиши ҳам мумкин.

лардан ҳам тезроқ ўтказилиши имконияти кенгрок бўлган. Ҳатто, этнографик соҳада яратилган тадқиқотларда ҳам ишчилар синфини «улуғлаш» ҳолатлари кузатилади⁴. Фикримизнинг яна бир далили ўлароқ, энг кўп диссертация ҳимоялари бўлиб ўтган 1968 йилни олиб қарайдиган бўлсак, унда қуйидаги ҳолатни кузатиш мумкин. Бу йили 48та номзодлик диссертациялари ҳимоясидан 14 таси «КПСС тарихи», 1 та «археология»⁵, 1 та «манбашунослик»⁶, 1 та «этнография»⁷ ихтисослигидан бўлса, қолган 31 та иш «СССР тарихи» ихтисослигидан амалга оширилди. Ушбу 31 та ҳимоя қилинган номзодлик ишларининг 1 таси мил. авв. VI – II асрларда Ўрта Осиёдан ўтган савдо йўллари⁸, 1 таси XVII – XVIII асрларда Россия ва Ўрта Осиё муносабатлари⁹, 1 таси XVI – XIX асрларда Бухорода қуллардан фойдаланиш¹⁰, 6 та иш XIX аср охири – XX аср бошлари тарихига бағишланган бўлса¹¹,

⁴ Арипов Ф. А. Из истории формирования узбекских рабочих кадров. По историко-этнографическим материалам заводов сельскохозяйственного машиностроения УзССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1960. – 28 с.

⁵ Сулейманов Р. Х. Грот Оби Рахмат и опыт математико-статистического изучения Обирахматской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 27 с.

⁶ Норкулов Н. К. «Тарихи – Салими» – ценный источник по истории Бухарского эмирата (1860-1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 24 с.

⁷ Тошев Х. Культура и быт животноводов Зарафшанской долины (конец XIX – 60-е годы XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 28 с.

⁸ Мукашева Р. Р. Социально-экономическое развитие Средней Азии и торговые пути, проходившие через нее (VI-II вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. – 25 с.

⁹ Пулатов Ю. Русско-среднеазиатские отношения конца XVII – первой четверти XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 27 с.

¹⁰ Файзиев Т. Использование рабов в феодальной Бухаре в XVI – XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 24 с.

¹¹ Кравец Л. Н. Рабочее движение в Туркестане между двумя революциями: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 27 с.; Мазеева Л. М. Общественно-политическая деятельность ссыльных революционеров в Туркестане (вторая половина XIX – начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 26 с.; Рустамов М. История книги и книжного дела в Средней Азии (вторая половина XIX – первая четверть XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 27 с.; Соифер Д. Н. Солдатское революционное движение в Туркестане (1908-1918 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 29 с.; Ташбаева Т. Об основных формах феодальной эксплуатации в сельском хозяйстве Узбекистана в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 27 с.; Уббиниязов Ж. Борьба каракалпакского народа против социального и национально-колониального угнетения (конец XIX-начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 24 с.

қолган 22 та диссертация совет даври тарихини «улуғлаш»га қаратилди. Айтиш лозим, айнан ушбу 22 диссертацияларнинг 8 таси 1959-1965 йиллардаги «етти йиллик даври»даги «коммунизм яратувчилари» бўлган ишчи ва деҳқонлар синфининг янгича ҳаётга интилиши, Ўзбекистонда колхоз-совхозларнинг яратилиши, социалистик маданият масалаларига¹² бағишланган эди. Нафақат «СССР тарихи», балки барча ихтисосликларда яратилган ҳар бир тадқиқот коммунистик партия «раҳнамо»лиги, Ленин ғояларининг Ўзбекистонда «катта муваффақиятлар билан амалга оширилаётганлиги», айнан 1917 йилдаги Октябрь инқилоби туфайли ўзбек халқи ҳаётидаги «буюк ўзгаришлар»ни «тўлиб-тошиб», «кўкларга кўтариб» ёзилганлигини алоҳида таъкидлаш лозим. Бу табиий эди, албатта. Чунки совет давлатида яқка ҳукмрон бўлган КПССнинг барча соҳалардаги устуворлик позициясини, унинг «ютуклар»ини илмий равишда муҳрлаш, келажак авлодга фақат ва фақат унинг тарихини қолдириш аввалдан белгиланган сиёсатнинг мақсади эди.

Қуйидаги жадвалда 50-60-йилларда ҳимоя қилинган докторлик диссертациялари ҳақида маълумот келтирилган:

¹² Абдуллаева Р. Х. Комсомол Узбекистана – боевой помощник партии в коммунистическом строительстве (1959-1965 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 24 с.; Азимов А. Деятельность местных советов УзССР по развитию хлопководства в 1959-1965 гг. (по материалам Самаркандской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 28 с.; Аюпьян Н. А. Культурное сотрудничество Узбекистана с республиками Средней Азии (1959-1965 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 24 с.; Мустафаев М. Совершенствование организационно-партийной работы в период коммунистического строительства (1959-1965 гг.) (по материалам Бухарских сельских партийных организаций): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 26 с.; Насриддинов Ф. Развитие высшего образования в Узбекистане (1959-1965 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 24 с.; Ниязов А. Развитие социалистической культуры Узбекистана в период завершения строительства социализма и перехода к строительству коммунизма (1946-1965) (на материалах Андижанской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 24 с.; Раимова Н. Трудящиеся Узбекистана в борьбе за развитие хлопководственной промышленности (1959-1965): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 25 с.; Суяров К. С. Участие общественности в работе местных советов депутатов трудящихся Узбекистана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1968. – 28 с.;

№	Ф.И.О.	Докторлик тадқиқоти мавзуси	Ҳимоя қилинган йил	Ихтисослик
1.	Х. Ш. Иноятов	Ўзбекистонда Октябрь инқилоби	1958	СССР тарихи
2.	Ю. В. Шишкин	Варахша (тарихий археологик тадқиқот тажрибаси)	1961	Археология
3.	М. Г. Вахобов	Ўзбек социалистик миллатининг шаклланиши	1962	КПСС тарихи
4.	В. М. Массон	Ўрта Осиёнинг энг қадимги ўтмиши (деҳқончиликнинг пайдо бўлишидан Александр Македонский юришларига қадар)	1962	Археология
5.	В. Я. Непомнин	Ўзбекистонда социализм қурилишининг тарихий тажрибаси (1917-1937йй)	1962	СССР тарихи
6.	О. А. Сухарева	Сўнги феодализм шаҳар Бухоро XIX аср охири – XX аср бошларида	1962	СССР тарихи
7.	Н. А. Халфин	Ўрта Осиёда Россия сиёсати ва инглиз рус рақобати (1857-1876)	1962	СССР тарихи
8.	В. П. Харин	Ўзбекистонда Улуг октябрь социалистик инқилоби	1962	СССР тарихи
9.	М. А. Абдураимов	XVI – XIX аср биринчи ярмида Бухоро хонлигида аграр муносабатлар очерклари	1963	СССР тарихи
10.	Р. Х. Аминова	Совет ҳокимиятининг Ўзбекистонда аграр сиёсати	1963	СССР тарихи
11.	Х. З. Зиёев	Ўрта Осиё ва Сибирь (XVI – XIX аср)	1964	СССР тарихи
12.	Т. Д. Джураев	Ўзбекистон коммунистик партияси Совет Иттифоқининг Улуг Ватан уруши йилларида (1941-1945)	1965	КПСС тарихи
13.	М. М. Мусаев	Ўзбекистон коммунистик партияси СССРда социалистик жамият мустақамланиши ва ривожланиши даврида (1937)	1965	КПСС тарихи
14.	О.С. Содиков	Россия ва Хива XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошларида	1965	СССР тарихи
15.	Б. В. Лунин	Ўрта Осиё инқилобга қадар ва совет шарқшунослигида	1966	СССР тарихи
16.	Г. Р. Рашидов	Социалистик Тошкент тарихи (1917-1941 йй.)	1966	СССР тарихи
17.	Г. Н. Чабров	Ўрта Осиё ва Қозоғистоннинг XVIII – XIX аср тарихи бўйича тасвирий манбалар	1966	СССР тарихи
18.	Ж. Калимбетов	Улуг Ватан уруши йилларида республика транспорти ва саноатини қайта қуриш ва ривожлантиришда Ўзбекистон коммунистик партиясининг фаолияти (1941-1945)	1967	КПСС тарихи
19.	Р. Н. Набиев	Ўрта асрлар даври тарихини ўрганишга бағишланган асарлари учун берилган	1967	СССР тарихи
20.	С. Убайдуллаев	Биринчи ва иккинчи рус инқилоблари оралигида Ўрта Осиё халқларининг инқилобий ҳаракатлари	1967	КПСС тарихи
21.	С. Азимжонова	Ҳиндистон ва Қобулда Бобур давлати (Бобурнинг XVI аср биринчи ўттиз йиллигида ижтимоий иқтисодий сиёсати)	1968	Умумий тарих
22.	К. Ф. Фозилхўжаев	Ўзбек халқининг қардош СССР халқлари билан дўстлигининг шаклланиши, ривожланиши ва мустақамланиши тарихи	1968	СССР тарихи

Докторлик диссертациялари мавзулари аксарият ҳолларда, коммунистик партия гоёларининг тарғиботига бағишланди. Нисбатан, сиёсатдан ҳолироқ бўлган соҳа археология бўлиб, лекин унда ҳам ўзбек давлатчилигининг асосий босқичлари сохталаштирилган. Ўрта асрлар тарихида манбаларга мурожаат чекланган, бор ҳақиқатни ёзиш тақиқланиб, ўша даврларни фақат қора бўёқлар билан бўяш белгилаб қўйилган. Россия мустамлакаси даври эса чор ҳукумати сиёсатининг салбий жиҳатларини ёритишга қаратилса-да, 50-йиллардан бошлаб тарихчилар онгига сингдирила бошланган «ўз хоҳиши билан қўшилиш», «улуғ рус халқининг қолоқ ўзбек халқи ҳаётига киритган ўзгаришлардаги ўрни» масалалари бўрттирилди. Табиийки, бундай вазиятда ҳаққоний тарихни яратиш, халқ манфаати нуқтаи назаридан ёндашиш имконияти мавжуд бўлмаган, бўлган ҳаракатлар эса қаттиқ тазйиқ остига олинган. Биргина мисол сифатида, бу йилларда Ўзбекистон тарихи фанининг ривожига салмоқли ҳисса қўшган И. М. Мўминовнинг фаолиятини алоҳида таъкидлаш даркор. Гарчи, олим 1950 йил СССР ФА Фалсафа институтида «XIX аср охири – XX аср бошлари Ўзбекистонда ижтимоий-фалсафий тафаккур тараққиёти тарихидан» мавзусида «фалсафа» ихтисослигида докторлик диссертациясини муваффақиятли амалга оширган бўлса-да, унинг доимий диққат-эътибори Ўзбекистон тарихи масалаларига қаратилган эди. Шунинг учун И. Мўминов республика тарих фани соҳасида яратилган ишларга ҳеч қачон бефарқ бўлмаган ва 60-йилларнинг сўнгида Амир Темур шахси ҳамда унинг даври ҳақида ёзган тарихий тадқиқоти учун у кескин қораланди. Чунки «бундай шароитда маҳаллий халқларнинг маданий ва маънавий меросга бўлган ҳуқуқи, уларнинг миллий ва умуминсоний кадриятлардан мустақил фойдаланиш имкониятлари ҳақида гап ҳам бўлиши мумкин эмасди»¹³.

Умуман олганда, XX асрнинг 50-60-йилларида республикада ижтимоий фанлар соҳасида малакали илмий ходимларни, айниқса фан докторлари ва номзодларини тайёрлашга катта эътибор қаратилди. 1960 йилдан 1972 йилга қадар Ўзбекистонда илмий ходимлар сони 10.329 дан 27.439 кишига, фан докторлари 222 дан 627 га, фан номзодлари 2442 дан 8340 га қадар ошди¹⁴. Республика олимларининг 40 фоизини ижтимоий фанлар соҳаси вакиллари ташкил этган¹⁵. Чунончи, республика тарих фани соҳасида ҳам бу ўсиш кўрсаткичларини кузатиш мумкин. Биргина Ўзбекистон Фанлар академиясининг Тарих ва археология институти

¹³ Тарих шохидлиги ва сабоқлари. Тошкент, 2000. 389-бет.

¹⁴ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1972 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1973. С. 305-307.

¹⁵ Наука в Узбекистане. Общественные науки. Ташкент, 1974. Т. 2. С. 11.

нинг (ҳозирда Тарих институти) дастлабки давридаги (1943 й.) илмий жамоаси сони 44 кишидан иборат бўлиб, уларнинг 2 нафари академик, 2 нафари фан доктори, 5 нафари фан номзоди бўлса, 1969 йилда бу муассасада 120 илмий ходим фаолият юритиб, уларнинг таркибида 1 нафар академик, 6 фан доктори, 54 нафар фан номзоди бор эди¹⁶. Шуни ҳам таъкидлаб ўтиш керакки, таҳлил этилаётган давр мобайнида институт таркибида бир неча секторлар фаолият олиб борган:

- Ўзбекистонда феодализм тарихи (XVI асргача);
- Ўзбекистонда сўнгги феодализм даври тарихи (XVI асрдан XIX аср ўрталаригача);
- Ўзбекистон тарихи (XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошларига қадар);

- Ўзбекистонда Октябрь инқилоби ва граждандар уруши тарихи;
- Ўзбекистонда ишчилар синфи тарихи;
- Ўзбекистонда колхозчи-деҳқонлар тарихи;
- Улуғ Ватан уруши тарихи;
- Ўзбекистонда социалистик маданият тарихи;
- Совет Ўзбекистони халқларининг Совет Иттифоқи республикалари халқлари билан дўстлиги тарихи;
- Ўзбекистон шаҳарлари тарихи;
- Тарихшунослик;
- Ўзбекистон тарихий этнографияси;
- Ўзбекистоннинг совет даври этнографияси;

Кўрииб турганидек, санаб ўтилган 13 секторнинг 8 таси фақат совет даври тарихини ўрганишга йўналтирилган бўлиб, Ўзбекистоннинг қадимий ва ўрта асрлар тарихига оид тадқиқотлар ҳам синфий нуқтаи назардан, «эксплуататор синф» ва «эзилган халқ» муносабатлари концепцияси асосида таҳлил этилган. Албатта, бу йўналишда тарихчилар қатор илмий изланишларни амалга оширдиларки, уларнинг қиймати бугунги кунга қадар ўз аҳамиятини йўқотмаган. Шунингдек, бу давр тарихчиларига хос энг муҳим хусусият – архив манбаларини ишга кенг жалб этилиши эди. Уларнинг илмий меҳнатларини инкор этмаган ҳолда, айтиш лозимки, бу давр ишлари асосан фактологияга асосланган, етарли таҳлил этилмаган ва бир-бирини такрорловчи фикрларнинг кўплиги билан характерланади. Бу эса тарихий тадқиқотларнинг майда мавзучиликка асосланишига, бир ёқлама ёритилган, юқорида таъкидланганидек яқка ҳукмрон партия манфаатига хизмат қилувчи ишлар сони ошишига ва кейинги йиллардаги тадқиқотларнинг сифати пасайиб боришига, ўрганиладиган мавзулар доирасининг торайишига олиб келди.

¹⁶ Ахунова М. А., Лунин Б. В. История исторической науки в Узбекистане. Ташкент, 1970. С.179.

Н. Мустафаева

**Состояние исторической науки в Узбекистане
в 50-60-е годы XX века**

В статье освещаются вопросы организационной структуры, идейного и научного содержания исторической науки в Узбекистане в 50-60-е годы XX столетия. На основе детального анализа тематики и содержания диссертационных исследований указанного периода автор дает характеристики основных тенденций в исторической науке Узбекистана.

N. Mustafayeva

**The position of historical science in Uzbekistan
in 50-60-th of 20 century**

The problems of organizing structure, ideological and scientific content of historical science in Uzbekistan in 50-60 th of 20 century are enlighten. The author has made conclusions about main tendencies in historical science oh Uzbekistan by detail analyze of theme and content of dissertation researches those period.

Ю. Буряков, М. Филанович

**АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ
XXI ВЕКА (ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ)**

Археологические материалы, добытые в результате раскопочных работ в Узбекистане на протяжении десятилетий, – это значительный по объему и важный по содержанию вещественный источник для исторических штудий и обобщений. Среди этих материалов – как и древнейшие пещерные гроты эпохи каменного века, монументальные города и крепости эпохи античности и средневековья, а также дамбы, мосты и шлюзы, сардоба и караван-сарай, так и прекрасные памятники зодчества, подземные дворцы и храмы. Земля Узбекистана – поистине, уникальный архив золотого наследия истории и культуры прошлых веков.

Отличительная особенность археологии второй половины XX столетия – раскопки широкими площадями и изучение массовых артефактов. Эти работы продолжены и в XXI в., когда настала также пора делать более глубокие и обоснованные исторические обобщения. С этого времени появилась возможность написания целых разделов истории народов Средней Азии, ранее вообще не изученных либо малоизвестных.

Новые требования к науке, вступившей в XXI век, и открывшиеся перспективы заставляют обратиться и к пересмотру уже археологического наследия, накопленного в предшествующий период с тем, чтобы осмыслить экономическую и культурную историю на современном методико теоретическом уровне¹.

В настоящее время в Узбекистане во всех основных исторически сложившихся на его территории регионах продолжают археологические исследования, приносящие новые открытия. В рамках Академии наук Узбекистана ведут работы Институт археологии и Институт искусствоведения. Подключились к этим работам и археологи Института истории АН РУз. Свой вклад вносят Национальный университет Узбекистана, региональные университеты, музеи и вузы гуманитарного комплекса Каракалпакстана. Значимо в этом процессе участие Института истории, археологии и этнологии Каракалпакского филиала АН РУз.

Процесс накопления археологических артефактов продолжается, но осмысление их переходит на новый уровень. Примечательны результаты исследования в области каменного века. Важными достижениями стали раскопки в Ташкентской области грота Оби-Рахмат, где в эпоху палеолита обитал первопредок человека². Здесь получены важные материалы, меняющие сложившиеся в науке представления об антропогенезе. Применение различных методов датирования позволило определить абсолютную хронологию культурных отложений грота, которые укладываются в интервал от 60 до 40 тыс. лет назад. Уникальная находка останков человека, который имеет некоторые признаки человека современного облика и неандертальца, позволяет думать, что «на памятнике Оби-Рахмат мы имеем редкое свидетельство контактов различных популяций», обитавших

¹ Филанович М. И. Вопросы методологии в археологической науке // Историко-графические чтения. Посвящается памяти Б. В. Лунина. 100 лет. Сб. материалов конференции. Ташкент, 2010. С. 39-49.

² Рин Н. Н. Дж., Вагнер Дж. Д. М., Паччет П. Дж., Славинский В. С. Радиоуглеродное и урановое датирование отложений грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. Новосибирск, 2004. С. 198.

в регионе³. Таким образом, есть основания рассматривать Центральную Азию как территорию, населенную в период среднего палеолита не только неандертальцами. В этом регионе могло происходить динамичное и разнонаправленное заселение и смешение двух ветвей эволюции *Homo*⁴.

Значительно продвинулись исследования памятников эпохи бронзы и раннего железа. Множится число обнаруженных местонахождений культуры этого времени. Еще в прошлом веке на юге Узбекистана открыта так называемая Сапаллинская культура, оставленная древними земледельцами Северной Бактрии. Она принадлежала к оксийскому очагу древневосточных культур, входя в ареал распространения бактрийско-маргианского археологического комплекса. Самым значительным памятником эпохи бронзы Северной Бактрии является городище Джаркутан площадью около 100 га. В настоящее время ареал этой культуры значительно расширен. Так, на территории Северной Бактрии в западных предгорьях Байсуна исследуется поселение Тиллябулак с архитектурными сооружениями, выстроенными по заданному плану⁵. В Центральном Согде также открыты артефакты этой культуры в Зарафшанской долине (погребения Сазагана, Джама)⁶.

Установлено, что в эпоху зарождения государственности между Бактрией и Согдианой существовали тесные связи и можно говорить о параллельно идущем процессе зарождения протогосударственных институтов в этих двух областях. Развитие этого процесса высветляется более наглядно и в Бактрии, и в Согде в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Об этом свидетельствуют результаты прежних исследований бактрийских памятников, в настоящее время дополненные материалами раскопок узбекско-французской экспедиции на Коктепа в Самаркандской области⁷.

Принципиально важные открытия сделаны при археологических исследованиях культурного слоя эллинистического времени городища

³ Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Индустрия грота Оби Рахмат (Узбекистан) в контексте появления современного поведенческого комплекса на территории Центральной Азии // Археологические исследования в Узбекистане 2006-2007 годов (далее – АИУз 2006-2007). Вып. 6. Ташкент, 2009. С. 131-135.

⁴ Глантз М., Виола Б., Чинищева Т. Новые останки гоминидов у грота Оби Рахмат // Грот Оби Рахмат. С. 92.

⁵ Каниут К., Гонфер М., Ильясов Дж. Я., Шайдуллаев Ш. Б. Раскопки поселения эпохи бронзы Тиллябулак // АИУз 2006-2007 годов. Вып. 6. С. 136-141.

⁶ Аванесова Н. А. Новые материалы эпохи бронзы Зарафшанской долины // АИУз 2001. Самарканд, 2002. С. 19.

⁷ Грицина А.А., Рапен Кл., Грицина М.А., Рахимов К. Раскопки на городище Коктепа // АИУз. 2006-2007. Вып. 6. С. 121.

Кампыртепа в Северной Бактрии. В южной части городища обнаружено несколько фрагментов надписей, вырезанных на обожженных плитах арочного обрамления предвратного сооружения города. Согласно чтению надписи Ж. Фюссманом, они связаны с указанием лица, проведшего какие-то работы в городе. Значение находки в том, что это самый ранний пример использования письма кхароштки⁸ в Средней Азии.

Продолжающиеся археологические раскопки в Хорезме (городища Хазараспа, Хумбузтепа, Казаклы-Яткан и др.) привели к сложению нового представления о формировании городов и городской культуры, а также месте древнейшей столицы Хорезмского государства. Этот процесс теперь можно отнести ко времени не ранее VII – VI вв. до н. э.⁹

Таким образом, подтверждаются выводы о формировании цивилизации Древнего Хорезма под влиянием уже сложившейся древнегородской культуры южных областей (Бактрия, Маргиана), принесенной в область нижнего течения Амударьи, возможно, в результате миграции части их населения.

Важные новые открытия сделаны Каракалпакско-австралийской экспедицией в Ташкырманском оазисе правобережного Хорезма. В этом оазисе на городище Казаклы-Яткан в так называемом «Верхнем городе» открыто сооружение IV – II вв. до н. э., определяемое как храмовое. В последнее время здесь изучено и законсервировано большое количество настенных росписей в так называемой «портретной галерее правителей» в коридоре храма. Принципиально новым может быть представление о принадлежности представителей этой династии к выходцам из кочевой степи, подобно правителям Парфянского и Кушанского царств. Правомочен вывод о том, что городище Казаклы-Яткан являлось столицей Древнего Хорезма после его выхода в первой половине IV в. до н. э. из состава империи Ахеменидов и формирования независимого государства¹⁰.

⁸ Ртвеладзе Э. В. Открытие надписей кхароштки на городище Кампыртепа // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008. С. 79-84.

⁹ Баратов С. Р., Матрасулов Ш. Археологические работы в Южном Хорезме // АИУз 2002. Самарканд, 2003. С. 38 и сл.; Баратов С. Р. Некоторые проблемы археологических исследований древних культур Хорезма // O'zbekiston tarixi. Ташкент, 2008. № 4. С. 3-7; Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы Древнего Хорезма. М., 2000. С. 24-26.

¹⁰ Kidd F., Negus-Cleary M., Yagodin V. N., Bells A., Baker E. Brite // Ancient Chorasmian mural art. Bulletin of the Asia Institute. 2008. 18; P. 69-95; Kidd F. Display in the ancient Iranian world: visuals and materials // Древние цивилизации на Среднем Востоке. М., 2010. С. 62.

Достижения археологии Узбекистана в настоящее время невозможно представить без участия зарубежных коллег. Пятнадцать совместных археологических экспедиций работают во всех областях республики. Совместно с российскими и французскими исследователями изучается городище Афрасиаб. Ярким открытием стало исследование сооружений в его северной части: раннего дворцового здания арабского наместника Насра ибн-Сайяра, а также крупного административного сооружения эпохи Абу Муслима (возможно, его резиденция) (VIII в. н. э.)¹¹.

Обнаруженные на Афрасиабе уникальные сооружения второй половины XI – XII в. – несколько павильонов, богато украшенных настенными росписями, можно причислить к выдающимся открытиям нашего времени. Сохранилось до 20% живописного декора, так как они были разрушены после того, как их покинули. Тем не менее, остатки декора позволяют считать их иллюстрациями придворной жизни караханидских правителей. Фигуры мифических персонажей, тронные сцены, сновники с символами власти (лук и стрела), всадник, вероятно, сам хан, царский орел составляли декоративное панно. Нижний ярус росписи включал шествие животных, человеческие фигуры (возможно, танцовщиков). Остатки арабской надписи, читаемой как «желание сердца», указывает не только на изображение пышности двора правителя, но и на знакомство с романтическим миром персидской поэзии. Богатство иконографических сюжетов, тонкость исполнения этих росписей свидетельствуют об очень высоком уровне придворного искусства последних Караханидов в Самарканде¹². Эти росписи сами по себе уникальны, так как открывают неизвестную ранее страницу истории искусства караханидского времени Узбекистана.

В настоящее время долина Зарафшана изучается узбекско-итальянской миссией (Университет Болоньи), кооперируясь с узбекско-французской экспедицией (ИА АН РУз и CNRS Франции), при участии кафедры археологии СамГУ. Цель обследования – охрана и восстановление исторически сложившейся территории и раскопки некоторых объектов в её пределах. Таковыми стали Кафир-кала и Байсаритепа, а также некрополи номадов.

В задачи этого международного проекта входит сплошное обследование долины среднего течения Зарафшана на предмет выявления исторической динамики ирригационных систем, а также археологичес-

¹¹ Грене Ф., Грицина А. А., Иваницкий И. Д. Раскопки дворца Насра бин Сайра // АИУз 2002. Самарканд, 2003. С. 50 и сл.

¹² Karév Y. Le palais de Samarkande à l'époque islamique // Dossiers d'archéologie. Paris, 2010. № 341, sept. – oct. P. 65-67.

ких памятников всех категорий. Работы ведутся на основе всех средств технического оснащения, которыми в настоящее время располагает наука, включая методы космического отслеживания магнитометрического обследования. Они лягут в основу банка данных археологических памятников на всей территории Средней Азии с подключением его к Интернету¹³.

Новые результаты дали исследования городской культуры на территории Северного Мавераннахра в долине Сырдарьи, в частности в пределах столицы Узбекистана в Ташкенте. Изучение нижних культурных слоев городища Мингурик, где было открыто сооружение крестообразной планировки с сохранностью стен до 6-7 м, позволяет предполагать, что первогородом на его территории был пункт, разросшийся вокруг широко почитавшегося сооружения храмового типа, посвященного поклонению солнцу и огню. Он существовал в I – IV вв. н. э., а затем разросся в большую городскую агломерацию, включавшую цитадель, замок и шахристан, разрушенную затем в ходе арабского завоевания¹⁴.

В сложении этого города сказались особенности расположения в зоне культурно-хозяйственных контактов земледельцев и скотоводов степей, которая тянется вдоль всего среднего и нижнего течения Сырдарьи.

Древнейшим и одним из крупнейших городских центров Ташкентского оазиса является известное по письменным источникам как Харапкет городище Канка. В последние годы продолжено ее археологическое исследование, результаты которого по-новому раскрывают этапы развития городской структуры и оборонительной системы Канки. Так, например, в ходе исследования выявлено, что фортификационная система шахристана II, охватывавшего площадь около 60 га, имеет более сложную, чем предполагалось ранее, структуру и датировка ее относится к эллинистическим этапам жизни города.

Не менее важным аспектом изучения экономического потенциала Канки становится открытие крупного железодельного производства, которое позволяет представить этот город как важный ремесленно-металлургический экономический центр Чача, и вообще Востока.

¹³ Бердимуратов А. Э., Хасанов М. Х., Франческини Ф. Раскопки. О работах на Байсаитепа в 2007 г. // АИУз 2006-2007. Вып. 7. Ташкент, 2006. С. 63-65.

¹⁴ Филанович М. И., Богомолов Г. И., Ильясов С. Р. Новые данные по древней истории Ташкента // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Труды Международной конференции. Ташкент, 2009; Филанович М. И. «Templ town» городища Мингурик в Ташкенте // Древние цивилизации на Среднем Востоке. М., 2010. С. 91-93.

На юге Узбекистана концентрируются исследовательские усилия ряда совместных экспедиций. В частности, укажем на работы Байсунской экспедиции в оазисе Бандыхана с участием специалистов Германского археологического института¹⁵. Здесь изучается ряд памятников от эпохи бронзы до раннего средневековья, свидетельствующих о почти непрерывном обживании этой территории.

Историческая топография Термеза (городище Старый Термез), который приобрел славу южных ворот Трансоксианы, речного порта на Оксе (Амударья), а также памятники его округи уже много лет изучаются Второй узбекско-французской миссией (МАФУз Бактрианы). Кроме того, что выявлен ряд артефактов, характеризующих город эллинистического времени, наиболее важны работы, приведшие к открытию ряда новых пунктов буддизма, и исследования уже известных монастырей. Масштаб буддийского строительства в Древнем Термезе позволяет оценить высокий уровень количества верующих, исповедовавших эту религию в Термезе. Буддийские институты играли важную роль в духовной и культурной жизни города, что подтверждается открытием царской вихара. Можно считать, что буддийский центр Тармиты – Термеза находился под протекторатом Кушанского правителя. Изучение Ж. Фюссманом надписей на кхароштли, брахми и др. показало исключительное распространение в Древнем Термезе хинаяны, школы махасангхика, а также некоторое присутствие приверженцев сарваствивадины. Надписи открыли также названия монастырей–вихара в городе¹⁶.

Буддийский памятник Термеза (Каратепя) исследуется узбекскими учеными в кооперации с японскими специалистами. По заключению специалистов, он является самым крупным монастырем из известных в Бактрии¹⁷.

Следует отметить, что организация совместных мультидисциплинарных работ с зарубежными научными центрами разного профиля позволяет внедрить в археологическую науку целый ряд современных новейших методов подхода к объекту изучения.

В археологии Узбекистана активно используются географические принципы исследования, так как каждый археологический памятник имеет четкую привязку к местности. Введенная в практику система GPS

¹⁵ Сверчков Л. М., Бороффа Н. Археологические работы в Бандыхане в 2006-2007 гг. // АИУз 2006-2007. Вып. 6. С. 224 и сл.

¹⁶ Leriche P., Pidaev Sh. Termez sur Oxus. Cité-capitale d'Asie Centrale. Paris, 2008. P. 68-70.

¹⁷ Пидяев Ш. Р., Като Кюдзю. Археологические исследования в буддийском культовом центре Каратепя // АИУз 2005. Вып. 5. Самарканд, 2006. С. 176 и сл.

позволяет фиксировать ранние этапы сложения пунктов расселения в историко-эволюционном аспекте. Хронологическое развитие исторической географии, выразившееся ранее в сложной системе карт, в настоящее время все больше оформляется на электронной компьютерной основе.

Передовыми методами также являются создание и включение в археологическую науку новых информационных систем анализа объектов путем обработки данных космоснимков, расшифровки аэрофотосъемки, дистанционного зондирования палеопочв с подземным исследованием без раскопок. На этой базе формируются на едином интеграционном уровне геохронологическая информационная система ГАИС, как часть тотального кадастра памятников, существующих и избираемых для специальных исследований.

Кроме указанных выше методов, для определения антропологических останков используются специальные компьютерные программы в области генетики.

Таким образом, можно отметить позитивные изменения, происходящие в археологии республики. Как археологическая отрасль знания она впитала в себя все современные методы и методики полевых и лабораторных исследований.

Отмеченные результаты и позитивные изменения вместе с тем вы светляют ряд проблем, которые стоят перед археологической наукой как в плане теоретическом, так и в области осуществления практических исследований.

По-прежнему остается открытым вопрос выработки обоснованной терминологии, в частности, определения понятия «цивилизация». Хотя и преодолена постулируемая ранее западными исследователями интерпретация кочевой модели развития как примитивного, застывшего общества, или, по словам А. Дж. Тойнби, как «задержанная цивилизация»¹⁸, вошло в науку понятие «кочевая цивилизация», которая определяется как особая хозяйственно-культурная система, имеющая историческую целостность, возникшую в результате многовековой адаптации человека к конкретной экологической обстановке¹⁹. Опираясь, в основном, на сообщения античных письменных источников, противопоставляющих кочевые и оседлые культуры, сторонники земледельческих факторов выдвигают их как единственно обуславливающие статус древних цивилизаций. Теперь считается одинаково правомочным употребление этого

¹⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 181.

¹⁹ Хабдулина М. К. Кочевая цивилизация: критерии и понятия // Материалы Международной научной конференции «Роль степных городов и цивилизаций nomadov». Астана, 2008. С. 52.

понятия для оседло-земледельческих раннеурбанизированных обществ и приложение его к кочевничеству.

В связи с выявлением путей сложения цивилизаций и государственности – этого важнейшего направления исторической науки актуальной становится проблема соотношения и связей земледельческих и кочевых цивилизаций. Необходим более глубокий анализ источников, в котором важную роль играют вещественные факты, археологический материал, зримо, осязательно раскрывающий информационные аспекты взаимосвязей и взаимовлияний оседлых земледельцев и скотоводов-кочевников в ходе цивилизационного процесса.

Еще одной важной проблемой современной археологии республики можно назвать задачу, диктуемую жизнью. Это подготовка высококвалифицированных молодых кадров. В решении ее необходимо объединить усилия педагогических и научных учреждений, чтобы специалисты готовились по единой программе вузов с участием в научных исследованиях.

Ю. Буряков, М. Филанович

XX аср охири – XXI аср бошларида Ўзбекистон археологияси (ютуклар, муаммолар, истиқболлар)

Мақола Ўзбекистонда археология фанининг XX аср 2-ярмидаги ривожланиш йўллари, республиканинг мустақиллик даврида – XX аср охири – XXI аср бошларидаги истиқболлари тараққиётини очиб бериш масаласига бағишланган. Республиканинг йирик вилоятларида тадқиқот олиб борган археологик экспедицияларнинг кашфиётлари, моддий маданият тарихини ўрганишдаги ютуқлар, археологлар олдида турган муаммолар изчил тавсиф этилган. XXI асрда ўзбек археологлари олдида турган истиқболли режалар белгилаб ўтилган.

Yu. Buryakov, M. Filanovich

Archeology of Uzbekistan at the end of 20th – beginning of 21st (achievements, problems and perspectives)

The article deals with the analysis of the way of development of archeology in Uzbekistan in the second half of the 20th and its perspectives in the independent Uzbekistan at the end of 20th – beginning 21st. The article

describes in details the achievements in the study of history of material culture, archeological discoverers of expeditions and present problems. Also, the perspectives of Uzbek archeology in the 21st are formulated.

Н. Азимова

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЭТНОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ: ПРИМЕНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛЕВЫХ МЕТОДОВ

В конце XIX – начале XX в. произошли кардинальные изменения в концепциях этнографии, как науки, направленной на осмысление природы общества. Ученых перестает удовлетворять описание как модели теоретизирования, они переходят к пониманию, интерпретации наблюдаемых явлений. Одним из инициаторов новых подходов в этнологии стал известный впоследствии ученый Ф. Боас. Его главная заслуга – стремление перевести изучение этнических культур из руслу описания в руслу анализа и интерпретации. С этого периода этнография плавно трансформируется в дисциплину, которая в европейской традиции получила название культурной антропологии (в современной российской транскрипции – этнологии)¹.

Изучение любого объекта в науке происходит за счет аккумулированных знаний и соответствующих методов. Основным объектом исследования этнологии являются этносы, жизнедеятельность которых проявляется в различных сферах: экономической, социальной, культурной и др. Эти стороны изучаются и другими науками. Естественно, этнология взаимодействует с ними в областях исследования человека, культуры и общества, в частности с социологией.

Этнология, как и социология, использует ценностный подход, но социология стремится с помощью исследований ценностей продемонстрировать современные культурные, политические и т. д. процессы общества и тенденции их развития. Этнологию же интересует в большей степени, какую роль играют ценности в формировании и развитии этнической общности, как происходит их смена.

Значение этнологии состоит еще и в том, что она развивает теории для других наук, которые изучают этнос. В этой связи она системати-

¹ Денисова Г. С., Радовель М. Р. Этносоциология. Ростов-на-Дону: Изд во ООО «ЦВВР», 2000. С. 23.

зирует, обобщает и объясняет этнографический материал, осуществляя тем самым роль теории по отношению к другим смежным дисциплинам. В фокусе этой разработки лежат выявление и анализ специфических этнических закономерностей, которые связаны с закономерностями исторических, социальных, экономических процессов. Для выполнения данной функции этнология оперирует многими общесоциологическими понятиями, такими как «стратификация», «процесс», «традиция», «роль» и др.

Социология и этнология имеют общую историю и единые корни. Изначально социология складывалась как наука о формах совместной жизни и деятельности людей, и поэтому предметом ее изучения были формы человеческой социальности: социальные группы и слои, социальная структура, социальные институты и т. д. Центральной категорией социологии является общество, обозначающее формы связей между людьми, как правило, совместно живущими и действующими на общей территории. Тем самым социология ориентируется на исследование форм социального взаимодействия. Эти элементы социальных отношений представляют научный интерес и для этнологии, так как в её предметное поле входят вопросы устойчивых форм, образцов поведения людей в обществе².

Между тем изучение этих вопросов этнологией осуществляется иным способом, чем в социологии. Социология стремится преимущественно к исследованию всего общества как системы социально-структурных связей. Для этнологии же наибольший интерес представляют проблемы социальной структуры этнических общностей, социальной динамики этнических культур, социальной дифференциации этносов, этнического самосознания, этнических особенностей психики разных народов и т. д. Иными словами, этнология изучает социальные процессы и явления в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах.

Изначально социологи исследовали западное индустриальное общество, а антропологи (этнологи) – доиндустриальное. Видимо, именно в этом и заключалось первоначальное и основное разделение между этими двумя дисциплинами. Социология изучала «нас», а антропология «других». Но сегодня социология расширяет сферу своей компетенции и активно вторгается туда, где до сих пор нераздельно царствовали антропологи. Антропологи же изучают не только традиционные общества, но и, если речь идет о прикладной антропологии, процессы индустри-

² Культура и этнос. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов / Сост. Щеглова Л. В., Шипулина Н. Б., Суродина Н. Р. Волгоград: Перемена, 2002. С. 19.

ализации и урбанизации. Таким образом, социологи и антропологи сегодня сблизались и в методах, и в объектах исследования.

С расширением предмета исследований в обеих дисциплинах в первой половине XX в. происходит размывание границ. Это порой приводит к тому, что невозможно определить, где кончается одна дисциплина и начинается другая.

К. Леви Стросс отмечал, что «социология становится специальной дисциплиной, занимающей место в одном ряду с другими социальными науками: она занимается изучением социальных отношений в современных группах преимущественно на экспериментальной основе и, по видимому, не отличается от антропологии ни методами, ни объектом своих исследований. Правда, возможно, что эти объекты (городские сообщества, сельскохозяйственные организации, национальные государства и составляющие их сообщества, даже общество в международном масштабе) обладают иным порядком величин и оказываются более сложными, чем так называемые первобытные общества. Но поскольку антропология проявляет все больший интерес именно к этим сложным формам, то трудно усмотреть какое-то существенное различие между той и другой науками»³.

В процессе поиска моделей социального поведения человека этнология и социология постоянно сближаются и интегрируются в области методологии. Социолог и этнолог чаще всего используют общие методы исследования (включенное наблюдение, интервью, опрос (анкетирование), анализ документов и пр.). Но в использовании этих методов у каждой науки имеются свои особенности. Этнологи в первую очередь отдают предпочтение методу наблюдения и углубленного интервью, при этом широко пользуются методом анкетирования. В свою очередь, социологи, признавая глубину полевого материала, полученного в результате включенного наблюдения, считают важным использование метода опроса. В целом следует отметить, что для исследователей обеих дисциплин важен комбинированный подход: количественный и качественный. Однако для этнолога первый играет вторичную роль для верификации (проверки) полученных в результате второго подхода данных. В то время как для социолога важен первый подход, второй используется для того, чтобы объяснить полученные цифровые данные.

Метод наблюдения. Принято считать, что метод наблюдения пришел в социологию из антропологии (этнологии). Антропологи наблюдали образ жизни, социальные отношения и взаимодействие, обычаи,

³ Леви Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 810.

нравы и традиции забытых и малочисленных народов, племен и общин. Развитие этнографии как науки было связано, в частности, с переходом от сбора отдельных сведений о культуре народов к стационарному наблюдению, при котором исследователь достаточно долго живет в среде изучаемой группы.

Наблюдение – метод сбора первичной информации путем прямой и непосредственной регистрации исследователем событий и условий на местах. Наблюдение по существу означает внимательное вглядывание в происходящие события, их правильное восприятие и фиксацию – желательно по особому сценарию и с помощью специальных бланков.

Заметим, что не всякое визуальное или слуховое восприятие изучаемого объекта называется наблюдением в научном понимании. По мнению современных психологов, в основе научного наблюдения лежит способность внимания.

Научное наблюдение требует постановки четкой цели и планирования. Заранее определяется, какие именно социальные процессы и явления будут интересовать наблюдателя, по каким внешним признакам их можно отследить, в каких условиях будет происходить наблюдение и как предполагается фиксировать результаты. Правильность результатов наблюдения зависит не только от точности регистрации фактов поведения, но и от их интерпретации.

Выдающийся социолог В. А. Ядов объяснил отличие научного от повседневного наблюдения. Согласно его трактовке, научное наблюдение отличается тем, что (а) подчинено ясной исследовательской цели и четко сформулированным задачам; (б) планируется по заранее обдуманной процедуре; (в) все данные фиксируются в протоколах или дневниках по определенной системе; (г) информация, полученная путем наблюдения, должна поддаваться контролю на обоснованность и устойчивость⁴.

Наблюдение является одним из древнейших методов познания.

Можно отметить несколько преимуществ этого метода:

- *Естественность* – позиция исследователя наблюдателя в этом случае более комфортна, чем позиция опрашивающего, благодаря чему ученый делает более верные выводы.
- *Непосредственность* – исследователь пишет о том, что видит. Вместе с тем у него есть возможность проследить социальные явления в момент их возникновения и последующих действий. Имеется возможность проследить социальную динамику. Фикса-

⁴ Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 122.

ция всего, что видит, слышит и чувствует ученый, является потенциалом типологизации и моделирования.

- *Необязательность квалификации или опыта* – отсутствие преждевременных выводов позволяет увидеть то, что не видит и не слышит опытный и владеющий багажом знаний исследователь.
- *Независимость от желания респондентов и информантов.* Наблюдать, не беспокоя людей и не отнимая у них время на опрос.

Метод наблюдения – целенаправленное, систематическое, непосредственное визуальное восприятие и регистрация значимых с точки зрения целей исследования этнических явлений, процессов, а также отдельных признаков и свойств изучаемых этнических групп и общностей. Суть его заключается в наблюдении образа жизни, взаимодействий, обычаев, нравов и традиций племен, этнических групп и общностей.

Полевая работа (наблюдения. – прим. автора) – если она успешна, дает более богатую информацию о жизни общества, чем многие другие методы. Если мы понимаем, как выглядят вещи «изнутри» данной группы, то можем лучше понять, почему ее члены поступают так, а не иначе. Полевая работа – это, по всей видимости, единственный возможный метод для исследования группы, культура которой в своей основе неизвестна посторонним и должна быть «усвоена», прежде чем действия членов этой группы станут понятными. Полевая работа предоставляет исследователю больше гибкости по сравнению с другими методами, например, опросом. Исследователь, работающий в поле, может приспособиться к новым непредвиденным обстоятельствам и следовать ориентирам, возникающим в процессе самого исследования⁵.

Этнолог пытается в поле исполнять роль включенного наблюдателя. Наилучшим является участие в жизни общества и стремление узнать о культуре, но в то же время выполнение роли объективного наблюдателя.

Метод интервью и опроса. И социологи, и этнологи используют неформализованные (неструктурированные) и формализованные (структурированные) интервью.

С помощью неформализованного интервью в мире собирается большая часть этнологической информации. Исследователи считают этот метод почти универсальным методом познания, поскольку он позволяет получить информацию о чувствах, мотивах, установках, побуждениях, которыми руководствуется человек в своем повседневном поведении. Помимо изучения субъективных состояний, с помощью метода интер-

⁵ Энтони Гидденс. Социология. М., 1998. С. 622.

вую можно получить информацию и об объективных явлениях жизни этносов, не зафиксированных в документальных источниках.

Социологический метод структурированного интервью (анкетирования) представляет собой совокупность исследовательских методов, технических приемов и процедур сбора, обработки и анализа информации и данных, представляющих интерес для этнологической науки. Данный метод используется для сбора сведений по определенным вопросам или в связи с теми или иными событиями жизнедеятельности этносов (межэтнические конфликты, изменение этнических границ, проблемы этнической идентичности, межэтнические контакты и т. п.). Цель этого метода заключается в том, чтобы собрать данные, которые могут быть сравнимыми и валидными, то есть корректными.

В социологии при интерпретации результатов наблюдения обычно сталкиваются с проблемой обобщения. Как можно быть уверенным, что обнаруженное в одном контексте окажется применимым для других ситуаций? Данная проблема практически не возникает при *опросах* (обследованиях), хотя у них, разумеется, есть свои недостатки. При опросах списки вопросов либо рассылаются, либо вручаются непосредственно при интервью выбранной группе людей, которая иногда может насчитывать несколько тысяч человек⁶.

И социологи, и этнологи используют данные двух видов опроса: сплошной и выборочный. В свою очередь в рамках сплошного опроса выделяется особая разновидность – перепись, при которой опрашивается все население страны, этнической общности или группы. Для этнологов перепись имеет огромное значение, так как содержит информацию по самому широкому кругу вопросов, в том числе об этнической принадлежности (национальность), языке, социально-экономической, социально-культурной и демографической проблемах. Более того, эта информация уже представлена в систематизированном, упорядоченном виде.

Не менее важным и надежным методом является выборочное исследование. Популярность этого метода в значительной степени обусловлена тем, что этнологи, как отмечалось, часто не имеют возможностей для проведения сплошных комплексных обследований этнических процессов или этнических групп отдельных регионов. Поэтому, как правило, исследование проводится избирательно – по ограниченному кругу проблем или объектов исследования либо по отдельным этническим группам.

⁶ Энтони Гидденс. Социология. М., 1998. С. 623.

Выборка. Исторически этнологи фокусировались на маленьких обществах или маленьких сегментах больших обществ, где они могли в течение полевой работы вступить в контакт и собрать данные у большинства населения. Изучая большие общины или общества, этнолог может вступить в непосредственный контакт как наблюдатель, в каком-нибудь квартале, в то же время собирать данные из других сегментов общества, используя методы выборки. Этнологи в настоящее время вооружились современными методами выборки, разработанными социологами в процессе анализа. Выборка используется для того, чтобы собирать данные с большого массива населения и проводить статистический анализ этих данных. При проведении включенного наблюдения и неформализованного интервью этнологи используют свое собственное суждение (оценку) при выборе информантов по поводу их знаний, навыков или выводов, которые могут внести вклад в глубину или ширину исследования. Такая выборка называется оценочной выборкой (*judgment sample*), а в социологии – экспертным опросом.

Случайная выборка имеет целью избежать предубеждения через предоставление каждому равного шанса быть интервьюированным или наблюдаемым. Размер выборки зависит от процента от населения, который вы решили использовать как вашу базу данных. Как в социологии домохозяйства выбираются по таблице случайных чисел.

Ведение дневников. Дневники используются как социологами, так и этнологами в том случае, когда необходимо проследить повторяющийся день за днем действия индивида в данном социальном окружении, фиксацию некоторых расходов как домохозяйства в целом, так и по отдельным статьям, например на обрядность. Наблюдения и структурированные интервью могут не дать достаточной информации о круге регулярных занятий человека. Если мы хотим воссоздать то, что он делает в различное время дня или в различные дни месяца, часто полезно, чтобы он вел собственные записи.

Увеличение числа социологических исследований, в которых представлены этнологические методы, позволяет говорить об успешном поиске методологического инструментария, более адекватного меняющимся контурам социальной жизни, способного распознать, нащупать «невидимые грани социальной реальности»⁷.

По мере того как социология прилагает усилия к тому, чтобы создать социальную науку с точки зрения наблюдателя, антропология пытается разработать науку об обществе с точки зрения наблюдаемого.

⁷ Романов П. В. Микроуровень социальной реальности: возможности междисциплинарного подхода // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 31.

Таким образом, становится понятным, почему социология может рассматриваться (и всегда по праву) то, как *частный случай* антропологии, то, как дисциплина, стоящая во главе иерархии социальных наук⁸.

Близость и широта взаимных научных интересов к одним и тем же общественным явлениям у социологии и этнологии оказались настолько велики, что в 30-е годы прошлого столетия на стыке этих двух наук сформировалось отдельное научное направление – этносоциология. Основоположителем этого направления стал немецкий ученый Рихард Турнвальд, по мнению которого эта прикладная наука должна изучать взаимосвязь этнических и социальных процессов в жизни современных индустриально развитых стран⁹.

Расширение объекта исследования за пределы только изучения культуры одного народа непосредственно влекло за собой постепенное формирование нового научного направления. И здесь предметом анализа выступала уже не собственно культура этноса, а этнос как социальная группа, которая вступает в межгрупповые взаимодействия, обособляется от других групп или размывается ими¹⁰.

Объектом этносоциологии, как и смежных научных дисциплин (этнографии, этнологии, культурной антропологии), является этнос. Однако предметные области исследования у всех этих наук различны¹¹.

В центр внимания стали попадать не только глобальные явления, но и местные сообщества – городское или сельское поселенческие сообщества, национальное (государственное) сообщество. Исследование локальных сообществ потребовало использования как методов теоретической социологии, так и эмпирических методик. Такой сплав позволял, с одной стороны, выйти на новый уровень теоретических обобщений накопленных фактов, а с другой – вносить коррективы в теоретические построения, описывающие макросоциологические процессы. Так, в социологии возникли теории среднего уровня, одна из которых – этносоциология.

Предметная область этнической социологии достаточно широка. Это и социальная структура народов, особенности социальных изменений в их среде; миграции; специфика внутрисемейных отношений у народов с учётом социальной дифференциации; тенденции в использовании языков в различных социальных группах; соотношение культур

⁸ Леви Стросс К. Структурная антропология. С. 811.

⁹ Культура и этнос. С. 19.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Денисова Г. С., Радовель М. Р. Этносоциология. С. 19.

разных этнических общностей; этническое самосознание; межэтнические отношения и т. д.

Таким образом, мы можем наблюдать, что интеграция двух наук является требованием времени, когда представителю одной науки для более полного раскрытия этнического вида общества необходимо применять методы другой науки.

Н. Азимова

**Этнология ва социологиянинг фанлараро интеграцияси:
баъзи дала услубларининг қўлланилиши**

Мақолада социология ва этнология каби фан соҳалари тарихий таракқиётида ўзаро интеграциялашув жараёнларининг қандай тарзда юз бераётганлиги кўрсатиб берилган. Бундан ташқари тавсифий тадқиқот усули ҳамда инсоннинг социал ахлоқ моделларини ўрганиш орқали хозирги пайтда мазкур фан соҳалари орасидаги ўзаро алоқалар очиб берилган.

N. Azimova

**Interdisciplinary integration of ethnology and sociology:
application of some methods**

In the article author demonstrates process of integration between two social sciences, i. e. Ethnology and Sociology that has taken place in the course of their historical development. Besides, while describing research methods and defining models of human's social behavior article illustrates that contemporary stage of both sciences is distinguished by their mutual interrelation.

Тарихшунослик

Д. Абиджанова

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В XV ВЕКЕ

Современные политические и социально-экономические трансформации, происходящие в государстве, требуют серьезного анализа и осмысления процессов посредством изучения исторического прошлого и опыта предыдущих поколений. С этой точки зрения представляется важным изучение источников и рукописных документов, на основе которых можно воспроизвести объективные исторические процессы, имевшие место в тот или иной период времени.

Для выявления тенденций и особенностей в развитии историографии в данный период представляется необходимым:

а) исследование процессов формирования историографической традиции в Средней Азии и Иране в XV в.;

б) выявление причинно-следственных взаимосвязей, условий и среды, способствующей интенсивному развитию наук в целом и истории – в частности;

в) изучение вышеупомянутых вопросов в отечественной и западной историографии.

Богатое письменное наследие свидетельствует о том, что историографические традиции формировались в средневековье как на Западе, так и на Востоке. Доказательством служат известные труды по всеобщей истории античных авторов Страбона, Геродота, Арриана в Греции и Риме¹, а также восточных историков ибн Халдуна, ат-Табари, Рашид ад-Дина и др. В дальнейшем мы наблюдаем продолжение традиции написания всеобщей истории и среднеазиатскими историками, в которых авторы пытались представить свое видение мира, исторических событий и фактов. При этом естественно, что не все веки истории были освещены в полной мере: проявляется наличие «белых пятен» в те или иные периоды правления династий и в истории отдельных государств.

Особенно интересен в этом отношении XV век – эпоха правления династии Темуридов, которая нашла достаточно всестороннее освещение в средневековых источниках, созданных на персидском, арабском и тюркских языках. Многие из них сохранились и стали предметом иссле-

¹ Лу н и н Б. В. История Узбекистана в источниках. Ташкент: Фан, 1984. С. 44-48.

дования для современных историков. Во многом это обусловлено развитием науки в период независимости, трансформацией теоретических основ, стремлением восстановить объективную национальную историю. Итогом последних десятилетий явились аккумулирование дополнительных материалов, введение в научный оборот новых источников, создание обширного массива литературы, требующего анализа и осмысления. Наличие имеющегося объема литературы и вызывает необходимость изучения средневекового периода и условий формирования в нем историографических традиций.

За последние десятилетия учеными было изучено большое количество рукописей, хранящихся в фондах и библиотеках страны. Их описания неоднократно представлялись в изданиях как у нас в стране, так и зарубежом. Так, например, ряд наиболее важных источников, относящихся к средневековому периоду, представлен в «Собрании восточных рукописей»². Богатая информация о письменных памятниках содержится также в таких изданиях, как «Историко-географическая литература Средней Азии XVI – XVIII вв.», где рассматриваются свыше пятидесяти ценных восточных рукописей, относящихся к позднесредневековому периоду³.

Ранние историографические традиции получили наибольший импульс в своем развитии именно в XIV – XV вв. При детальном рассмотрении данного периода возникают такие вопросы, как: «Что же являлось причиной подобного культурного развития?» и «Целесообразно ли называть данный период «Темуридским» или «Среднеазиатским Ренессансом?»

Исследователи приводят ряд обоснований, отвечая на данные вопросы, считая, что это было продолжением культуры предыдущего времени в новом качестве. Г. А. Пугаченкова отмечала, что «это новое выразилось в сочетании рационального начала, которое особенно наглядно проявилось в расцвете точных наук, литературы, различных формах искусства и наряду с тем, мистических начал, пропагандируемых суфизмом...»⁴. По ее мнению, сочетание рационализма и мистицизма составляло характерную черту культуры народов Среднего Востока, причем

² Собрание восточных рукописей Академии наук Республики Узбекистан. История / Под ред. Урунбаева А. Ташкент: Фан, 1998.

³ Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI – XVIII вв. Письменные памятники. Ташкент: Фан, 1985.

⁴ Пугаченкова Г. А. Что такое «Ренессанс Темуридов?» // Тезисы Международной конференции «Амир Темури и его место в мировой истории». Ташкент: Ўзбекистон, 1996. С. 9.

в период Темуридов преобладало именно первое рациональное начало, наглядно проявившись в различных формах⁵. Развиваются также и гуманитарные науки, в том числе история и языковедение. Именно в этот период создано множество исторических сочинений разного жанра – от хроник, панегирических произведений, полных цветных метафор, до документально-объективных, к которым можно отнести произведения историков Абдураззак Самарканди, Мирхонда, Хондамира.

Среди других факторов ученые отмечают и социально-политические условия: централизацию государства, установление стабильности, порядка, развитие торговли и укрепление экономики. Важной особенностью этого периода, на наш взгляд, являлась сформированная интеллектуальная среда, способствовавшая созидательным процессам и активизации культурного развития. Многие представители династии были сами всесторонне образованными людьми и всячески поощряли развитие науки. И это было немаловажным фактором для расцвета культуры в целом.

По мнению Д. Юсуповой, высокий уровень развития науки предопределялся также и тем значением, которое придавалось образованию. Согласно ее данным, в начале XVI в. только на территории Герата насчитывалось тридцать шесть медресе, во многие из которых приезжали учиться мусульмане со всего мира⁶. При дворах правителей существовали богатые библиотеки, в которых имелись ценные коллекции книг и манускриптов. Следует отметить, что традиция собирания рукописных коллекций уходит в глубь веков центральноазиатской цивилизации. Известно о существовании богатых библиотек при Саманидах, Газневидах, Темуридах и Шейбанидах в Бухаре, Мерве, Самарканде, Газне, Герате и других крупных городах⁷. В этих библиотеках также трудились многие известные ученые и просвещенные люди того времени.

Наряду с другими отраслями науки развивается и историография, появляются труды, освещающие историю отдельных государств, династий.

Историографическая традиция, получившая свое дальнейшее развитие в XV в., во многом связана с деятельностью самого Амира Темура, который стремился фиксировать даты военных походов и важные события в своей жизни и в жизни членов своей семьи. Существует ряд

⁵ Там же.

⁶ Юсупова Д. Вопросы образования в эпоху Амира Темура и Темуридов // Тезисы Международной конференции «Амир Темура и его место в мировой истории». С. 70.

⁷ Урунбаев А. Предисловие // Собрание восточных рукописей Академии наук Республики Узбекистан. История. С. 3.

важных источников, относящихся к периоду правления Темура и написанных по его поручению. Это сочинение Гийяс ад-Дина Йазди «Дневники похода Амира Темура в Индию», произведения Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Али Йазди, известные под названием «Зафарнаме» («Книга побед»). Ученые, изучавшие эти произведения, отмечают пышный витиеватый стиль сочинения Гийяс-ад-Дина Йазди, свойственный той эпохе, порой трудно воспринимаемый читателем. Тем не менее, будучи написанным современником, оно является важным и достоверным источником, отражающим данный период истории⁸. «Зафарнаме» Шами также написано по поручению Амира Темура и освещает историю его деятельности со времени прихода к власти (1370) до возвращения из семилетнего похода. В отличие от предыдущего сочинения труд написан простым языком, что делает его доступным для более широкого круга читателей. По мнению ученых, «Книга побед» Шараф ад-Дина Али Йазди в значительной степени зависит от предыдущего сочинения – «Зафарнаме» Низам ад-Дина Шами, но имеет ряд преимуществ: отдельные факты у Шами проверены и уточнены, события охватывают период до падения Халил Султана (1409 г.). Сочинение написано высоким стилем и в духе богатырских сказаний. Еще одно преимущество произведения – оно имеет обширную вводную часть, в которой кратко излагается история трех улусов: Джучи, Чагатая и Ильханидов, образованных в составе империи Чингиз-хана от его кончины и до времени образования государства Амира Темура. Сочинение Йазди было написано по поручению Иброхим Султана, сына Шохруха и правителя области Фарс и завершено в 828/1425 г.⁹

Историографические традиции, т. е. написание хроник, истории жизнедеятельности правителя, были продолжены и после смерти Амира Темура его наследниками. Большой научный интерес для изучения социально политической и культурной жизни Центральной Азии в средневековый период представляют также работы историков Таж ад-Дина ас Салмани, Хафизы Абру, Муъин ад-Дина Натанзи. Многие из произведений этих авторов были созданы по инициативе либо по поручению правителей династии Темуридов. Что касается непосредственно периода XV в., то это время также достоверно представлено отдельными историками, жившими и творившими в тот период. Востоковеды тщательно изучили многие из произведений, относящихся к данному

⁸ Амир Темур в мировой истории. Письменные источники. Ташкент: Шарк, 2001. С. 190

⁹ Ахмедов Б., Мукминова Р., Пугаченкова Г. Амир Темур. Жизнь и общественно политическая деятельность. Ташкент: Университет, 1999. С. 4.

периоду. В частности, узбекские востоковеды осуществили большую работу по изучению средневековых источников. В работах Б. Ахмедова, Р. Г. Мукминовой, А. Урунбаева, Д. Юсуповой, У. Уватова¹⁰ и мн. др. содержится перевод наиболее важных источников того периода и дается их глубокий анализ.

В контексте изучения развития исторической науки сквозь призму интенсивного развития культуры в целом подготовлено монографическое исследование Д. Юсуповой «Жизнь и труды Хондамира», посвященное изучению творческой биографии ученого историка XVI в. Хондамира.

Гийасаддин Хумамаддин Мухаммад, по прозвищу Хондамир, автор произведения «Краткая суть известий относительно жизненных обстоятельств лучших людей», являлся внуком известного историка Мирхонда по материнской линии. Он родился в Герате в 879/1474-1475 или в 880/1475-1476 гг. В конце 934/1535-1536 гг. он направился в Индию и с начала 935/1528 г. находился на службе у основателя династии Бабуридов Захириддина Мухаммада Бабура (932/1526-937/1530), а затем его преемника Хумаюна (937/1530-963/1556). Хондамир создал ряд важных сочинений, в том числе четыре – по всеобщей истории. Им также был завершён труд Мирхонда «Раузат ас-сафа»¹¹. Как и его дед, Хондамир пользовался большой поддержкой со стороны Алишера Навои, которому и были посвящены это и другие произведения.

В работе Д. Юсуповой на основе изучения первоисточников сделан обзор основных трудов Хондамира, их периодизация и представлена важная информация о развитии государства и общества в XV – XVI вв. Особое внимание уделяется отражению процессов развития науки и культуры в Центральной Азии и частично – в Северной Индии в XV – XVI вв. Как отмечает автор, говоря о развитии истории, «Хондамир сам является ярким представителем исторической науки своего времени. Прогрессивная тенденция в освещении исторических событий прослеживается во всех его трудах. ...В книге «Макарим ал-ахлак», посвященной прославлению благородных качеств Алишера Навои, творческая биография Хондамира мастерски сочетается с историей страны: разви-

¹⁰ Абд ар-Раззак Самарканди. Матла ас-садайн ва маджмаъ ал-Бахрайн / Пер. с персидского, предисловие и примечания Урунбаева А. Ташкент, 1969; Ибн Арабшах. Аджаиб ал-макдур фи тарихи Таймур (Чудеса предопределений в истории Темура) / Пер. с арабского, предисловие и комментарии Уватова У. Ташкент, 1992.

¹¹ Краткая суть известий относительно жизненных обстоятельств лучших людей // Собрание восточных рукописей АН РУз. История. С. 66-67.

тием науки, литературы, образования, искусства, строительства грандиозных сооружений и т. д.»¹² В своих работах Хондамир также упоминает о некоторых историках, например таких, как Мавлана Камал ад-Дин Абд ар Раззак (1413), Мавлана Муин ад-Дин Мухаммад Исфизари и, конечно, приводит в пример своего деда Мирхонда¹³.

Мирхонд родился в 1433 г. в Балхе, но большую часть своей жизни провел в Герате. Он пользовался уважением и всемерной поддержкой Темуридов, был просвещенным человеком своего времени. С юности, проявляя большой интерес к таким наукам, как история и философия, Мирхонд впоследствии стал продолжателем традиции историографии, которая сформировалась и получила наибольшее развитие в период правления Амира Темура и его преемников.

Одним из наиболее известных его произведений является труд по всеобщей истории *«Раузат ас-сафа фи сират ал-анбийя ва-л-мулук ва-л-хулофа»*. На протяжении долгого времени семитомный труд Мирхонда являлся едва ли не единственным источником по истории Ирана и Средней Азии. В своем историческом произведении *«Раузат ас-сафа фи сират ал-анбийя ва-л-мулук ва-л-хулофа»* (*«Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов»*) Мирхонд представил историю со дня сотворения мира до 1523 г.¹⁴

Как известно, большую часть своей жизни Мирхонд провел в Герате, где пользовался покровительством известного поэта и государственного деятеля той эпохи – Мир Алишера Навои. Благодаря его поддержке он получил возможность служить при дворе Султана Хусейна и пользоваться книгами богатой придворной библиотеки. По мнению известного ориенталиста А. А. Ромаскевича, «...находясь в благоприятных условиях, Мирхонд, конечно, имел возможность пользоваться широко и беспрепятственно нужными сведениями – письменными и устными – в особенности при изложении современных и близких ему, к его эпохе событий в Средней Азии»¹⁵.

Что касается зарубежных исследований, в первую очередь следует отметить работу известного британского ориенталиста Эдварда Брауна *«A Literary History of Persia»* (*«Литературная история Персии»*)¹⁶. На Западе эта монументальная работа пережила 5 переизданий, начиная

¹² Ю с у п о в а Д. Жизнь и труды Хондамира. Ташкент: Фан, 2006. С. 93.

¹³ Там же. С. 95.

¹⁴ Темур ва Улугбек даври тарихи. Тошкент: Қомуслар Бош тахририяти, 1996. С. 24.

¹⁵ Р о м а с к е в и ч А. А. Персидские источники по истории туркмен и Туркмении XV вв. // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 60.

¹⁶ E d w a r d G. Browne, A Literary History of Persia. Cambridge University Press, 1952.

с 1902 г., и представляет собой многотомное исследование, в котором рассматривается обширное литературное наследие, созданное на персидском языке, начиная с древнейших времен. В предисловии сам автор отмечал, что хотел бы представить интеллектуальное наследие Персии/Ирана, включая различные жанры литературы, поэзии и прозы на персидском языке¹⁷.

Данная работа, на наш взгляд, чрезвычайно важна для изучения востоковедами, так как в ней представлены основные значительные произведения, созданные на персидском языке как повествовательного, так и поэтического жанра. Ценным является то, что Э. Браун не ограничивается региональными составляющими, а рассматривает почти все известные к тому времени произведения, созданные на персидском языке не только сугубо на территории Ирана, но и за его пределами. Работа представляет собой детальное литературно-критическое исследование, при этом оно содержит и исторический анализ, где представлен обширный материал, касающийся истории развития государств, правящих династий и значительных событий, происшедших в тот или иной период. Важность данной работы для источниковедов заключается также в том, что в ней представлены основные детерминации историографической традиции на персидском языке в целом. Относительно периода XV в. Э. Браун, отмечая интеллектуальную атмосферу, способствующую развитию науки и культуры, писал: «Герат во времена правления Султан Хусейна (1473-1506) может считаться кульминационной точкой всего этого блестящего периода, и имеет дополнительное значение тем огромным влиянием, которое предопределило позже развитие литературы Оттоманского периода»¹⁸.

Действительно, Герат в тот период являлся одним из культурных центров Средней Азии и всего Востока. При дворе Султан Хусейна можно было встретить выдающихся личностей эпохи – ученых, известных поэтов, музыкантов. Сам Хусейн Байкара являлся просвещенным человеком и блестящим поэтом. Несомненно, большую роль в формировании интеллектуальной атмосферы сыграл Алишер Навои, который, будучи меценатом, оказывал всестороннюю помощь талантливым людям, понимая все трудности творческого поиска. Его поэтические произведения были примером для подражания, что отразилось на литературном наследии Оттоманской империи, где эталоном стиля в поэзии являлись выдающиеся поэты, жившие и творившие при дворах темуридских правителей.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Edward G. Browne. Vol. III chapter VII. P. 421.

Исследование Э. Брауна можно рассматривать как антологию персидской поэтической и прозаической литературы. Автор приводит обширные исторические сведения из первоисточников, что представляет огромную ценность с точки зрения воспроизведения истории. На Западе это произведение считается классическим и до сих пор вызывает огромный научный интерес, хотя и было впервые издано в 1902 г.

Что касается более поздних зарубежных исследователей, здесь следует особо отметить работы Ю. Брегеля, Д. Вудса, У. Текстона, М. Субтелни, Джо-Энн Гросс¹⁹, благодаря усилиям которых многие источники средневекового периода были изданы и переведены на западные языки.

Следует отметить, что многие из зарубежных исследований посвящены культурологическим аспектам, процессам бурного развития науки, имевшим место в анализируемый период в Средней Азии. В целом при изучении отдельных работ выявляется несколько общих тенденций. Первое, что обращает на себя внимание, это более *широкий охват Центральноазиатского региона*, т. е. многие западные ориенталисты рассматривают историю Средней Азии XV – XVI вв. в неразрывной связи с историей Ирана и Индии, а также в контексте изучения всего мусульманского мира, китайской и монгольских цивилизаций. Целесообразность данного подхода очевидна и обусловлена многовековыми взаимосвязями соседних регионов, общностью среды обитания, традиций и религиозных верований, а также включением региона в различные государственные объединения в определенные периоды истории (Ахеменидское государство, Кушанская империя, Арабский Халифат и т. д.). Такой комплексный подход позволяет понять и охарактеризовать процессы, имевшие место в истории народов.

Второе, что прослеживается в зарубежных исследованиях, это тенденции рассмотрения того или иного феномена в *сравнительном аспекте* с подобными явлениями, имевшими место в мировой истории. Относительно периода XIV – XV вв. можно привести в пример ряд терминов, которые авторы употребляют для объяснения развития культурных процессов. Так, например, в XX в., с середины 60-х годов вслед за термином «Мусульманский Ренессанс», введенным Адамом Мецом, стал употребляться «Темуридский Ренессанс» для обозначения первоначально архитектурного наследия периода Темуридов, а впоследствии и в более

¹⁹ Woods John E. The rise of Timurid Historiography // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 46. 1987. № 2; Subtelny M. Socioeconomic bases of Cultural patronage under the Later Timurids. // JMES. Vol. 20. 1988. № 4.

широком контексте. Подобные сравнения мы встречаем у французского историка Жана-Поля Ру²⁰ и мн. др.

Следует отметить, что именно архитектурное наследие стало первоначально одним из основных объектов изучения XV в. зарубежными авторами. Это работы Т. Аллена, Т. Ленца, Г. Лоури²¹, в которых авторы отмечают, что посредством изучения различных видов искусства, произведений прикладного мастерства можно представить развитие и уровень общества в изучаемый период.

Далее мы прослеживаем продолжение традиций написания историй и биографий уже и при Бабуридах. Как известно, Бабур сам является одним из создателей поэтических и прозаических произведений. При его наследниках историографические традиции получили свое дальнейшее развитие, свидетельством чего являются такие произведения, как «Хумаюн-номе» и «Акбар-номе».

Таким образом, результаты анализа исторических процессов, имевших место в XV в. в Мавераннахре и Хорасане, свидетельствуют об интенсивном культурном развитии в период правления Темуридов. Интеллектуальная среда стимулировала дальнейшее развитие многих отраслей наук, в том числе и исторической. Историографические традиции имели определенные положительные детерминации, при которых они видоизменялись, совершенствовались научно и стилистически, переходя от констатации простых биографических данных, с одной стороны, и восхвалительно-пышного стиля – с другой к более совершенным формам изложения исторических, достоверных фактов и анализа событий.

Д. Абиджанова

XV асрда Ўрта Осиёда тарихшунослик анъаналарининг шаклланиши ва ривожланиши

Мазкур мақолада XV асрда Ўрта Осиёда тарихшунослик анъаналарининг шаклланиши ва ривожланиб бориш тенденциялари тахлил қилинган. Тарих фанининг шаклланиши ва ривожланиши жараёнларининг ўзига хос хусусиятларини очиб бериш учун муаллиф томонидан

²⁰ Ру Жан - Поль. Тамерлан. М., 2006.

²¹ Allen T. Catalogue of Toponyms and Monuments of Temurid Heart. Cambridge, 1981; Golombek Lisa, Donald Wilber. The Timurid Architecture of Iran and Turan. Princeton University Press, 1988; Lentz T., Lowry G. Timur and Princely Vision: Persian Art and Culture in Fifteenth Century.

фан, шу жумладан алоҳида тарих фанининг ривожига таъсир қилган омиллар кўриб чиқилган. Шунингдек, мазкур масалаларни ватан ва хорижий тарихшуносликда ёритилиши борасида сўз юритилади.

D. Abidjanova

Formation and development historiography tradition in Central Asia in XV-th Century

The article deals with the analysis of tendencies historiography tradition in Central Asian in 15-th Century. Exploring the process of formational and development of history as a science in medieval time author is analyzing the factors which influenced to the intensive development of science in general and history in particular. The article also introduces the views of local and western approaches on Central Asian historiography.

T. Шадманов

ТЕМА АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ» В УЗБЕКИСТАНЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопросы, связанные с исламом, особенно с его положением в Советском Союзе, были постоянным объектом внимания мировой историографии, а различные аспекты мусульманской религии и в настоящее время являются предметом исследований во многих странах мира. Советская историография данной проблемы, пожалуй, наиболее объемна, однако подходы к данной теме в советских исследованиях в значительной степени отличались от исследовательских концепций зарубежных стран. Тем не менее, западные историки и исламоведы широко пользовались советской литературой, из которой извлекались статистические данные либо другие материалы, получавшие прямо противоположную оценку. В целом они накопили богатый опыт по анализу процессов, происходивших в СССР, и представляли отличную от других трактовку проблем по ключевым направлениям советской историографии. Однако и в самой зарубежной историографии ислама, особенно в части, каса-

ющейся ислама в СССР, существовали и существуют свои проблемы, тенденции и традиции.

Известно, что советская теория исламоведения опиралась на атеизм и, базируясь на коммунистической идеологии, выражала лишь негативную оценку сути и содержания исламской религии, как впрочем всех остальных религий.

Изучение религиозной жизни мусульманских народов бывшего СССР в зарубежной историографии происходило в рамках академической традиции, называемой как «советологическое исламоведение»¹. Термин введен американским историком Д. Девизом и выражает мнение советологов на проблемы ислама в советской Центральной Азии. Исследователи, специализировавшиеся на изучении советской политики в отношении ислама, в рамках «советологического исламоведения» часто комментировали и освещали «религиозные вопросы» или «проблемы ислама» путем анализа и интерпретации религиозной жизни без понимания исторической роли ислама в духовной жизни народов Центральной Азии. Существует такая проблема и в освещении темы, касающейся деятельности «Союза воинствующих безбожников» (СВБ), созданного в 1925 г. в целях борьбы с религиозностью населения, особенно мусульманского.

Ядром большевистской концепции социалистического строительства было отделение религии от государства и создание атеистического общества. Вместе с тем, власти понимали, что невозможно разом упразднить религию, формировавшуюся на протяжении многих веков и занимавшую прочное место в жизни общества. В связи с этим была разработана обширная программа атеистической пропаганды, носителем которой являлись многочисленные союзы, общества, центры и прочие организации, которые служили проводниками антирелигиозной политики советской власти. В их числе – такое изобретение большевиков, как СВБ. Однако такая активность была развернута в конце 1920-х годов. В первые годы своего правления, как отмечал английский исследователь Л. Холмс, коммунисты не были настроены радикально, считая, что нет необходимости вести активную борьбу с религией, которая, как они думали, «отомрет сама по себе»².

¹ Термин «Советологическое исламоведение» взят из работы американского историка Дивайна Девиза «Islam and the Legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Ro'i's Islam in the Soviet Union» // Journal of Islamic Studies, V. 13. 2002. №. 3. P. 298-330.

² Holmes Larry E. Fear No Evil: Schools and Religion in Soviet Russia, 1917-1941 // Sabrina Ramet, ed. Religious Policy in the Soviet Union (Cambridge: Cambridge University Press, 1993). P. 125-131.

Как считал американский советолог А. Парк, в Центральной Азии в начале 1920-х годов большевики еще не нашли форм антирелигиозной борьбы. По его мнению, антирелигиозная пропаганда, которую они вели, в основном ориентировалась на европейское население³. Что касается мусульман, то большевистские пропагандисты и агитаторы в тот период были очень осторожны, чтобы бросать прямой вызов исламской религии как таковой. По мнению американского исследователя Ш. Келлер, агитаторы делились на два лагеря – тех, которые оказывали осторожное, но постоянное содействие антирелигиозному образованию, и тех (в основном молодых людей, объединенных в комсомол), которые выступали за применение прямых антирелигиозных действий, используя по мере необходимости принуждение⁴. Отличительной чертой первых лет существования советской власти было именно наличие таких групп молодежи, объединенных в комсомол, которые в определенной им компартией роли воинствующих безбожников наиболее резко выступали против религии. В стиле «красноармейской атаки» проводили различные мероприятия, которые обычно приводили к бурным и резким протестам населения. Это было связано с тем, что руководство компартии в связи с развертыванием повстанческого движения против советской власти не могло, или, что более вероятно, не хотело уделять специального внимания религиозным проблемам и на начальном этапе пыталось руками этой достаточно радикально настроенной части молодежи разрешить данную проблему. Когда повстанческое движение было уже, в основном, разгромлено к середине 1920-х годов, большевистское правительство приступило непосредственно к осуществлению своей религиозной, вернее, антирелигиозной политики и в апреле 1925 г. организовало «Союз воинствующих безбожников», который был массовой советской антирелигиозной организацией в период 1925-1947 гг. Предтечей союза была газета «Безбожник» (1922-1941), основанная и редактируемая Е. Ярославским. Газета впервые появилась в декабре 1922 г. и внесла значительную лепту в организацию союза. В 1923 г. появился ежемесячник «Безбожник у станка», который также сыграл значительную роль в становлении СВБ.

Говоря об Узбекистане, необходимо отметить, что областные, городские и районные ячейки Союза безбожников начали создаваться уже в 1925 г. Официально Союз безбожников Узбекистана был основан в ноябре 1928 г. после проведения 1-го организационного съезда. По мне-

³ Park Alexander. Bolshevism in Turkestan. 1917-1927. New York, 1957. P. 246.

⁴ Keller Shoshanna. To Moscow, not Mecca. Westport. Connecticut. London, 2001. P. 57.

нию советолога У. Коларза, идея Союза безбожников не сразу нашла поддержку среди партийных функционеров. Некоторые не решились проявлять открытую враждебность в отношении религиозных чувств граждан. В отдельных регионах партийные власти даже не разрешали открывать отделения Союза. В других не давали разрешения на распространение памфлетов Союза среди сельского населения. Политуправление Красной армии также поначалу проявляло мало энтузиазма в отношении Союза и конфисковало некоторые из плакатов, опасаясь того, что их грубость может инициировать религиозный фанатизм⁵. Такого же мнения придерживался американский исследователь Р. Стайтс, который отмечал, что уже к 1923 г. высшие эшелоны партии были вынуждены обратить внимание на слишком кардинальную деятельность представителей Союза безбожников и после XII съезда компартии рекомендовали практиковать более умеренный подход в проведении антирелигиозной пропаганды, так как «время активной борьбы против религии еще не наступило и воинственная тактика в отношении религии на данном этапе могла быть больше вредной, чем полезной»⁶.

Несмотря на наличие различных точек зрения в зарубежной историографии рассматриваемой проблемы, в ней прослеживается общее мнение: первоначально советская власть еще не была готова к решительной борьбе против религии в общем и против исламской религии – в частности. По тактическим соображениям борьба была отложена на неопределенное время. Эта тенденция в той или иной степени отмечена практически всеми зарубежными исследователями.

Однако во второй половине 1920-х годов советское руководство внесло коррективы в свою политику и сконцентрировало свое внимание на антирелигиозной деятельности, приняв ряд целенаправленных мер. Как считал советолог А. Парк, во время осуществления НЭП большевики, с одной стороны, оказывали государственную поддержку исламским институтам, а с другой – начали очень осторожную и очень хорошо продуманную, по его мнению, программу идеологической борьбы против ислама⁷.

Результатом этой политики стало то, что вскоре осторожность была «упразднена» и в конце 1920-х годов религиозные учреждения стали закрываться, в чем большую роль сыграл СВБ. Такие радикальные меры сопровождались антирелигиозной пропагандой. Советские школы ока-

⁵ Kolarz Walter. Religion in the Soviet Union. London, 1961. P. 10.

⁶ Stites Richard. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989. P. 297-298.

⁷ Park A. Referenced publication. P. 247.

зались самым удобным местом для этого. По мнению А. Парка, работу по антирелигиозной пропаганде должны были вести коммунисты всех уровней, а СВБ был в этом их инструментом⁸. Борьба с религией и духовенством достигла своего апогея в 1929-1930 гг., когда процесс коллективизации был в разгаре, особенно в период основных мусульманских праздников и проведения весенне-полевых работ. Как отмечает М. Олкотт, притом, что коллективизированные крестьяне по всему СССР забивали миллионы голов скота, коммунистическое руководство приняло решение не терять его еще больше в связи с мусульманскими праздниками⁹.

В этот период учителям рекомендовалось проводить «беседы» с учениками на тему вредности религии и, в частности, ислама. Молодым атеистам и представителям школьных ячеек организации руководство СВБ предлагало создавать в своих классах «антирелигиозные уголки», развешивать по школам лозунги и выпускать к празднику специальные стенгазеты на антирелигиозную тему. Впрочем, эти меры не были направлены исключительно против мусульманских праздников – руководство СВБ Узбекистана предлагало сделать все таким образом, чтобы предусматриваемые меры могли быть легко модифицированы под христианские и еврейские праздники¹⁰. Однако в указанный период многие из предлагавшихся мер не были и не могли быть осуществлены из-за того, что антирелигиозная работа не находила активной поддержки у преподавателей многих школ, так как подготовленных советских кадров учителей не хватало и многие учителя были представителями старометодных школ.

Однако, чем яснее обозначались недостатки в деятельности СВБ, тем более сильнее эта кампания разворачивалась и принимала категоричный характер. Она уже преследовала несколько целей, главными среди которых были разоблачение контрреволюционной сущности религии и национального шовинизма, увеличение количества членов общества безбожников, а также содействие выполнению сельскохозяйственных планов. Начало долговременного экономического планирования и обязательной коллективизации сельского хозяйства сопровождалось еще большим радикализмом и мерами против религии – в первую очередь. Для достижения указанных целей СВБ отправляло лекторов по

⁸ Park A. Referenced publication. P. 247.

⁹ Olcott Martha Brill. The Kazakhs. Stanford University Press, California, 1987. P. 183.

¹⁰ ЦГА РУз, ф. 94, оп. 5, д. 28, л. 17-18. 30 апреля 1929. Письмо в образовательные и политико-просветительские организации окружного уровня.

всем районам читать лекции на антирелигиозные темы. В городах же активисты СББ проводили публичные антирелигиозные демонстрации, использовали кино и радио для пропаганды атеистических идей. Они были обязаны использовать все возможности для приема новых членов в свою организацию, так как требовалось выполнять спускаемые сверху планы по пополнению всех ячеек СББ. В результате, согласно данным, приводимым Коларзом, в начале 1930-х годов количество членов Союза воинствующих безбожников увеличилось (по крайней мере, на бумаге) до 5,7 миллиона человек¹¹.

Особое внимание уделялось проведению антирелигиозной пропагандистской кампании на селе. В упомянутой работе У. Коларза по инициативе СББ были образованы даже «колхозы безбожников», которые по своей экономической эффективности должны были превосходить остальные формы сельскохозяйственного производства. В тех колхозах, в которых по-прежнему оставались верующие и которым не могло быть дано звание «безбожного», члены Союза предлагали формировать специальные «бригады безбожников». Порою доходило до абсурда: ячейки СББ предлагали засеивание «безбожных гектаров» в дополнение к существовавшему плану. В городах союз основывал еще более абсурдные «образцово-безбожные огороды» и «безбожные ударные бригады», 3200 из которых существовали по состоянию на 1932 г.¹²

Руководство партии пыталось поставить антирелигиозную пропаганду на научную основу. Создавались различные антирелигиозные вузы, где воспитывались кадры по антирелигиозной пропаганде. В 1933 г. в период своей наивысшей активности Союз воинствующих безбожников имел в своем распоряжении по всей территории СССР 6 антирелигиозных вузов, 26 рабочих антирелигиозных университетов, 1 антирелигиозный университет для солдат Красной армии и 1 антирелигиозный заочный институт с 6 факультетами. В дополнение ко всему этому было большое количество антирелигиозных рабочих групп и семинаров, проводившихся на более низком уровне. Пятилетний план по антирелигиозной пропаганде, принятый в 1932 г. и выполнявшийся до 1937 г., обеспечил организацию только в городах 400.000 ячеек; не менее чем по одной ячейке было основано на каждом предприятии, в правительственном учреждении и школе. В дополнении к этому 600.000

¹¹ K o l a r z W. Referenced publication. P. 10. Более развернутые данные представлены в работе Алимовой Д. А. «Изучение ислама и советская модель воинствующего атеизма в Узбекистане» // История как история, история как наука. Ташкент: Ўзбекистон, 2008. С.233-241.

¹² K o l a r z W. Referenced publication. P. 10.

ячеек было основано в сельской местности, по одной ячейке – на каждый населенный пункт, колхоз и МТС¹³.

Однако уже после XVII съезда, проходившего в 1934 г., политика компартии несколько изменилась и уже сами организации безбожников стали подвергаться критике за приписки и формализм в работе. Выяснилось также, что количество членов организаций безбожников сильно завышено, но, несмотря на критику, деятельность региональных филиалов союза мало изменилась. Ш. Келлер пишет, что краевой Союз безбожников Узбекистана продолжал штамповать противоречащие друг другу докладные записки¹⁴. Как сообщает Коларз, ссылаясь при этом на советские источники, было установлено, что из заявленных в 1932 г. 5,7 миллиона членов в союзе безбожников на самом деле были зарегистрированы только 2 миллиона¹⁵. По мнению Б. Хайита, такое положение не могло не вызвать обратных процессов. В своей книге «Туркестан в XX веке» он пишет о том, что духовенство в 1934-1935 гг. подпольно расширило религиозную сеть, направляя небольшие группы людей между кишлаками и городами, которые читали Коран и проповеди¹⁶.

И, тем не менее, нельзя не согласиться с зарубежными авторами в том, что СББ в течение значительного периода времени было достаточно эффективным оружием компартии в борьбе против религии. По-разному оценивая его деятельность, зарубежные историки были едины в том, что союз был наиболее успешен и активен, и сыграл свою роль в изменении религиозного сознания населения, хотя бы во внешнем его проявлении. Большинство из них констатировали, что внешние успехи союза были весьма примечательны. Однако, как и многим советским ударным кампаниям, этой кампании против религии также были свойственны недостатки того периода, прежде всего, идеологизация всего процесса, формализм в работе и приписки. Однако, как отмечали зарубежные историки, именно с подачи и по инициативе союза многие тысячи молитвенных домов всех вероисповеданий были закрыты. Страна была заполонена антирелигиозными памфлетами и плакатами, напечатанными под руководством Союза. Однако ни агрессивная пропаганда, ни активная деятельность Союза не смогли повлиять на религиозное сознание, как того хотела коммунистическая пропаганда. Антирелигиозная, антиисламская деятельность союза, которая проводилась систематически вплоть до начала войны, не привела к полному уничтожению как религии в целом, так и ислама – в частности.

¹³ K o l a r z W. Referenced publication. P. 11.

¹⁴ K e l l e r Sh. To Moscow... P. 208.

¹⁵ K o l a r z W. Referenced publication. P. 11.

¹⁶ H a y i t B a y m i r z a. Turkestan in XX Jahrhundert (Darmstadt: C. W, Leske, 1956. С. 309. Б. Хайит не привел данных, откуда взято это утверждение).

Еще один вывод вытекает из анализа работ по деятельности Союза воинствующих безбожников: без начала войны между Германией и СССР Союз воинствующих безбожников мог, по всей видимости, еще долгое время продолжать свою работу, однако нашествие на СССР изменило положение дел и потребовало внести коррективы в коммунистическую антирелигиозную пропаганду, так как советское правительство крайне нуждалось в консолидации общества перед вставшей угрозой и потому пошло на примирение с верующими. По всей видимости, именно эта причина привела к окончательному роспуску Союза воинствующих безбожников и запрету их журналов. Хотя советское руководство не проводило такой категоричной антирелигиозной деятельности, как в предвоенные годы, тем не менее, хотя и в других формах она продолжалась и после войны, однако уже без Союза воинствующих безбожников. Важно то, что позиция западных историков в этом вопросе противоречила установленной в Советском Союзе, но была единственно верной.

Т. Шодмонов

Ўзбекистонда большевикларнинг динга қарши сиёсати ва «курашчан худосизлар жамияти» фаолияти мавзуси хорижий тарихшуносликда

Мазкур мақолада муаллиф большевикларнинг динга қарши сиёсати ва «курашчан худосизлар» жамияти фаолиятига хорижий тарихшуносликнинг илмий қарашлари босқичларини таҳлил этишга ҳаракат қилган. Унда асосий эътибор Ўзбекистонда совет ҳокимиятининг динга қарши сиёсатига оид илмий қарашларнинг трансформациясига, яъни советология сифатида таснифланган XX асрнинг 60-80-йилларидаги илмий қарашлардан XXI асрнинг бошида шаклланган қарашлардаги ўзгаришларга қаратилган.

T. Shadmanov

The Theme of Antireligious Policy of Bolsheviks and Activities of the «League of Militant Godless» in Uzbekistan in Foreign Historiography

The author in this article had attempted to analyze the scientific views of Anglo-American historiography related to the religious policy of Bolsheviks

in Uzbekistan. Special attention the author paid to the transformation of scientific views of Anglo-American historiography from the views of 1960s-1980s of XX century marked as Sovietology to the views of the Beginning of XXI century on issues related to the religious policy of Soviet Power in Uzbekistan.

Х. Гуломов, А. Татыбаев

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С глубокой древности физико-географические факторы, вероятно, более чем другие, определяли и культурную, и политическую карту Центральной Азии. Здесь мы будем использовать историко-культурное определение региона Центральная Азия, которое, как известно, включает в себя три Туркестана: Западный Туркестан (Средняя Азия и Казахстан), Восточный Туркестан (Синьцзянь-Уйгурский Автономный район КНР) и Афганский Туркестан (Северный Афганистан).

Известный американский востоковед Ричард Нельсон Фрай совершенно справедливо констатировал: «Поскольку географические особенности – горы, оазисы, пустыни, реки и каналы в этом регионе – играют значительно большую роль в жизни народов Центральной Азии, чем в любой другой части мира, следует уделить внимание этому аспекту и в прошлом, и в настоящем»¹.

К сожалению, на наш взгляд, в отечественной науке образовался серьёзный разрыв между историей и географией. Наши исторические работы, а также учебная литература по отечественной истории до сих пор в значительной мере плохо сопряжены с глубокими физико-географическими штудиями. Историки до сих пор не в полной мере представляют себе пространственно-географические контексты тех или иных исторических процессов и явлений, а профессиональные географы почти не занимаются исторической географией. Наглядным подтверждением сложившейся ситуации является отсутствие у нас в стране полноценного, профессионально выполненного фундаментального исторического атласа Центральной Азии, охватывающего основные периоды исторического прошлого всего региона. Нет необходимости долго говорить

¹ Фрай Ричард Нельсон. Наследие Центральной Азии. Душанбе, 2000. С. 12.

о значимости такого издания для повышения профессиональной эрудиции историков, качества их научно-исследовательской деятельности и самых широких задач педагогическо-образовательного профиля. На наш взгляд, подобный атлас нужно готовить отдельным изданием параллельно с многотомной историей Узбекистана.

Речь идёт не о схемах и диаграммах, которых великое множество, а о профессиональных исторических картах, которые должны быть созданы по всем критериям физико-географической науки. Картография – наука об исследовании, моделировании и отображении пространственного расположения, сочетания и взаимосвязи объектов и явлений природы и общества – является неотъемлемой частью человеческой жизни и истории. Бесспорно, карты принадлежат и великим творениям человеческой мысли. Рождаемые социальной практикой и обязанные ей своим непрерывным развитием, географические карты являют собой великолепное средство познания объективного мира и пространственного ориентирования, незаменимое во многих областях научной и практической деятельности, в том числе в исторических исследованиях.

Карты – весьма эффективное средство хранения и передачи пространственно-исторической информации. Они позволяют осуществлять единовременный обзор пространства в любых пределах – от небольшого участка местности до региональных либо континентальных масштабов, создают уникальный пространственный образ отображаемых исторических событий и явлений, содержат их необходимые количественные и качественные характеристики; помогают определять координаты, длины, площади, высоты и объёмы нанесённых исторических объектов, раскрывают их сочетание, взаимосвязи, характерные особенности и закономерности размещения. Энергичное внедрение в современную науку методов моделирования позволило полнее оценить великую познавательную силу карт как пространственно – временных моделей реального мира, отображающих те стороны, свойства и процессы действительности, которые существенны для целей конкретных исследований. Карты не только закрепляют и передают в экономной форме знания о положении и состоянии явлений, но и делают наглядными их пространственные взаимосвязи и закономерности размещения. Исключительно важно применение карт для целей образования, пропаганды исторических знаний и подъёма общей культуры среди самых широких масс.

При этом нужно четко представлять себе основные критерии анализа и оценки качества историко-географических карт и атласов. Анализ карт состоит в разностороннем исследовании их особенностей и свойств, качества их пригодности эффективно удовлетворять потреб-

ности, устанавливаемые в соответствии с назначением конкретных карт. Качество карты определяют: целесообразный выбор масштаба и других элементов математической основы; полноту, историческую достоверность, точность содержания. Существенное значение имеет научная обоснованность и совершенство оформления². Мы не можем быть безразличными к мастерству графики. Настоящий картограф должен ясно представлять себе возможности изобразительных средств, владеть ими, чтобы уметь выполнить каждую карту в той форме, которая соответствует ее назначению и наилучшим образом раскрывает её содержание. Мало того, карта должна быть красива, чтобы привлекать к себе внимание и лучше усваиваться любым читателем. Эстетические аспекты картографии – важнейшие элементы критериев оценки качества тех или иных карт или атласов. Качественно выполненная карта должна обеспечивать различимость обозначений, их наглядность, а также логические связи в системе знаков. Логически продуманное оформление карты обеспечивает ее выразительность.

Если подходить с точки зрения вышеобозначенных критериев, то на сегодняшний день ни в отечественной, ни в региональной, ни в российской, ни в западной исторической науке почти нет качественных исторических карт Центральной Азии. Существующая научная литература, как академическая, так и неакадемическая, не удовлетворяет потребности в исторических картах Центральной Азии и это серьёзно затрудняет знакомство с нашей историей, не говоря уже о её научном постижении. Различные карты по центральноазиатской истории, которые иногда можно найти в западных публикациях, обычно имеют дело с определенной ограниченной областью или периодом, и в большинстве случаев являются неудовлетворительными. Карты, изданные в советский период, прежде всего, карты, приложенные к многотомнику «Очерки истории СССР» (М., 1953-1956), и особенно карты при собрании сочинений В. В. Бартольда, вложенные в отдельный конверт к IX тому (М., 1977), подготовленному О. Г. Большаковым, лучше, но они не дают Центральную Азию (как она определена выше) в целом, а изображают только определенные периоды.

Весьма часто в работах по центральноазиатской истории содержатся географические названия, большинство из которых не найдены на современных картах, и даже работы по исторической географии нашего региона не включают в себя карты³. В 1999 г. коллекция исторических

² См.: С а л и щ е в К. А. Картоведение. М.: МГУ, 1990. С. 9-10, 240.

³ С а и д б о б о е в З. Европада Ўрта Осиёга оид тарихий-картографик маълумотлар (XVI – XIX асрлар). Тошкент: Фан, 2008.

карт Центральной Азии была издана на узбекском языке под названием «Ўзбекистон тарихи атласи (Ташкент, 1999). В ней содержится 21 карта, 17 из которых – исторические карты, собранные Э. В. Ртвеладзе и Н. Х. Хакимовым.

Самый недавний исторический атлас Центральной Азии был издан Юрием Брегелем в США в 2003 г.⁴ Это издание носит фундаментальный характер и включает в себя 48 карт, охватывающих все основные периоды исторического прошлого нашего региона от крупных археологически местонахождений до современной карты Центральной Азии. Все карты были первоначально выполнены Ю. Брегелем от руки, затем оригиналы были отсканированы и преобразованы в компьютерные файлы. Источники карт многообразны. В них входят все достоверные общие обзоры центральноазиатской истории и академические исследования по определенным историческим темам, которые содержат существенную историко-географическую информацию с привлечением карт либо без них.

На картах Ю. Брегеля показаны основные элементы политической и этнической истории Центральной Азии: оседлые государства (которым даны названия или государств, или правящих там династий); кочевые государства и самые важные племена с их перемещениями; маршруты военных кампаний и участки важных сражений; главные восстания и границы. Есть даже карты крупнейших городов XIX в. – Бухары, Самарканда, Хивы. Автор делает важное методологическое замечание по поводу категории границ применительно к истории Центральной Азии. Он показывает, что существует мнение, согласно которому в исламской истории политические границы часто изменялись, а династии и государства имели тенденцию быстро появляться и исчезать и если показывать эти границы на карте чёткими линиями, это означает вводить читателя в заблуждение либо его путать. Однако это не всегда так, по крайней мере касательно Центральной Азии.

Бесспорно, «постоянные» границы, описанные в межгосударственных соглашениях и обозначенные надлежащими межевыми знаками, появились в этом регионе только в конце XIX столетия. Но уже за многие столетия до этого различные центральноазиатские государства имели обыкновение подписывать такие соглашения и знали, как защищать границы, обычно посредством пограничных служб (такие мобильные патрули существовали даже в центральноазиатских степях). Проблема состоит не в том, что границы быстро изменялись, а в том, что мы часто не знаем точно, где они были проведены. За недостатком точной инфор-

⁴ An historical atlas of Central Asia by Yuri Bregel, Brill, Leiden-Boston, 2003.

мации границы отдельных государств могут быть определены на основе информации об исторических областях, включенных в эти государства, так как границы областей были известны либо описаны в источниках, и они часто совпадали с такими естественными границами, как реки и горные цепи⁵.

Этническая история региона в историческом атласе Ю. Брегеля отражена почти во всех картах и на отдельных из них, где показано распределение узбекских, туркменских, казахских и кыргызских племён в конце XIX – первой половине XX в. Каждая карта сопровождается объяснительным текстом на оборотной стороне, содержащей самые важные факты политической и этнической истории. Главная цель текстов состоит в том, чтобы обеспечить массового читателя некоторой основной информацией относительно основных политических событий и процессов, которые имели место во время каждого периода, переданного на картах. К большому сожалению, по техническим причинам в историческом атласе Ю. Брегеля географическая сетка (параллели и меридианы) не была обозначена, что несколько снижает научно-познавательную ценность данного издания. К тому же Ю. Брегель не является профессиональным картографом, что в целом сказалось на выразительности подготовленных им карт.

Относительно недавно в силу счастливого стечения обстоятельств одному из авторов данного сообщения Х. Г. Гуломову удалось сделать удивительное открытие – обнаружить уникальный, доселе неизвестный мировой востоковедной науке (как можно судить по предварительным изысканиям)⁶ историко-географический атлас Азии, изданный в Германии в г. Готе в 1855 г. Карлом фон Шпрунером⁷. Несколько слов о городе Гота и личности Шпрунера, то, что нам удалось узнать на сегодняшний день. Гота – достаточно известный город, расположенный в земле Тюрингия. В XVII в. город стал резиденцией прогрессивного протестантского герцогства Саксония-Гота (Sachsen-Gotha), позже династии Сакс-Кобург (Sachsen-Coburg). Этот статус у него оставался до

⁵ Ibidem. P.6.

⁶ Во всяком случае, авторам не удалось найти ни одной ссылки, ни одного упоминания об этом прекрасном издании ни в одной известной им работе историко-географического содержания. Вызывает удивление, что она вообще не отмечена в подробных исследованиях Федчиной В. Н. «Как создавалась карта Средней Азии» (М.: Наука, 1967), Азатьяна А. А., Белова М. И., Гвоздецкого Н. А. и др. «История открытия и исследования Советской Азии» (М.: Мысль, 1969).

⁷ K. v. S p r u n e r. Hand-Atlas zur Geschichte Asiens, Afrikas, Amerikas und Australiens. Gotha, 1855.

1918 г. Как отмечают историки, герцоги превратили Готу в образцово-показательный город как в административном, так и финансово-экономическом плане.

Не меньшее внимание просвещённые правители уделяли развитию науки и культуры. Именно поэтому Гота стала известным в мире центром картографического и издательского дела. Здесь расположено географо-картографическое предприятие (основано в 1785 г.), составляющее и издающее географические карты, атласы, журналы, справочники. Поэтому не вызывает удивления качество полиграфии изданного здесь историко-географического атласа. Что касается личности самого Карла Шпрунера фон Мертца (1803-1892), то это был, без сомнения, человек незаурядных способностей. Выдающийся немецкий картограф и географ, воспитывался в кадетском корпусе в Мюнхене. Произведенный в 1825 г. в лейтенанты, он находил достаточно времени для занятий обширными подготовительными работами для задуманных им историко-географических сочинений.

Главный труд Шпрунера – большой «Историко-географический ручной атлас» в трёх частях (118 листов, Гота, 1837-1852; 2-изд., 1853). Пособием для изучения древней истории является его «Атлас античности» (3-е изд., Гота, 1865), для средневековой же и новой истории – «Ручной атлас для средневековья и нового времени» (90 листов, Гота, 1871-1878), «Историко-географический школьный атлас» (Гота, 1873), «Историко-географический ручной атлас» (Лондон, Гота, Нью-Йорк, 1861). Кроме того, К. Шпрунер издал мастерски обработанный «Исторический атлас Баварии». Получая уже раньше неоднократно научные поручения от тогдашнего кронпринца Баварии, К. Шпрунер с вступлением последнего на престол был переведён в 1851 г. в генеральный штаб, где дослужился до чина генерал-лейтенанта. Король Максимилиан II назначил его в 1855 г. флигель-адъютантом, в этом положении он пользовался особым доверием короля. В 1864 г. Людвиг II назначил его генерал-адъютантом. Из позднейших картографических работ К. Шпрунера замечательны: сделанная по поручению короля Максимилиана II «Историческая карта Европы, Западной Азии и Северной Африки» (в 9 главных и 6 меньших таблицах), «Историко-географический школьный атлас» (22 таблицы, Гота, 1856), «Историко-географический школьный атлас Германии» (12 табл., 2-е изд., Гота, 1866) и мн. др. Кроме того, К. Шпрунер является автором множества известных исторических сочинений и монографий, а также трёх исторических драм. Все это подтверждает, что Карл Шпрунер – признанный классик не только германской, но и мировой картографии.

Самое предварительное изучение историко-географического атласа Карла Шпрунера позволяет нам прийти к следующему заключению: по уровню картографического исполнения и точности передачи историко-географических объектов он стоит намного выше всех до сих пор известных нам историко-географических изданий, даже исторического атласа Ю. Брегея. Атлас Шпрунера содержит 10 великолепных историко-географических карт Азии, с включением Центральноазиатского региона от начала II-го тысячелетия до н. э. (время Селевкидов и империи Хунну) до конца XVIII столетия (Британского владычества в Индии). Дальнейших исследований требует вопрос о том, как могло появиться издание такого высокого научного уровня в середине XIX в. в Германии, посвящённое столь отдалённым от неё регионам. Для решения вопроса, из каких источников К. Шпрунер мог заимствовать свои сведения о Центральной Азии, мы, к сожалению, на сегодняшний день не имеем никаких данных. Мы полагаем, что для историко-географической науки этот вопрос представляет, несомненно, большой интерес.

Х. Фуломов, А. Татибоев

Марказий Осиё тарихий картографиясининг баъзи муаммолари

Ушбу мақола замонавий ватан тарихининг энг долзарб масалаларидан бири бўлмиш – Марказий Осиёнинг тарихий картографиясига бағишланган. Мақолада хозирги кунгача жаҳон тарихи фанида нашр этилган Марказий Осиёга оид тарихий атласлар таҳлил қилинган ва тарихий картография олдига қўйиладиган масалалар ўз ифодасини топган.

Kh. Gulomov, A. Tatybaev

Any Problems of Historical Maps Studying of Central Asia

The given article is devoted on one of actual problems of modern native historical science-historical maps studying of Central Asia. The historical maps collections of Central Asia. Published at the world history science are analyzed at the article and tasks of native maps studying are shaped also.

Ўзбекистон тарихи хоризж тадқиқотларида

А. Раджабли

К ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА И УЗБЕКИСТАНА (на основе нумизматического материала XV – XVI веков)

История взаимоотношений разделённых Каспийским морем, но близких по территориально-географическим, этническим, духовно-конфессиональным признакам двух регионов – Южного Кавказа и Средней Азии, классического ареала седентаризации тюркских народов, оставила не так уж много исторических фактов, которые могли бы пролить новый свет на средневековые связи этих регионов. Ценным подспорьем в этом деле могут служить, помимо письменных источников, новые памятники материальной культуры – этнографические, археологические, нумизматические и др. Значение монет, особенно монетных кладов, всестороннего анализа их составов и топографических данных об условиях и месте обнаружения для исследования интересующего нас вопроса – освещения средневековых взаимоотношений Азербайджана и Узбекистана трудно переоценить. Благодаря присущим только им особенностям – многочисленности, возможностей распространения, достоверности и т. д. – нумизматические факты содержат богатую информацию не только о денежном хозяйстве и уровне товарно-денежных отношений, но и о социально-политических, военно-дипломатических, культурных и других связях двух, бесспорно, доминантных этносов региона – азербайджанского и узбекского народов.

Нумизматический фонд отдела нумизматики и эпиграфики Национального музея истории Азербайджана Национальной академии наук Азербайджана (НФ НМИА) располагает солидными коллекциями среднеазиатских монет – от античных времен до советизации Хивинского и Бухарского ханств. Значительная часть этих монет связана с военно-политическими событиями конца XIV – начала XVI в. – времени появления в стане джагатайских султанов Амира Темура (Аксак Темура, Тамерлана) (1370-1404) с его «трехлетними», «пятилетними» и «семи-летними» завоевательными походами и образования в Азербайджане новых тюркоязычных государств Кара-койунлу, Ак-койунлу, Сефевидов и Ширванского государства Мазйадидов, восстановившего в последней четверти XV в. прерванную при Ильханах свою многовековую государственность.

Кроме коллекционных монет, в НФ НМИА хранятся два клада серебряных монет средневековых государств Джелаиридов, Джучидов, Кара койунлу, Ширваншахов и Темуридов.

Приведем краткое описание состава кладов.

1) Клад, найденный в 1956 г. в селе Арчиван Астаринского района Азербайджанской Республики. Из этой находки двумя партиями в НФ НМИА поступило 48 экз. серебряных монет, которые, по словам тех, кто их нашел, происходят из крупного клада, большая часть которого разошлась по рукам.

Джелаириды. Ахмад (1382-1410), Багдад, 785, динар.

Джучиды. Шади-бек (1399-1406), Шамахи, 810, тенга.

Темуриды. Темура и Сюргатмыш (1369-1378), город и год сбиты, тенга.

Темуриды. Темура и Махмуд (1378-1397), Шейх Абу-Исхак, 792, тенга.

Темуриды. Темура и Махмуд, Дамган, 792, тенга.

Темуриды. Темура и Махмуд (1370-1404), Йазд, 798, дирхем.

Темуриды. Темура и Махмуд, Сарван (Ширван), 803, тенга.

Темуриды. Темура и Махмуд, город и год сбиты (6 экз.).

Темуриды. Халил Султан (1405-1409), Самарканд, 809, тенга.

Темуриды. Халил Султан, Самарканд, год сбит, тенга.

Темуриды. Шахрух (1405-1447), город и год сбиты, тенга.

Темуриды. Мухаммад Султан (1446-1451), город и год сбиты, тенга.

Темуриды. Имена, город и год сбиты, тенга (21 экз.).

Судя по составу и старшей монете (Шади-бек, Шамахи, 810), клад, очевидно, был зарыт в тревожное время, в том же 810/1408 г., когда Шади-бек совершил свой поход в Азербайджан.

2) Клад, найденный в 1966 г. вблизи исконно азербайджанской деревни Бала-мазра («Малая пашня»), находящейся в бассейне озера Гёкче, которая во времена зарытия клада входила в состав государства Кара койунлу, но ныне находится в пределах Басар-кечарского района Армянской Республики. Клад целиком был доставлен нашедшим его местным селянином в Музей. Всего в НФ НМИА поступило 1245 монет, из которых 1030 экз. принадлежат чекану Ширваншахов, 174 – Темуридов и 41 экз. – Кара койунлу.

Ширваншахи. Время Ибрахима I (1382-1417), аноним, Дербенд, 820, тенга.

Ширваншахи. Время Халилуллаха I (1417-1462), аноним, Дербенд, 835, тенга.

Ширваншахи. Время Халилulloха I (1417-1462), аноним, Бакуба, 832-837, тенга.

Ширваншахи. Время Халилulloха I (1417-1462), аноним, Шамахи, 821-867, тенга.

Ширваншахи. Фаррух Йассар I (1462-1500), аноним, Шамахи, 868-878, тенга.

Ширваншахи. Аноним, без означения города и года (907 экз.).

Кара-койунлу. Джаханшах (1437-1467), Аберкух, 869-871, тенга.

Кара-койунлу. Джаханшах, Табриз, 855, 862, 865, тенга.

Кара-койунлу. Джаханшах, Лар, год сбит, тенга.

Кара-койунлу. Джаханшах, Лахиджан, 869, тенга.

Кара-койунлу. Джаханшах, Кашан, год сбит, тенга.

Каракойунлу. Джаханшах, Казвин, год сбит, тенга.

Каракойунлу. Джаханшах, Шейх Абу Исхак, год сбит, тенга.

Каракойунлу. Джаханшах, Шуштар, 872.

Кара-койунлу. Джаханшах, город и год сбиты, тенга (21 экз.).

Темуриды. Шахрух (1404-1447), Аберкух, 824, 826-828, тенга.

Темуриды. Шахрух, Астара, 821, тенга.

Темуриды. Шахрух, Исфахан, 820, 829, тенга.

Темуриды. Шахрух, Кашан, 827, тенга.

Темуриды. Шахрух, Комм, 823, тенга.

Темуриды. Шахрух, Йазд, 845, 835, 841, 845-846, 851, тенга.

Темуриды. Шахрух, Саве, 825, 830, 837, 841, тенга.

Темуриды. Шахрух, Сабзвар, 833, 835, тенга.

Темуриды. Шахрух, Самарканд, 827-828, 830, 839, тенга.

Темуриды. Шахрух, Сари, 848-849, тенга.

Темуриды. Шахрух, Сираб, 828, тенга.

Темуриды. Шахрух, Султанийе, 847, тенга.

Темуриды. Шахрух, Табриз, 821, 830, 848, тенга.

Темуриды. Шахрух, Шейх Абу Исхак, год сбит, тенга.

Темуриды. Шахрух, Шираз, 828, 834, 838, тенга.

Темуриды. Султан Мухаммад (1446-1451), Йазд, 851, тенга.

Темуриды. Султан Мухаммад, Шираз, год сбит, тенга.

Темуриды. Улугбек (1446-1449), Херат, 852, тенга.

Темуриды. Абдуллах (1450-1452), Самарканд, 852, тенга.

Темуриды. Абу Саид (1452-1469), город и год сбиты, тенга.

Темуриды. Бабур (1450-1456), город и год сбиты, тенга.

Темуриды. Шах Махмуд (1456-1458), город и год сбиты, тенга.

Темуриды. Имена, город и год сбиты (120 экз.).

Во второй половине XIV в. Азербайджан фактически стал ареной противостояния трех могущественных тюркских улусов – Джучидов, Османов и Джагатаидов, соперничавших за верховенство на Переднем и Среднем Востоке. В итоге успех сопутствовал последним в лице знаменитого Амира Темура, создавшего огромную азиатскую монархию, для которой после индийского похода была учреждена новая крупная серебряная монетная единица «тенга» весом 6,2 г, равная 4 прежним, измельчавшимся к этому времени дирхемам, которые в течение семи веков служили основной денежно-монетной единицей мусульманского мира. Тенга была принята государством Ширваншахов Мазйадидов, находившихся в орбите военно-политического влияния Темуридов, а также другими южноазербайджанскими государствами Кара-койунлу и Ак-койунлу.

Взаимоотношения азербайджанских государств с Темуридами в XV в. нельзя оценить однозначно. Ширваншахи Ибрахим I и Халилуллах I, воспользуясь многовековым династийным «иммунитетом», а также поддержкой и благосклонностью Амира Темура и его сына Шахруха, правили в сравнительно мирной обстановке. Ширван при них, по признанию очевидцев-иностранцев (Р. Г. Клавихо, А. Контарини), переживал экономический подъем, о чем свидетельствует также обильный чекан анонимных, но высокопробных и тяжеловесных серебряных тенга Ширваншахов. Ширванское серебро не только удовлетворяло растущие потребности внутреннего денежного рынка, но и составляло существенную часть средств денежного обращения государства Кара-койунлу. Об этом свидетельствует содержимое Бала-мазрийского клада, состоящего на 90% из ширваншахских тенга. Особую популярность она имела в Грузии, где чеканились вследствие отсутствия местной доброкачественной монеты подражания ширванским тенга¹.

Анонимность же чекана Ширванского государства, безусловно, была связана с создавшейся в рассматриваемый период военно-политической ситуацией на Переднем Востоке и в том числе в Азербайджане, вследствие вторжения в регион Амира Темура. Угроза Ширванскому государству ожидалась не только со стороны Темуридов. Не меньшую опасность представляли набеги кыпчакских ханов с Севера и агрессивные намерения Кара-койунлу – с Юга. Взвесив соотношение сил, сгустившихся над Ширванским государством, Шейх Ибрахим I решил обезопасить себя от наиболее реального и сильного противника – Темуридов. Посетив в 1386 г. стоянку Амира Темура на Мугани – излюбленном месте, в кишлаке (зимнее кочевье) тюркских племен, Шейх Ибра-

¹ П а х о м о в Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940. С. 54.

хим I изъявил покорность великому Темуру, обезопасив себя также со стороны сильных соседей – Кара-койунлу и Джучидов и сохранив на долгие годы территориальную целостность Ширванского государства. Очевидно, после этого, но не раньше, чем упомянутая денежная реформа Амира Темура, перед необходимостью удовлетворить потребности товаро-денежного обмена финансисты Ибрагима I приступили к выпуску упомянутых анонимных серебряных тенга (ибо находившихся до реформы в денежном обращении серебряных дирхемов, которые выпускались также самим Амиром Темуrom под названием «мири», по чекану Ширваншахов науке не известно).

Следует отметить, что, по негласным правилам, установившимся в монетном деле со времен появления монеты, монетная регалия («сикка» – право чеканки монет в мусульманском мире) принадлежала исключительно суверенной или легитимной власти в лице царей, шахов, султанов и т.д., а попытки отдельных вассалов или самозванцев-узурпаторов власти выбить собственную монету строго пресекались. Ширваншахи же, несмотря на многовековые традиции пользования монетной регалией, были вынуждены чеканить свои монеты анонимно, без упоминания эпонима, но с легендой *السلطان العادل* = «султан правосудный», с явным намёком на сюзерена – темуридского султана (Амира Темура, Шахруха и др.). Таким образом, осторожный и дальновидный политик-государь Шейх Ибрахим I (1382–1417) безопасность и благополучие Ширванского государства в окружении более сильных соседей (кыпчакских ханов – Джучидов, падишахов Кара-койунлу) предпочел тщеславию чеканить свою именную монету. Заботу Ширваншаха о сохранении благополучия своей страны как нельзя лучше отражают знаменитые изречения «*الحق النجاة الى من التجاء*» = «От противостояния к истинному спасению» и «*حسى الله*» = «Вверяю себя Аллаху», которые в виде надчеканов часто встречаются на его монетах. Средний вес (5,2 г) ширванских высокопробных и тяжеловесных монет строго соответствовал среднему весу так называемой «тенге-и-шахрухи», установленной Шахрухом в 5,2 г, или 26 нохудов. Анонимность ширванских монет не мешала, а, возможно, даже способствовала их широкому обращению за пределами страны как либеральной монеты.

Шахруху же, наиболее удачливому наследнику великого Амира Темура, за время его долголетнего правления часто приходилось иметь дело со своими противниками, в частности, с наращивающим силы предводителем племенного объединения Кара-койунлу Кара-Юсифом (1410-1420). Добившись у последнего представителя Джелаиридов Султана Ахмада вначале признания передачи власти своему сыну Пир-Бута-

ку (который к тому же состоял в родственных отношениях с «наследниками трона Хулагу» – Джеларидами), а затем сразив в решающей битве самого Султана Ахмада, провозгласил Пир-Бутака султаном с сикке и хутбе, заложив этим самую основу нового тюрко-азербайджанского государства Кара-койунлу². Любопытно, что при совместном чекане с сыном Кара Йусиф, подобно Амиру Темуру (который, будучи, как известно, женатым на джагатайской принцессе, чеканил свои монеты от имен джагатайских султанов Суюргатмыша и Махмуда, называя себя просто «амиром») («امير تیمور کورکان» = «амир Теймур куракан»), придерживаясь субординации легитимной власти по древней тюркской иерархической традиции, довольствовался титулом «нойон».

Конфронтация Темуриды – Кара-койунлу продолжалась и после смерти Кара-Йусифа при его сыне Искандере (1420-1437). За продолжительный период их противостояния Шахрух совершил три военных похода (в 822/1419 гг.; 831/1427/8 гг.; 838/1434 гг.) вглубь владений государства³ Кара-койунлу. В занятых Темуридами городах Кара-койунлу (Дербенте, Астаре, Табризе, Султанийе, Ширване, Серабе и др.) спорядически выбивались монеты, которые естественно носили больше декларативный, прокламационный, чем экономический характер, но впоследствии монетные дворы этих городов вновь продолжали выпускать свою государственную монету⁴. Подобное чередование чекана, как видно из нашегоклада, случилось, например, с монетным двором Табриза, столицы государства Кара-койунлу, где регулярный чекан Кара-койунлу дважды был прерван в 822/1419 г. и 831/1427/8 гг. эпизодическими выпусками темуридских монет во время первого и второго походов Шахруха в Азербайджан.

После смерти Шахруха (1447) бывшие добрые отношения между Ширваншахами и Темуридами стали омрачаться вследствие того же противостояния Кара-койунлу – Темуриды. Борьбу за сферу влияния в Азербайджане собирался было продолжать преемник Шахруха Бабур (1447-1456) (несомненно, преследовалась цель расширить пределы Хорасанского государства), но, наоборот, реальную инициативу после его смерти завладеть Хорасаном – яблоком раздора не только между Темуридами и Кара-койунлу, но и будущими государствами Сефевидов и Шейбанидов проявил Джаханшах Кара-койунлу. Согласно хронисту Хасан-беку Румлу, в 862/1458 г. Джаханшах совершил поход в Хорасан, овладел хорасанскими городами и около полугода сидел в Герате на троне

² Раджабли А. Нумизматика Азербайджана. Баку, 1997. С. 92.

³ Fezeliyev S. Azerbaican XV – XVI esrlerde. Baki, 1983, S. 95-97.

⁴ Раджабли А. Нумизматика Азербайджана. С. 85, 113.

хорасанских ханов⁵. Заключив в том же году с Абу-Саидом, преемником Бабура, мирный договор, по которому границы обоих государств были определены по пустыне Дашт-и-кабир⁶, Джаханшах вернулся в свою столицу Табриз, а его воины привезли с собой, помимо всего прочего, монеты темуридских ханов, частично надчеканенных Джаханшахом в период Хорасанской компании, и монеты самого Джаханшаха, битых в начале этой компании на восточной окраине владений Кара-койунлу – в Аберкухе, Ларе, Лахиджане, Кашане, которые и впоследствии попали в состав нашего клада. Однако Абу-Саид, нарушив сам договор, совершил военный поход в Азербайджан, но в сражении с объединенными силами азербайджанских государств – Ак-койунлу, Ширваншахов и Ардебильского владения Сефевидов потерпел поражение и погиб⁷. Это событие немедленно отразилось на характере чекана Ширваншахов: Ширваншах Фаррух Йассар стал осуществлять монетные эмиссии от своего имени, сосредоточив их в главной резиденции Шамахи.

После этого во взаимоотношениях двух тюркских улусов наступила краткая передышка, которая прервалась новым противостоянием, теперь уже между Сефевидами, узурпировавшими власть у падишахов Ак койунлу, и Шейбанидами, изгнавшими последнего Джагатаида-Темурида Мухаммада Захир ад-Дин шаха Бабура из Средней Азии. Но теперь преимущество было на стороне Сефевидов. На захват Шейбанидами хорасанских городов Мешхеда, Херата, Нишапура и др. Сефекиды ответили военным походом в Хорасан. Первое же сражение между Шах Исмаилом I (1502-1524), основателем азербайджанского государства Сефевидов, и Мухаммадом Шейбани-ханом, основателем новой узбекской державы Шейбанидов, закончилось поражением и гибелью последнего. Государственная граница двух государств по договору между сыном Шейбани-хана Темур султаном и Сефевидом Исмаилом I была отодвинута теперь еще дальше – до реки Амударьи⁸. Шах Исмаил I отметил эту важную для себя победу специальным выпуском серебряных монет «шахи» с четверостишием на арабском языке:

ناد عليا مظهر العجائب
تجده عنالكة في النوب
كل هم وغم سينجلي
بولايترك يا علي، يا علي، يا علي.

⁵ Рукопись Института рукописей АН Азербайджана. Ш-IV, 53, л. 389 / حبيب السير. غياث الدين خواندمير

⁶ Пигулевская Н. В. и др. История Ирана от древнейших времен до XVIII в. ЛГУ, 1958. С.236.

⁷ Azərbaycan tarixi. 7 cildde. Cild III. Bakı, Elm, 1999. S. 95.

⁸ Ferzellyev S. Azərbaycan XV – XVI esrlerde. Bakı, 1983. S. 205.

Призови Али, проявителя чудес,
Ты найдешь его опорой себе в печали.
Все невзгоды и трудности исчезнут
С твоей помощью, о Али, о Али, о Али!⁹

В коллекции НФ НМИА хранятся монеты – серебряные «хани» Шейбани-хана и его преемников Кючкюнджи-хана (1510-1530), Убейдулла-хана (1533-1539), Абдулла-хана II (1583-1598).

Еще одно весьма любопытное событие, характеризующее роль нумизматических фактов в дипломатических отношениях, взаимоотношения Мавераннахра и Южного Кавказа. На сей раз речь пойдет о доброжелательных отношениях между упомянутым выше Захир ад-Дин шахом Бабуром, основателем государства Великих Моголов Дели, и тем же сефевидским шахом Исмаилом I.

Дело в том, что после изгнания из Самарканда Бабур обосновался в Северной Индии, но не оставлял мечты вернуться в «отцовский очаг». Нуждаясь в дополнительной военной силе, он был вынужден обратиться к шаху Исмаилу I за помощью. Весьма достоверные сведения об этом обстоятельстве сообщают письменные источники, но ничего не говорит сам Бабур в своих мемуарах. Как сообщают хронисты, овладев в 1511 г., после смерти Шейбани-хана, Хисаром и Бадахшаном, Бабур отправил своих послов к Исмаилу I с изъявлениями в преданности и ценными подарками. Одновременно он писал, что если шах Исмаил пошлет ему один отряд газиев, то он завоюет весь Мавераннахр, а взамен помощи обещал читать в завоеванных городах хутбы с именем шаха и осуществить сикке, будучи сам суннитом, с именами 12 шиитских имамов¹⁰. Получив желаемую помощь, овладев Самаркандом и Бухарой, Бабур сдержал свое обещание.

Четыре серебряных монеты, опубликованные Р. Пулем¹¹, и одна монета в коллекции НФ НМИА Бабура с шиитской формулой لا اله الا الله لا اله الا الله = «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад его посланник, Али близкий Аллаху» и именами 12 имамов, подтверждают это событие.

Дружественные взаимоотношения между Бабуридами и Сефевидами продолжались и дальше при Бабуриде Хумайуне (1530-1556) и Се-

⁹ Раджабли А. Нумизматика Азербайджана. С.113.

¹⁰ Рукопись Института рукописей НАНА.Ш.Б-1696, л. 360. ۱۳۴۹ رملو. احسن التواريخ. ناراهه

¹¹ Poole R. S. Catalogue of coins of the shahs of Persia in the British Museum. London. 1887. S. XXVI-XXVII.

февиде Тахмасиб I (1524-1576), оказавшем военную помощь Бабуриду в борьбе с афганцем Шерханом.

Как видно, клады с темуридскими монетами, обнаруженные в Азербайджане, особенно клад, найденный в деревне Бала-мазра, часть которого была укомплектована в далеком Херате, стольном городе Хорасанского государства, а зарыта в древнеазербайджанской земле, их время и места обнаружения живо обрисовывают картину взаимоотношений двух стран с их двумя средневековыми феодальными государственными структурами, которая чаще оказывалась мрачной, нежели радостной. О неуживчивости турок и негативной стороне их отношений для тюркского мира, несомненно, было известно великим азербайджанским поэтам-мыслителям Х. Джавиду, автору пьесы «Топал Теймур», и М. А. Сабиру, призывавшим тюркский мир к согласию и содружеству, сохранению историко-этнических ценностей, которые в наши дни звучат еще более актуально.

A. Rajabli

Озарбайжон ва Ўзбекистон ўрта аср алоқалари тарихидан (XV – XVI асрларга онд нумизматик топилмалар асосида)

Мақолада Озарбайжон худудидан топилган ва ушбу минтақада мавжуд бўлган XV – XVI асрларга тегишли тарихий давлатларга (Жалойирийлар, Қора қуюнлар, Оқ қуюнлар) ҳамда Ўрта Осиёдаги Темурийлар давлати ва Дашти Қипчоқдаги Жўжи давлатига тегишли икки гуруҳ тангалар тўплами таҳлил қилинган.

A. Rajabli

Historical relations Azerbaijan and Uzbekistan based on numismatic facts (on the basis of a numismatic material of XV – XVI c.)

In this article is analyzed two groups of coin of XV – XVI-th century concerning the states of Djalairs, Qoraquyuns and Oq quyuns which founded from the territory of Azerbaydjan.

Ёш тадқиқотчи минбари

М. Тен

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ДЕПОРТАЦИИ КОРЕЙЦЕВ С ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В УЗБЕКИСТАН В 1937-1938 ГОДЫ

Период 1937-1938 гг. в истории нашей страны характеризуется как период массовых репрессий, ставших неотъемлемой частью усиливавшейся сталинской политики террора.

Дальневосточные корейцы были первыми из народов Советского Союза, испытавшими на себе массовую депортацию, после них последовали десятки других: немцы, курды, крымские татары, поляки, чеченцы и т. д.

С момента появления в пределах России корейцы с определенной периодичностью всегда вызывали подозрение. Это происходило как в период Российской империи, так и при советской власти. Еще в 1911-1916 гг. предпринимались попытки выселить корейцев из дальневосточных районов царской России вглубь страны, которые были безрезультатными¹.

Предвоенная ситуация во второй половине 1930-х годов в очередной раз обострила старый вопрос в отношении благонадежности корейцев. В определенный момент нагнетающая угроза нападения со стороны Японии в совокупности с внутривосточными факторами фактически определили приоритеты властей в предвоенной стратегии ликвидации угроз на советском Дальнем Востоке.

21 августа 1937 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» в целях «пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край»².

Депортации предшествовали две статьи в газете «Правда» от 16 и 23 апреля 1937 г. о японском шпионаже на советском Дальнем Востоке. В них подчеркивалось, что японские шпионы орудуют в Корее, Китае,

¹ См.: Кириченко А. А. О первом выселении корейцев // 1937 год – российские корейцы. Материалы научной конференции « 60 лет депортации корейцев России с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию». М., 2004. С. 215-238.

² Белая книга о депортации корейского населения России в 30-40-х годах. М., 1992. С. 64.

Маньчжурии и Советском Союзе и что для шпионажа используются китайцы и корейцы, маскирующиеся под местных жителей³.

Здесь встает вопрос о том, насколько оправданными были предположения советских властей о пособничестве корейцев ДВК японцам.

Наверно, подобные подозрения могли иметь место в виду этнической схожести корейцев и японцев и трудной их идентификации со стороны русского населения. Даже, несмотря на то, что сами корейцы в большинстве своем относились к японцам негативно, это вряд ли могло гарантировать, что среди корейцев в ДВК действительно не укрывались и не вели свою работу японские шпионы. Во-вторых, советским властям попросту было некогда разбираться и высчитывать вероятность шпионажа среди корейцев, проще было обвинить их в этом заранее, и тем самым наперед обезопасить себя от проявления шпионажа фактического. Забегая вперед, уместно вспомнить психологию сталинизма, в которой постоянная «борьба с невидимым врагом» была неотделима от политики максимального ограждения власти от опасности внутри государства.

Депортация корейцев проходила преимущественно в Казахстан и Узбекистан, однако отдельные группы переселенцев попадали и в пределы европейской части России, например в Астраханскую область. Так, документально зафиксирован факт передачи для размещения астраханским предприятиям Госрыбтреста 520 корейских семей в количестве 2 871 человека, которые учитывались как поселенные в Казахстан⁴.

16 сентября 1937 г. СНК Узбекистана принял постановление «О расселении корейских хозяйств»⁵. Всего к 10 ноября 1937 г. в Узбекской ССР было расселено 16 307 корейских хозяйств⁶.

Переселение обусловило радикальные изменения во всех сферах жизни корё сарам⁷. В большинстве своем корейцы ни морально, ни физически (особенно старики и дети) не были готовы к переселению. Судя по секретным спецсообщениям НКВД, некоторые корейцы разочаровывались в советской власти, а также проявляли негативное отношение к

³ Ким Г. Н. Депортация и ликвидация национальных учебных заведений // http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ch4rtf.shtml 2008.

⁴ Свидетельства очевидцев // Нива. 1997. № 4. С. 24, 27, 29. См.: Ким Г. Н. Депортация корейцев в Казахстан // http://wrlidlib.ru/k/kim_o_i/tyk5rtf.shtml 2004.

⁵ ЦГА РУЗ, ф. 837, оп. 32, д. 587, л. 1-7.

⁶ Там же, д. 593, л. 91.

⁷ Корё сарам – этноним, пришедший на смену этнониму «советские корейцы» и обозначающий корейцев стран СНГ.

представителям русского населения в целом⁸. Но всё же гораздо больше их беспокоила судьба оставленного ими имущества. Кроме того, они испытывали определенный страх перед неизвестностью того, что ждет их в Средней Азии.

Попытаемся рассмотреть причины депортации в различных ее контекстах. Это позволит нам комплексно изучить данный вопрос, оценив его с разных позиций и точек зрения. Затем мы выделим наиболее значимые для нас подходы и дадим им собственную оценку.

При изучении причин депортации необходимо раскрыть само понятие. В широком смысле под депортацией понимается принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность, обычно – под конвоем. Депортация нередко применяется в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, незаконно въехавших в то или иное государство⁹. В нашем случае речь идет о массовой депортации значительного количества людей по национальному признаку. В СССР в 1920-1940-е годы депортация применялась как акт массовой репрессии.

Как отмечалось, корейцы были не единственными из народов Советского Союза, кто подвергся насильственному переселению в период репрессий. Депортация, как политическая мера, была частью общего политического курса советского руководства в те годы. Поэтому причины депортации невозможно рассматривать в отрыве от самой личности Сталина.

С. М. Хан и В. С. Хан рассматривают феномен сталинизма в различных его аспектах, будь то система, политика, психология или идеология¹⁰. Изучение личности Сталина раскрывает сущность его жестких методов. Чтобы оправдать массовый характер репрессий, нужно было находить все новых и новых «врагов», «вредителей», «неблагонадежных» (как в случае с корейцами), «находящихся на подозрении», т.е. очередные подтверждения правильности сталинской политики тотального террора. И чем иррациональней были аресты, расстрелы и депортации, массовые перемещения миллионов людей во всех направлениях,

⁸ Спецсообщение № 16. По переселению корейцев 3-й очереди по ДВК по состоянию на 14.10.37 // Белая книга о депортации корейского населения России в 30-40-х годах. С. 136-140.

⁹ Большой юридический словарь// <http://www.info-law.ru/dic/1/>

¹⁰ См.: Хан С. М., Хан В. С. Сталинизм: к вопросу о причинах политики депортации// Известия о кореевведении в Казахстане и Средней Азии. Вып. 4. Алматы, 1993. С. 7-14.

тем лучше достигалась цель Системы – всеобщий страх, подавление Я, деформация сознаний, беспрекословное подчинение¹¹.

В конечном итоге «враги» и «неблагонадежные» были найдены, в том числе среди наций и народностей. Механизм поиска «врагов народа» исходил от параноической психологии самого вождя всех народов, считавшего, что вокруг кроются враги и что «волки империализма не дремлют»¹². В «упреждающей» политике подавления элементов, угрожавших всей системе власти, лежали истоки последовавших затем репрессий, в том числе депортации.

В советской исторической литературе в условиях, когда документы о депортации корейцев были засекречены, в качестве причины депортации называлась и потребность в освоении необжитых земель Средней Азии и Казахстана и ареала возделывания риса на этих территориях. Среди современных взглядов авторов, изучающих эту проблему, Г. Н. Ким также считает возможным, что размещение переселенцев преимущественно в южных областях Казахстана и республиках Средней Азии предусматривало занятие ими традиционной сельскохозяйственной деятельностью: рисоводством и овощеводством¹³.

Как известно, до депортации корейцы внесли большой вклад в развитие сельского хозяйства на русском Дальнем Востоке. Из Кореи они перенесли на новую родину традиционные корейские сельскохозяйственные культуры и методы земледелия¹⁴. Поэтому переселение корейцев в Среднюю Азию в качестве специалистов, способных поднять в регионе определенные отрасли сельского хозяйства, также можно принимать во внимание.

Ученые Н. Ф. Бугай¹⁵, В. Ф. Ли¹⁶ указывают на превентивный характер депортации. Продолжая их мысль, ученые Г. Н. Ким и Д. В. Мен выделяют следующие причины депортации¹⁷:

¹¹ Там же. С. 12.

¹² См.: Хан С. М., Хан В. С. Указ соч. С. 9.

¹³ См.: Ким Г. Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1989. С. 10-11.

¹⁴ См.: Бэ Ын Ги ён г. Участие корейцев в развитии экономики Дальневосточного региона (20-30-е годы XX в.) // 1937 год – российские корейцы. С. 153-166.

¹⁵ См.: Бугай Н. Ф. Трагические события не должны повториться (К вопросу о положении корейцев в СССР в 30-е гг.). Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994.

¹⁶ Белая книга о депортации корейского населения России в 30-40-х годах. С. 65-66.

¹⁷ Ким Г. Н., Мен Д. В. История и культура корейцев Казахстана. Алматы, 1995. С. 8-9.

к 1937 г. корейское население было в значительной степени интегрировано в общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь Дальневосточного края. Однако характер их пространственного размещения – довольно компактные районы со значительным или преобладающим удельным весом корейского населения вызывал беспокойство и не соответствовал принципу «разделяй и властвуй»;

– образование в 1934 г. в районах их проживания Еврейской автономной области могло бы повлечь за собой требования корейского населения Дальневосточного края создания своей национально-государственной автономии;

насильственное переселение корейцев в глубь страны на тысячекилометровое удаление от границ с Кореей и Маньчжурией могло преследовать также определенные политические и экономические цели. Можно предположить следующее: во-первых, переселение в Среднюю Азию и Казахстан, площадь которых в десятки раз превышала территорию Дальневосточного края, означало автоматически дисперсию и раздробление групп корейского населения в районах вселения. Во-вторых, в Казахстане и Средней Азии в результате преступных методов форсированной, сплошной коллективизации без учета специфического уклада хозяйствования погибли миллионы людей, а сотни тысяч откочевали за пределы своих республик и страны. Таким образом, здесь возник острый дефицит трудовых ресурсов, который частично восполнялся переселенцами, в данном случае корейцами.

Что касается внешнеполитических причин, стоит отметить мнение Г. В. Кана о причинах депортации, суть которого состоит в том, что советские корейцы стали заложниками дальневосточной политики СССР в целом. При этом он ссылается на сближение основных политических сил Китая: компартии и гоминдана с Советским Союзом, завершившимся подписанием 21 августа 1937 г. советско-китайского договора о ненападении. По его мнению, «депортацию корейцев под предлогом «пресечения проникновения японского шпионажа» следует рассматривать как один из моментов «большой политики», как демонстрацию Советским Союзом твердости своих союзнических отношений с Китаем, своих отношений с Японией, своих позиций в дальневосточной политике»¹⁸.

В Европе набирала силу гитлеровская Германия, на Дальнем Востоке все активнее проявлялась милитаристская политика Японии. Сталин, осознавая приближение войны и свою неподготовленность к ней, пы-

¹⁸ Кан Г. В. История корейцев Казахстана. Алматы, 1995. С. 46-47.

тался маневрировать между полюсами предстоящего конфликта. Возможно, он намеревался как можно дальше отодвинуть время вовлечения СССР в войну и шел на определенные уступки как с Германией на Западе, так и с Японией на Востоке. Так, по мнению профессора М. Н. Пака, политической уступкой могло быть полное изгнание антияпонски настроенных корейцев из ДВК¹⁹.

Из всего комплекса подходов к вопросу о причинах депортации выделим две основные причины, которые вероятнее всего могли повлиять на решение властей о депортации корейцев из ДВК:

1. На территории ДВК имелись плотные и густонаселенные этнические районы корейцев, находившиеся преимущественно в приграничных с Кореей районах, что не могло не вызывать беспокойства у советских властей.

2. В условиях усложнявшейся обстановки депортация могла являться элементом военной или вернее предвоенной тактики.

Что касается компактного расселения корейцев у границы с Кореей, оккупированной на тот момент Японией, в этом вопросе опасения за приграничные территории становятся вполне логичными. В рамках прогнозной оценки развития событий руководство страны наверняка в качестве возможного варианта могло предполагать, что Посъетский район Приморья с удельным весом корейцев 90% мог стать надежным плацдармом для захвата японцами всего советского Дальнего Востока.

Что касается депортации как предвоенного тактического маневра, то применительно к военному времени для обозначения подобного рода мер применяется термин «интернирование». В международном праве под интернированием понимается принудительное помещение иностранцев определенных категорий в какую-либо местность с запрещением покидать ее пределы²⁰.

Интернирование практиковалось, например, в США. Во время Второй мировой войны с западного побережья Соединенных Штатов в специальные лагеря были переселены около 120 тысяч японцев, из которых 62% имели американское гражданство. Около 10 тысяч смогли переехать в другие районы страны, остальные 110 тысяч были заключены в лагеря, официально называвшиеся «военными центрами пере-

¹⁹ П а к М. Н. О причинах насильственной депортации советских корейцев Дальнего Востока в Центральную Азию // Дорогой горьких испытаний. К 60-летию депортации корейцев России. М., 1997. С. 31.

²⁰ Энциклопедия юриста // <http://eyu.sci-lib.com/article0000860.html>

мещения». Во многих публикациях данные лагеря называют концент-
рационными²¹.

Если рассматривать депортацию корё сарам именно с точки зрения предвоенной политики, то в реалиях того времени депортация могла представлять собой меру, направленную на решение конкретной политической задачи. Насколько оправданной была эта мера советского руководства и правильно ли вообще было осуществлять эту политическую акцию?

Некоторые ученые, занимающиеся изучением вопроса о депортации, прежде всего, акцентируют внимание на антигуманном характере организации переселения, ставя под сомнение целесообразность насильственного переселения. Мы выделим те основные моменты, на которые в этой связи обращается внимание ученых:

во-первых, условия, в которых перевозились корейцы. В частности, акцент делается на том, что переселение осуществлялось в железнодорожных товарных вагонах, предназначенных для перевозки скота и наспех переоборудованных для людей;

во-вторых, депортация была осуществлена за относительно короткий срок, что повлекло за собой массу ошибок и недочетов таких, как плохое медицинское обслуживание, нехватка жилья;

в третьих, общая неподготовленность республик Средней Азии к приему столь большого количества переселенцев, а также общая неудовлетворительная организация работ по переселению со стороны властей.

Действительно, в ходе работ по обустройству переселенцев на новых местах проявились существенные недочеты. Постановление СНК Узбекистана от 11 января 1938 г. «О мероприятиях по трудоустройству корейских переселенцев» обязывало народные комиссариаты и учреждения, причастные к размещению и обустройству переселенцев, в плане на 1938 год осуществить мероприятия по скорейшему трудоустройству корейских переселенцев и обеспечению их всеми видами обслуживания²².

Однако должным образом не было организовано санитарное обеспечение переселения, а также не были выполнены или выполнены неудовлетворительно работы по обеспечению корейцев всем необходимым в

²¹ Hirabayashi v. United States, reproduced at findlaw.com; accessed 15 Sept. 2006; Confinement and Ethnicity: An Overview of World War II Japanese American Relocation Sites // Jeffery F. Burton, Mary M. Farrell, Florence B. Lord, Richard W. Lord, Chapter 3, NPS, accessed 31 Aug 2006.; Peter Irons. Justice At War: The Story of the Japanese American Internment Cases. University of Washington Press, 1996.

²² ЦГАП РУз, ф. Р-837. оп. 32, д. 589, лл. 23-28

местах вселения. Власти Узбекистана и Казахстана не были готовы к приему такого количества переселенцев.

Корейцы были первыми, кто в массовом порядке подвергся насильственной депортации. Именно на них отработывались механизмы осуществления политической меры подобного рода и такого масштаба, которые затем коснулись и других народов, попавших в категорию «неблагонадежных».

Исследование причин депортации корейцев требует своей дальнейшей проработки. И хотя тема депортации является наиболее изученной среди других тем, касающихся истории корё сарам, необходимы новые подходы в оценке данного вопроса.

М. Тен

1937-1938 йилларда Ўзбекистонга Россия Узоқ Шаркидан корейсларнинг депортация қилиниши сабаблари тўғрисида

Мазкур мақола Россия Узоқ Шаркидан Ўзбекистонга 1937-1938 йилларда корейсларни депортация қилиш сабабларига бағишланган. Олимлар қарашлари асосида муаллиф ўша йилларнинг сиёсий воқелиги контекстида кўчиришнинг сабаблари таҳлилини ўтказди. Мақолада муаммонинг турли аспекти қўтарилди. Муаллиф депортациянинг қатор ўзига хос томонларини эса сиёсий чора сифатида кўриб чиқди. Ушбу ўзига хосликни аниқлаш конкрет ҳулосалар чиқариш имконини беради.

М. Тен

About the courses of Koreans' Deportation from Far East of Russia to Uzbekistan in the years of 1937-1938

This article is dedicated to the courses of Koreans' Deportation from Far East of Russia to Uzbekistan in the years of 1937-1938. Basing on the scientists' viewpoints, author makes an analysis of the courses of forced migration in the context of political events of those years. Various aspects of the problem are lightened in the work. The author considers the Deportation as a political measure that has a number of particularities. The exposition of these particularities helps to make precise conclusions.

Х. Бабажанов

ИККИНЧИ ЖАҲОН УРУШИ ЙИЛЛАРИДА ДАВЛАТ БЮДЖЕТИ ТАҚЧИЛЛИГИ ВА УНИ ТЎЛДИРИШ МАНБАЛАРИ

1941 йилда собиқ Иттифок ҳудудида уруш ҳаракатларининг бошланиши билан давлат бюджети ва молия тизими бошқа соҳалар каби улкан кийинчиликларни бошдан кечирди. Давлат бюджети мамлакатнинг қирим ва чикимининг асосий кўрсаткичи бўлиши билан бир қаторда маблағларни қайта тақсимловчи улкан механизмдир. Собиқ Иттифокда давлат бюджети қуйидаги поғоналардан иборат бўлган:

– Собиқ Иттифок бюджети;

Иттифокдош республикалар бюджети (масалан, Ўзб. ССР бюджети);

– маҳаллий бюджетлар (мисол учун Самарқанд вил. бюджети). Одатда, даромадлар қуйидан юқорига, тақсимот эса юқоридан қуйига қараб амалга оширилган.

Собиқ Иттифок бюджети 1941 йилда 177,0 млрд. рублни ташкил этган¹ ҳолда, шу йили Ўзбекистон бюджети 1 317 369 рублни ташкил этган². Шу рақамлардан кўриниб турибдики, даромадларнинг асосий қисми иттифокдош республикалар бюджетида эмас, балки собиқ Иттифок бюджетига йўналтирилган. Давлат хўжалик ҳаётининг асосини ташкил этувчи йирик корхоналар Ўзбекистонга эмас, тўғридан-тўғри Иттифок Халқ комиссарликларига бўйсунган. Бу сиёсат иттифокдош республикалар иктисодий сиёсатини чеклаш ва даромад тақсимотини Марказдан амалга оширилишига қаратилган эди.

Маҳаллий бюджетлар солиқ ва даромадларнинг маълум қисмини ўзларига олиб қолиб, қолганини иттифокдош республикалар бюджетига берганлар. 1942 йил аҳоли даромад солиғидан 2,5%, давлат заёми суммасидан 1,5%, МТС даромадларидан 10%, колхозчилар солиғидан 2,5% ва бошқалардан маҳаллий бюджетлар ўзларига олиб қолганлар³.

Иккинчи жаҳон уруши даврида собиқ Иттифок ва, шунингдек, иттифокдош республикалар бюджетида ҳарбий харажатларнинг ўсиши туфайли. бюджет даромадлари ва харажатлари ўртасидаги мутаносиблик

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Статистический сборник. Информационно издательский центр Госкомстата СССР. М., 1990. С. 215.

² ЎзР МДА, Р-839-фонд, 32-рўйхат, 3270-йигмажилд, 69-варак.

³ Ўша жойда. 64-варак.

бузила борди. 1940 йилда собиқ Иттифоқ бюджети даромади 180 млрд. рублни ташкил этган бўлиб⁴, уруш бошланиши билан даромад кўрсаткичлари тушиб борди. Мисол учун бюджет даромадлари 1941 йилда 177,0 млрд. рубль бўлса, 1942 йилда эса 165,0 млрд. рублга тушиб қолди⁵.

Шу билан бир қаторда бюджет харажатлари 1940 йил 174,3 млрд. рублдан, 1942 йилда 182,8 млрд. рублга кўпайди. Бюджет харажатлари тақсмоти уруш даври талабларига кўра ўзгариб борди. Уруш ҳаракатлари, фронтга қурол-яроғ ва озиқ-овқатнинг етказиб берилишининг кўпайиши натижасида ҳарбий харажатлар 1941-1944 йилларда муттасил ўсиб борди. 1940 йилда ҳарбий харажатлар 56,8 млрд. рублни, 1942 йилда 108,4 млрд. рублни, 1944 йилда эса 137,8 млрд. рублни ташкил этди⁶. Бюджетдаги ҳарбий харажатлар 1944 йилда 1940 йилга нисбатан 2,4 баробар ўсди. 1940 йилда бюджет харажатларининг 32,58% мудофаа мақсадларига йўналтирилган бўлса, 1942 йилда бу кўрсаткич деярли 60% га етди⁷.

Уруш йилларида бюджет даромад ва харажатларнинг умумий камайиши, иккинчи томондан ҳарбий харажатларнинг ошиши бошқа харажатларнинг тушиб кетишига олиб келди. Жумладан, таълим тизимида харажатлар 1940 йилда 22,5 млрд. рублдан 1942 йил 10,4 млрд. рублга тушиб кетди. Ёки кўп болали оилалар ва ёлғиз оналарга давлат нафақалари миқдори 1940 йилда 0,8 млрд. рублга тушиб қолди⁸.

Уруш бошланиши билан собиқ Иттифоқдаги умумий молиявий ва иқтисодий ҳолатнинг кескин ёмонлашуви туфайли 1941 йилги Ўзбекистон ССР бюджети 273 044 рублга қисқартирилди⁹. Олдиндан режалаштирилган бюджетнинг деярли 20% га қисқариши, биринчи навбатда, аҳолининг моддий турмушига салбий таъсир кўрсатиб, республика маданий-илмий соҳалари ривожига сарфланадиган маблағларни кескин камайтирди. Жумладан, мавзу жиҳатдан яқин музейлар бирлаштирилди, илмий тадқиқот ишларида катта аҳамиятга эга бўлмаган мавзулар ўрганилиши тўхтатилди. Колхозчилар ва яқка хўжаликлар тўлайдиган қишлоқ хўжалиги солиғи 1 ой аввал олиниши белгиланди¹⁰.

⁴ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. С. 215.

⁵ Ўша жойда.

⁶ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат. С. 131.

⁷ Ўша жойда.

⁸ Ўша жойда.

⁹ ЎЗР МДА, Р-839-фонд, 32-рўйхат, 2578-йиғмажилд, 37-варақ.

¹⁰ ЎЗР МДА, Р-839-фонд, 32-рўйхат, 2578-йиғмажилд, 38-варақ.

Уруш ва у билан боғлиқ харажатларнинг асосий қисми оғирлиги оддий халқ зиммасига тушди. 1940 йил аҳолидан олинадиган солиқ ва тушумлар 19 млрд. рублдан 1942 йил 44,7 млрд. рублга кўпайди. Шундан келиб чиққан ҳолда улар бюджет даромадининг 1940 йил 10,8% ини ташкил этган бўлса, 1942 йил 27% ини ташкил этди¹¹.

Ишлаб чиқариш ва саноатнинг ҳарбий маҳсулотлар ишлаб чиқаришга мослаштирилиши, кенг истеъмол товарлари ишлаб чиқаришнинг камайиши, фашистлар Германияси томонидан собик Иттифоқ ғарбидаги саноат марказлари эгалланиши туфайли давлат бюджети даромад қисмининг асосини ташкил этувчи социалистик корхоналар (совхозлар, Халқ комиссарликлари қарамоғидаги саноат корхоналари ва бошқалар) даромадлари қискарди. Йўқотилган даромадлар ўрнини қоплаш учун давлат аҳолига солиқ ва бошқа иқтисодий мажбуриятларни кўпайтирди.

Уруш бошланиши билан аҳолидан маблағлар куйидаги асосий йўллар билан жалб қилинган:

- а) солиқлар;
- б) давлат заёмлари.

Солиқлар аҳоли маблағларини давлат бюджетига жалб этишнинг асосий воситаси бўлган. Уруш йилларида солиқлар тур ва миқдор жиҳатидан кўпайиб борди. 1941 йил 3 июлидаги СССР Олий Совети Президиумининг фармони билан уруш вақтида кишлоқ хўжалиги солиғи ва аҳолидан олинадиган даромад солиғига вақтинча 100% устама белгиланди.

Солиқ дехконлардан умумий миқдорда олинган бўлса, ишчи ва хизматчилардан прогрессив даромад ставкасига қараб олинган. Иш ҳақи 300 рублдан ортик бўлмаган ишчи ва хизматчилар даромад солиғига кўшимча устама тўлашдан бутунлай озод қилинганлар. 300 рублдан 500 рублгача иш ҳақи учун 50%, 500 рубль ва ундан ортик иш ҳақи учун 100% устама солиғи белгиланди.

Кўшимча даромад солиғининг энг юқори ставкалари ёшига кўра ҳақиқий хизматга қақририлиши ёки сафарбарликка мувофиқ армияга қақририлиши лозим бўлган, аммо сафарбар қилинмаган ёки қақриқдан озод қилинган ишчи ва хизматчиларга нисбатан қўлланилган. Уларнинг бир ойлик иш ҳақи 300 рублгача бўлганида 100%, 300-500 рубль бўлганида 150%, 500 рублдан ортик бўлганида 200% устама солиғини ташкил этган¹².

¹¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 131.

¹² Қизил Ўзбекистон. 1941 йил 5 июль.

Қишлоқ хўжалик ва даромад солиғига устамаларни ҳисобга олганда ҳам собиқ Иттифокда мавжуд солиқ тизими бюджет даромадларини тўлдиришни тўла-тўқис ҳал эта олмаган. Бунинг асосий сабаблари қуйидагилардан иборат:

Биринчидан, уруш ҳолати ва ҳарбий ҳаракатлар туфайли армияга аҳолининг кўплаб жалб қилиниши солиқ тўловчилар сони камайишига олиб келди. Шунингдек, ҳарбий хизматчилар оилаларига турли солиқлар тўлашда имтиёзлар берилди. Масалан, оила таркибида икки ва ундан кўп ҳарбий хизматчилар бўлган деҳқонлар қишлоқ хўжалиги солиғи устамаси тўлашдан бутунлай озод қилинган. Оила таркибида бир ҳарбий хизматчи бўлган оилалар ушбу солиқ устамасини 50% чегирма билан тўлаганлар.

Иккинчидан, солиқ тизими уруш даврига жавоб бермас эди. Масалан, қишлоқ хўжалик солиғи хўжаликлардаги меҳнатга лаёқатли аҳоли сонига эмас, солиққа тортиш мумкин бўлган объектларга қараб олинган.

Юқоридагиларни инобатга олган ҳолда, солиқ тушумларини янада кўпайтириш мақсадида 1941 йил 31 декабрдан бошлаб колхозчи ва якка деҳқон хўжаликлари учун ҳарбий солиқ жорий қилинди. Ҳарбий солиқнинг асосий хусусияти унинг жон бошига қараб олинишида эди. Қайсидир маънода бу солиқ ўрта асрларда мавжуд «жон солиғи» ни эслатар эди. Ушбу солиқнинг жорий этилиши шаҳарда ҳам, қишлоқда ҳам солиқ тўловчилар сонини оширди. Ҳарбий солиқ ҳарбий хизматчилар ва улар оила аъзолари, I ва II гуруҳ инвалидлари, нафақахўрлардан ташқари 18 ёш ва ундан ошган барча собиқ Иттифок фуқароларидан олинган¹³. Ҳарбий солиқ қишлоқ хўжалиги билан боғлиқ бўлмаган аҳоли (ишчи ва хизматчилар, маданият ходимлари ва бошқалар) дан уларнинг даромадига қараб белгиланган. Масалан, йиллик даромади 1800 рублгача бўлганлар 120 рубль, 6000 рублгача бўлганлар 480 рубль, даромади 10800-12000 рублни ташкил этганлар 1140 рубль солиқ тўлаганлар¹⁴.

Қишлоқ жойларда алоҳида солиқ тўловчи даромадига эмас, у яшаётган ҳудуд аҳолисига умумий миқдорда белгиланган. Ҳарбий солиқ қишлоқ жойларда ҳар бир иттифокдош республика, вилоят, туман учун алоҳида ХКС томонидан 150-600 рубль миқдорда белгиланган.

«Ҳарбий солиқ» ҳар бир вилоятнинг иқтисодий аҳволдан, колхоз ва якка деҳқон хўжаликларнинг умумий даромад даражаси, нархнаво ва бошқа ўзига хос хусусиятлардан келиб чиққан ҳолда турлича

¹³ ЎзР МДА, Р-94-фонд, 15-рўйхат, 669-ийғмажилд, 38-варак.

¹⁴ Ўша жойда. 41-варак.

олинган. Мисол учун Тошкент вилоятида ҳар бир хўжалик аъзоси учун «ҳарбий солиқ» ўртача 370 рублни, Андижонда 480 рубль, Сурхондарё вилоятида 420 рубль, Хоразмда 350, Самарқандда 460 рубль, Фарғона вилоятида 360 рубль, Наманган вилоятида 460 рубль, Бухоро вилоятида 470 рублни, Қорақалпоғистон учун 390 рублни ташкил этган¹⁵.

Иккинчи жаҳон уруши йилларида, яъни 1941 йил 21 ноябрда Олий Совет Президиуми қабул қилган фармони билан ўзига хос ва бошқа мамлакатларда деярли учрамайдиган солиқ жорий этилди. Ушбу фармонга кўра, балогат ёшига етиб оила қурмаган, фарзандсиз ва ёлғиз фуқароларга қўшимча 5% даромад солиғи жорий қилинди¹⁶. 1944 йил 8 июлда қабул қилинган Олий Совет Президиумининг қарори билан ушбу солиқ бир ва икки фарзандли оилаларга ҳам жорий қилинган¹⁷.

Юқорида номлари келтирилган солиқлар ва улардан бошқа солиқлар ундирилиши Халқ комиссарлари совети, вилоят, шаҳар ва туман советлари ижрокўмлари, Молия Халқ комиссарлиги ва унинг маҳаллий бўлимлари томонидан қатъий назорат қилинган¹⁸.

Давлат заёмлари солиқлар каби мажбурий ҳисобланмаса-да, уруш йилларида ва умуман, XX аср 30-50-йилларида уларни олиш деярли мажбурий йўлга қўйилди. Совет молия идоралари қонун-қодаларни қўпол бузган ҳолда ишчи-хизматчиларнинг ойлик маошларидан ушлаб қолиб, уларни заёмларга мажбурий ёздиришган. 1940 йилда саратовлик хизматчи Генин ўзининг оғир моддий шароити ҳақида Молотовга хат ёзган. У хатида фақатгина озиқ-овқат ва уй тўловларини тўлаш учун унинг оиласи ойига 600 рубль сарфлашини таъкидлаган. Шунга қарамай, Гениннинг умумий ойлик маоши 450 рублни ташкил этиб, давлат заёмига «ихтиёрий-мажбурий» ёзилиши натижасида қўлига 385 рубль олган¹⁹.

Аҳоли маблағларини бюджетга жалб қилинишининг яна бир шакли пул буюм лотореялари бўлган. Шу молия механизми орқали ҳам анчагина маблағ йиғишга эришилган. Масалан, 1941 йил ноябрдан бошлаб Молия Халқ комиссарлиги пул ва буюмлик лоторея чиқара бошлаган. Лотореядан тушган даромаднинг ҳаммаси фашист босқинчиларига қарши урушга боғлиқ ишларга сарф қилинган. Лотореянинг умумий маблағи 1 млрд. рубль бўлиб, 200 минг рубллик маблағ ютуқ сифатида ўйналган²⁰.

¹⁵ ЎзР МДА, Р-839-фонд, 32-рўйхат, 3747-йиғмажилд, 265-варақ.

¹⁶ ЎзР МДА, Р-839-фонд, 32-рўйхат, 3265-йиғмажилд, 292-варақ.

¹⁷ ЎзР МДА, Р-94-фонд, 5-рўйхат, 4598-йиғмажилд, 39-варақ.

¹⁸ ЎзР МДА, Р-839-фонд, 32-рўйхат, 2574-йиғмажилд, 282-варақ.

¹⁹ Коммерсантъ Власть. 2005 йил 19 декабрь.

²⁰ Қизил Ўзбекистон. 1941 йил 30 ноябрь.

1944 йилдан давлат бюджети ва молия тизимининг барқарорлашув жараёни кузатилди. Шу йили давлат бюджетига даромад ва харажат қисмлари деярли тенглашди. Бунинг асосий сабаби собиқ Иттифок ғарбидаги худудларнинг озод этилиши натижасида уларнинг хўжалик оборотига қўшилиши эди.

Аҳоли маблағлари фақатгина мажбурий солиқ тизими орқали жалб қилинмаган. Турли заём, лотореялар ва мудофаа фонди орқали аҳоли ихтиёрий равишда ўз маблағларини ва бошқа буюмларини мудофаа мақсадларига жалб этди.

Омманинг ташаббуси билан бундай жамғарма яратишнинг тобора янги ва янги шакллари вужудга келтирилди. Мудофаа жамғармасига ишчилар, колхозчилар, зиёлилар бир кунлик иш ҳақлари, «коммунистик шанбаликлар» да ишлаб топилган пуллар, фуқароларнинг шахсий жамғармалари, қимматбаҳо бойликлари, давлат заёмлари, буюмлар, озиқ-овқат маҳсулотлари топширилди. Умуман, урушнинг дастлабки кунларида республика аҳолисидан 30 млн. рубль миқдорида пул, облигация ва қимматбаҳо бойликлар тушди. Ўзбекистон аҳолиси уруш йилларида мудофаа жамғармасига жами 649,9 млн. рубль пул, 22 кг олтин ва қумуш топширди²¹. Фронтга ёрдам кўрсатиш ватанпарварлик ҳаракатида аҳолининг барча табақалари қатнашди. Пул ва бошқа бойликлар давлат органлари, турли ташкилот ва муассасалар томонидан марказлаштирилган ҳолда тўпланган бўлса-да, одамлар бу фондларга ўз ихтиёри билан нарсаларини топширганлар. Бу ҳақда 1931 йилда туғилган Саиданвар ота Саидакбаров шундай эслайди: «Фронтга нарсаларни мактабда йиғишган. Уйингизда нима ортиқча кийимми, туфлими бўлса олиб келиб топширинглар дейишган. Ўзим ҳам олиб бориб топширганман. Ихтиёрий олиб борардик».

Мудофаа фондидан ташқари яна бир қанча, асосан, маълум йўналишга эга фондлар ташкил этилди. 1942 йил 23 ноябрда Қизил армия гўшт фонди тузилиб, Ўзбекистон учун унинг миқдори 7000 тоннани ташкил этди²². Шунингдек, шундай фондлардан яна бири Қизил армия нон фондидир. Нон фондига ғалла, арпа ёки дуккакли экинлар етиштирувчи хўжаликлар ўз ҳосилининг маълум қисмини мажбурий ўтказиб борганлар. Гўшт фонди ҳам худди шу асосда тузилган.

Ўзбекистонда амалга оширилган оммавий тадбирлардан бири 1941 йил 7 сентябрда бошланган армия учун иссиқ кийим-бош тўплани-

²¹ Ўзбекистон янги тарихи. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. Тошкент: Шарқ, 2000. 437-бет.

²² ЎзР МДА, Р-839-фонд, 32-рўйхат, 3253-йиғмажилд, 34-варак.

ши эди. Ўзбекистон аҳолиси 1941 йил сентябрь, октябрь, ноябрь ойлари мобайнида 1.174.972 жуфт кигиз этик, 2.767.232 кг жун, 5.213.107 дона калта пўстин, 1.293.818 дона пахталик шим, 2.062.706 дона қўй тери ва бошқаларни топширдилар²³.

Уруш, энг аввало, улкан маблағ, инсон ва табиий ресурсларни талаб этувчи жараёндир. Уруш ҳарбий харажатларнинг ўсишига ва давлат бюджетининг асосий қисмини мудофаа мақсадларига йўналтирилишига олиб келади. Давлатлар, одатда, уруш харажатларини ёпиш мақсадида аҳолига солинадиган солиқлар миқдорини оширадилар. Иккинчи жаҳон уруши йилларида ҳам турли солиқ ва тўловларнинг оширилиши аҳоли турмуш шароитига салбий таъсир кўрсатди. Аммо, ўзбек халқи қудратли ватанпарварлик туйғуларини намоён этиб, ихтиёр равишда юқорида таъкидланганидек, кўплаб жамғарма ва фондлар орқали галабага ҳисса қўшдилар.

Х. Бабажанов

Дефицит государственного бюджета и источники пополнения его в годы Второй мировой войны

В статье проанализирован дефицит государственного бюджета, возникший в годы Второй мировой войны. Изучены источники пополнения бюджета, система налогообложения. Охарактеризована деятельность различных фондов, функционировавших в годы войны.

H. Babajanov

The lack of funds and supplies during the Second World War and filling these sources

In this article the scarcity of funds and supplies, destruction of the fund balance was analyzed. Furthermore the source of filling this scarcity was examined and the system of taxes and different funds were also discussed.

²³ Қизил Ўзбекистон. 1941 йил 12 декабрь.

Х. Абдурашулова

ВИДНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО СОВЕТОЛОГИЧЕСКОГО ИСЛАМОВЕДЕНИЯ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Центральноазиатское советологическое исламоведение, будучи одним из направлений советологии, было сконцентрировано на комплексном изучении ислама и религиозной жизни мусульманского населения в Центральной Азии в целях лучшего понимания влияния советской эры на жизнь мусульман.

Осветим отдельные стороны биографии и научной деятельности видных западных, в частности англо-американских исследователей, публикации которых формировали дискурс, «задавали тон и направленность» центральноазиатского советологического исламоведения.

Как известно, интерес западных исследователей к Центральной Азии и в частности – к религиозной жизни населения в советский период был зачастую связан с политической повесткой дня. Эпоха «холодной войны» послужила сильнейшим импульсом для развития центральноазиатских исследований и, следует признать, нередко определяла характер и направленность исследований. Вместе с тем, как и в любой академической среде, на Западе присутствовал вполне научный интерес к изучению данного региона.

По национальной принадлежности исследователей англо-американского альянса в рамках советологических работ можно разделить на несколько основных групп: французы, британцы, канадцы и американцы. Особую группу могут составить эмигранты из СССР, которые жили при советской власти, а позднее, перебравшись в Европу или США, начали активную научную деятельность. Однако данная классификация весьма условна, ибо один и тот же исследователь может попадать под несколько категорий¹.

Значительную роль в зарождении и развитии советологического исламоведения сыграли научные учреждения Великобритании и британские исследователи. Среди них, прежде всего, отметим Джеффри Уилера (Geoffrey Wheeler) (1897-1990) – одного из крупнейших ученых, занимавшихся вопросами Центральноазиатской истории в советский пери-

¹ К примеру, А. Беннигсен – известный советолог, будучи эмигрантом из России, впоследствии стал основателем французской школы исследований центральноазиатского ислама и, вместе с тем, свою основную научную деятельность осуществлял в США.

Среди прочих британских советологов-исламоведов, изучавших религиозную ситуацию в Центральной Азии, следует выделить Уолтера Коларца (Walter Kolarz) (умер в 1962 г.). В 1939 г. он обосновался в Великобритании и начал работу в аналитической службе ВВС.

Одно из первых его исследований – «Россия и её колонии» (Russia and Her Colonies; 1952)⁹, ставшее объектом жесточайшей критики со стороны представителей советской историографии. Примечательно, что именно работы У. Коларца наряду с трудами Д. Уилера в большей степени подвергались критике со стороны советских ученых, относивших их к «ярким приверженцам антикоммунизма и антисоветизма», пытавшихся распространить «наиболее злостную клевету на роль русского народа по отношению к народам Советского Востока»¹⁰.

Особый интерес У. Коларца к религиозной теме нашел отражение в его работах «Ислам в Советском Союзе» (Islam in the Soviet Union, 1917-1960)¹¹ и наиболее известном его исследовании «Религия в Советском Союзе» (Religion in the Soviet Union)¹². К наиболее важным тезисам, выдвинутым данным автором, следует отнести положение о том, что роль ислама в жизни народов традиционного мусульманского ареала в советский период не сводилась к собственно религиозным практикам, которые, по его мнению, находились в целом в упадке, но оставалась значимой на уровне самоопределения и повседневных обычаев местного населения.

Говоря о французской школе исследования ислама в советской Центральной Азии, прежде всего, следует остановиться на некоторых фрагментах научного наследия ее основателя – Александра Беннигсена (Alexandre Bennigsen), автора ряда монографий и многочисленных статей, считающегося одним из западных ученых-пионеров в изучении ислама и религиозной политики в традиционно мусульманских регионах бывшего СССР.

Начиная с 1969 г., А. Беннигсен читал лекции по истории ислама в СССР в ряде американских университетов, первоначально в Университете Ротчестера и Индиане, а затем с 1971 г. – в Университете Чикаго, Висконсин и Флориде¹³. В последующем, благодаря активной научной деятельности А. Беннигсена формируется так называемая «школа

⁹ Kolarz Walter. Russia and her colonies. Hamden, Conn: Archon Books, 1967. – 334 p.

¹⁰ Иноятов Х. Ш. Ответ фальсификаторам истории советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962. С. 134.

¹¹ Kolarz Walter. Islam in the Soviet Union, 1917-1960. Karachi-Dacca, 1960. – 72 p.

¹² Kolarz Walter. Religion in the Soviet Union. New York: St. Martin' Press, 1961. – 518 p.

¹³ Материалы личных бесед автора статьи с проф. Э. Уимбушем, март 2010 г.

Беннигсена», к представителям которой, помимо плеяды французских, относился и целый ряд молодых американских исследователей-советологов. Некоторые из них считали себя последователями А. Беннигсена и разделяли общие научные взгляды¹⁴, иные могли выступать с критикой тех или иных его положений¹⁵, однако все они рассматривали его как одного из основоположников школы по изучению ислама в СССР и признавали его вклад в исследование Центральноазиатского региона.

Среди наиболее известных работ А. Беннигсена – «Ислам в Советском Союзе» (*Islam in the Soviet Union*)¹⁶, подготовленная в соавторстве с французским историком Шанталь Лемерсье-Келькеже. Другая работа данного исследователя «Мусульманский Национальный Коммунизм в Советском Союзе. Революционная Стратегия для Колониального Мира» (*Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World*)¹⁷, подготовленная в соавторстве с американским историком Эндерс Уимбушем, подробно рассматривает эволюцию доктрины мусульманского национального коммунизма в Центральной Азии и на Кавказе.

На 1980-е годы приходится наибольшее количество публикаций А. Беннигсена. В 1983 г. он в соавторстве со своей дочерью Мэри Броксап публикует известную работу «Исламская угроза Советскому Союзу» (*The Islamic threat to the Soviet State*)¹⁸. В 1985 г. была написана другая работа в соавторстве с Эндерс Уимбушем «Мистики и Комиссары. Суфизм в Советском Союзе» (*Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union*)¹⁹. Будучи одним из наиболее цитируемых последующими советологами, данное исследование представляет собой попытку освещения

¹⁴ К примеру, французская исследовательница Шанталь Лемерсье Келькеже (*Chantal Lemercier Quelquejay*), известная исследовательница, редактор журнала «Центрально-азиатское обозрение» (*Central Asian Survey*) Мэри Броксап (*Marie Broxup*), американский исследователь Эндерс Уимбуш (*S. Enders Wimbush*) и мн. др.

¹⁵ Например, одна из его студенток, впоследствии известный американский исследователь истории Центральной Азии Марта Брилл Олкотт (*Martha Brill Olcott*), выступала с критикой некоторых позиций Беннигсена.

¹⁶ *Bennigsen A. Chantal Lemercier-Quelquejay. Islam in the Soviet Union, London: Praeger. 1967. – 272 p.*

¹⁷ *Bennigsen A. S. Enders Wimbush. Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World. The University of Chicago Press, 1979. – 267 p.*

¹⁸ *Bennigsen A., Marie Broxup. The Islamic threat to the Soviet State. New York: St. Martin's Press, 1983. – 170 p.*

¹⁹ *Bennigsen A. S. Enders Wimbush. Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union. USA: University of California Press, 1985. – 195 p.*

всего спектра деятельности суфийских братств на территории СССР. Очередным результатом плодотворного сотрудничества данных исследователей стала публикация в 1986 г. работы «Мусульмане Советской Империи. Путеводитель» (*Muslims of the Soviet Empire. A Guide*)²⁰, рассчитанная скорее на широкий круг читателей, интересующихся исламом в мусульманских регионах СССР.

В целом исследования А. Беннигсена, подготовленные в условиях жестко ограниченного доступа как к исследуемому региону, так и связанным с ним источникам, заложили важную научно-теоретическую основу для дальнейшего развития «советологического исламоведения» на Западе.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что А. Беннигсен являлся приверженцем той части советологов, которые стремились посредством своих исследований дискредитировать образ «врага». Именно поэтому его работы не лишены заметной доли политизированности и попыток трактовки событий и процессов в заранее заданных клише²¹.

Значительную роль в изучении тюркских народов СССР было суждено сыграть соратнице А. Беннигсена французской исследовательнице Шанталь Лемерсье Келькеже (*Chantal Lemercier Quelquejay*). Результатом плодотворного сотрудничества А. Беннигсена и Ш. Л. Келькеже стал выход в свет значительного числа публикаций по вопросам ислама в Центральной Азии. Большинство они концентрировали свое внимание на изучении мусульманского национализма в Российской империи – вопросе, представлявшим наибольший интерес для Ш. Келькеже. В конце 1970-х – начале 1980-х годов в связи с событиями на Ближнем Востоке: началом ввода советских войск на территорию Афганистана и революцией в Иране, Ш. Келькеже начинает активно писать о стратегии СССР в отношении данного региона. Так, к примеру, она констатирует, что «Центральноазиатский регион становится своеобразным мостом для советской политической деятельности на Ближнем Востоке»²². Автор приходит к выводу, что советские власти используют Центральную Азию в качестве «образца» советской политики в отношении мусульман.

К плеяде известных французских исследователей-советологов можно по праву отнести Элен Каррер д'Анкосс (*Helene Carrere d'Encausse*), урождённую Зурабишвили (родилась 6 июля 1929 г. в г. Париже). Она

²⁰ Bennigsen A. S. Enders Wimbush. *Muslims of the Soviet Empire. A Guide*. London, 1985.

²¹ См.: Bregel Yu. *Notes on the Study of Central Asia* // *Papers of Inner Asia*. Bloomington, 1996. № 28. P. 52; De Weese D. *Islam and the legacy of Sovietology: a review essay on Yaacov Roi's Islam in the Soviet Union* // *Journal of Islamic Studies*. Oxford, 2002. Vol. 13. № 3. P. 300.

²² Lemercier-Quelquejay Chantal. *The USSR and the Middle East* // *Central Asian Survey*. Vol. 1. № 1. 1982. P. 47.

была постоянным секретарем Французской академии наук (избрана в 1992 г.), историком, политологом, специалистом по истории России.

Известность пришла к Э. Каррер д'Анкосс после выхода в свет в 1978 г. ее работы «Раскол империи. Бунт Советских Социалистических Республик», (*Decline of an Empire. The Soviet Socialist Republics in Revolt*), в которой она анализирует внутренние этнические и конфессиональные противоречия в советском государстве и делает прогноз о скором распаде СССР²³. При этом главной угрозой советскому строю автор называет не противодействие со стороны Запада, а высокий уровень рождаемости в республиках Центральной Азии.

Наиболее весомый вклад в развитие советологического исламоведения был внесен американскими исследователями, которые представляли различные школы и направления.

Характеризуя американскую группу советологов, прежде всего, следует отметить Ричарда Пайпса (Richard Edgar Pipes) – специалиста по истории России и СССР, профессора истории Гарвардского университета, одного из крупнейших американских советологов времен холодной войны (родился 11 июля 1923 г.). Р. Пайпс учился в колледже Маскингам (Muskingum) в Огайо. В 1943 г. поступил на службу в американскую авиацию, получил американское гражданство. После окончания войны был демобилизован, вскоре поступил в Корнелльский университет, затем продолжил образование в Гарвардском университете. После защиты докторской диссертации в 1950 г. Р. Пайпс начал работать в Гарвардском университете, и уже в 1968-1973 гг. он был директором Исследовательского Центра по изучению России при данном университете.

С 1980 по 1982 г. Р. Пайпс являлся членом Национального совета безопасности США и советником Президента Р. Рейгана по проблемам российско-американских отношений. Он традиционно занимал жесткую позицию по отношению к коммунистическому режиму. Неоднократно бывал в СССР, поддерживал контакты с советскими диссидентскими движениями. В целом Р. Пайпс относился к радикальной части советологов, в чьих работах характерно прослеживались антисоветский и антикоммунистический настрой. Научное наследие Р. Пайпса было представлено в том числе рядом работ по истории мусульман Центральной Азии²⁴. Следует отметить, что в отличие от французских советологов, которые в освещении вопросов религиозной политики в регионе использовали пре-

²³ Helene Carrere d'Encausse. *Decline of an empire. The Soviet Socialist Republics in Revolt*. New York: Newsweek Books, 1979. – 304 p.

²⁴ Pipes R. Muslims of Soviet Central Asia: trends and prospects//*Middle East Journal*. Vol. 9. 1955. № 2. P. 147-162; № 3. P. 295-308; Е г о ж е. *The Soviet impact on Central Asia // Problems of Communism*. Vol. 6. 1957. № 2. P. 27-28.

имущественно советские источники, данным американским исследователем были также широко привлечены и устные источники – показания очевидцев, информация эмигрантов, проживавших в США²⁵.

Известным американским историком, изучавшим Центральную Азию, был и остается Эдвард Оллворт (Edward Allworth, родился в 1920 г.). Он вел научную и преподавательскую деятельность в сфере русско-тюркских исследований в одном из крупнейших центров по подготовке специалистов по России и Центральной Азии – Колумбийском университете. Э. Оллворт являлся также директором Центра по изучению Центральной Азии и директором Программы по Советским национальным вопросам. Перу этого исследователя принадлежит значительное количество работ по истории Центральной Азии²⁶. Однако приоритетное внимание в своих исследованиях он придавал вопросам национализма в СССР, а также пытался изучать некоторые аспекты средневековой истории Центральной Азии²⁷.

Значительную роль в развитие центральноазиатских исследований на Западе, в частности религиозной истории региона в советский период внес американский исследователь Эндерс Уимбуш (Enders Wimbush) – ученик и последователь А. Беннигсена. Научная деятельность Э. Уимбуша была начата в 1972 г. в Университете Чикаго в качестве исследователя по истории СССР, в частности, национальным вопросам. Примечательно, что в это же самое время А. Беннигсен начал свою преподавательскую деятельность в стенах данного учебного заведения, организовав специальный семинар по национальным вопросам в СССР, в рамках которого рассматривалось также состояние данного вопроса в центральноазиатских республиках. Основной целью семинара, по словам Э. Уимбуша, являлось рассмотрение национального вопроса в СССР в историческом, политическом, демографическом и социальном контексте²⁸. Таким образом, произошло знакомство известного советолога А. Беннигсена с молодым американским исследователем Э. Уимбушем, обернувшееся вскоре весьма плодотворным сотрудничеством, результатом которого стали как многочисленные совместные исследования, так и самостоятельные публикации американского ученого²⁹.

²⁵ Myer Will. Islam and Colonialism... P. 111.

²⁶ См. например: Allworth Edward. Central Asia, 130 years of Russian dominance: A historical overview. 3rd edition. Duke University Press, 1994.

²⁷ Allworth Edward. The modern Uzbeks from the fourteenth century to the present: a cultural history. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1990. – 410 p.

²⁸ Материалы личных бесед автора статьи с проф. Э. Уимбушем. Март, 2010 г.

²⁹ Например: Wimbush S. Enders. The Soviet Muslim Borderlands / The Last Empire. Nationality and the Soviet Future. Edited by Robert Conquest. Hoover Institution Press: California, 1986. P. 218-234; Его же. Soviet Muslims in the 1980s // Journal of the Institute of Muslim Minority Affairs. Vol. 6. 1985. № 1. P. 152-166.

Э. Уимбуш писал свою докторскую работу (PhD) по вопросам советского национализма, и в отличие от А. Беннигсена имел возможность посещения как России, так и Узбекистана в 1976 г., где сумел собрать некоторые материалы по истории региона.

В 1976 г. он перешел на государственную службу США специалистом по национальным вопросам в СССР, что, однако, не мешало ему активно продолжать изучение Центральноазиатского региона. Так, в 1982 г. он становится главным редактором журнала «Центральноазиатское обозрение» (*Central Asian Survey*), которое представляло собой одно из первых серьезных изданий, специализирующихся на изучении Центральной Азии и отражавших на своих страницах новейшие изыскания западных исследователей по истории мусульманских народов СССР.

Среди других американских исследователей, в той или иной степени затрагивавших вопросы религиозной ситуации в регионе в советский период, следует отметить также Вильяма Фирмана (*William Fierman*) – в 1971 г. выпускника университета Индианы, продолжившего затем обучение в отделении центральноазиатских исследований Гарвардского университета. В настоящее время он является профессором центральноазиатских исследований в Университете Индианы, директором Азиатского и Уральского Национального Ресурсного центра. В перечне его научных интересов приоритетное место занимают вопросы трансформации образа жизни и религиозного сознания центральноазиатских народов в советский период³⁰. В. Фирман неоднократно имел возможность посещения Узбекистана еще в советский период, в 1976-1977, 1983 и 1988 гг.³¹ В ходе этих визитов ему удалось собрать обширный, в том числе и устный, материал о национальном и религиозном вопросе в регионе.

Таким образом, мы видим, что посещение региона, сбор материала на месте рассматривались англо-американскими исследователями в качестве важного инструмента для расширения представлений о регионе, более глубокого понимания его внутренней специфики. И это обстоятельство непосредственно отражалось на качестве и новизне их исследований.

Таким образом, несмотря на тот факт, что значительное число советологов-исламоведов не имело базового образования по истории и куль-

³⁰ Fierman William. *Glasnost in Practice: the Uzbek experience* // *Central Asian Survey*. 1989. Vol. 8. № 2. P. 1-45; Fierman William. *The Soviet «Transformation» of Central Asia* // *Soviet Central Asia. The Failed Transformation*. Edited by William Fierman. Westview Press: Boulder, 1991. P. 11-35.

³¹ Fierman William. *Glasnost in Practice...* P. 4.

туре исламского мира и не обладало глубокими познаниями в языках как местных центральноазиатских народов, так и классических трудов мусульманских теологов, которые, на наш взгляд, были необходимы для комплексного изучения Центральной Азии, им удалось в условиях жестко регламентированного доступа в регион и крайне ограниченной источниковой базы подготовить ряд фундаментальных работ по различным аспектам истории ислама в Центральной Азии. Их методологический инструментарий и научные оценки существенно отличались от однозначных клише советской историографической традиции и представляли иной альтернативный взгляд на историю центральноазиатского ислама и общества в эпоху советской власти.

Х. Абдурасулова

**Марказий Осиё совет исломшунослиги мактабининг
таникли вакиллари ва уларнинг фаолияти**

Маколада муаллиф инглиззабон адабиётлар асосида Марказий Осиё совет исломшунослиги билан шуғулланган таникли инглиз-америка тадқиқотчиларининг ҳаёти ҳамда илмий фаолиятининг айрим жихатларини ёритишга ҳаракат қилган. Жумладан, Британия, Франция ва АҚШнинг совет даври Марказий Осиёни ўрганиш бўйича илмий мактаби вакиллариининг изланишлари таҳлил қилинган.

Н. Abdurasulova

**Prominent representatives of Central Asian
sovietological islamology and their activity**

In the article on the basis of numerous English language literature is conducted an attempt to enlighten biography of the prominent Anglo-American researchers and some aspects of their scientific activity. It's important to note that particularly their publications formed discussions within so-called Central Asian «sovietological islamology». So, the author considers English-language works of British, French and American scholars on the question of Islam in Soviet Uzbekistan.

Тарихчи кутубхонасига

А. Отахўжаевнинг «Илк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабатлари» монографиясига тақриз (Тошкент, Art flex, 2010, 181 бет + 36 бет, илова ва иллюстрация)

Ўзбекистон мустақилликка эришгач, фаннинг турли соҳалари, айниқса ватанимиз тарихи бўйича янги-янги муаммоларни ҳал этиш долзарб вазифа, деб белгиланди. Ўзбекистоннинг қадимги, антик ва илк ўрта асрлари бўйича олиб борилаётган тадқиқотларга кенг ўрин берилди бошладди. Олимлар янги-янги изланишларга қўл ура бошладилар. Ушбу тадқиқотлар натижасида ўзбек давлатчилиги тарихи, ўзбек халқининг шаклланиши, ўзбек тилининг тарихий илдиэлари ҳақида янги маълумотлар аниқланиб, илмий истеъмолга киритилди бошладди. Ушбу тадқиқотлар қаторига А. Отахўжаевнинг кейинги 10-15 йил ичидаги илмий изланишларини қўшиш мумкин. Олим ўзининг «Илк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабатлари» номли фундаментал монографиясида туркий ва суғдларнинг тарихий-маданий, ижтимоий-сиёсий, иқтисодий ва ҳарбий соҳадаги алоқаларини кенг ёритишга ҳаракат қилган. Ушбу китобнинг аҳамиятли томони шундаки, олимнинг суғд ёдгорликларини яхши билиши натижасида биринчи марта ўзбек тарихшунослик фанида илк ўрта асрлардаги турк-суғд муносабатлари чуқур таҳлил этилган. У мавзунинг ёритишда суғд ёдгорликларидан ташқари қадимги туркий, хитой, араб-форс манбаларидан унумли фойдаланган.

Мазкур монография нафақат ўзбек давлатчилиги, балки ўзбек халқининг шаклланиши бўйича янги йўналишларга кенг йўл очиб беради. Ушбу тадқиқот ўзбек тили тарихи билан шуғулланувчи олимлар учун ҳам янги маълумотлар беради. Гап шундаки, айрим мумтоз ўзбек тили мутахассислари ўзбек адабий тилининг шаклланишини XIV – XV асрлар билан белгилашади. А. Отахўжаев эса қадимги ёдгорликлардаги **ябғу, тегин, шад, элтабар, хотун, тудун, тутук, чўр, эркин** каби туркий-ўзбек сўзлари асосида ўзбек адабий тилининг лексик қатлами VI – VII асрларга бориб тақалишини кўрсатиб берди. Суғдча **гунча, чашма, катта, эгизак, осмон, замон, полиз, оқшом, ишқом, мезон** каби сўзлар ўзбек-тожик билингвизми илк ўрта асрларда шаклланиши бошлаганлигидан далолат беради. Турк хоқонлигида расмий

хужжатлар асосан сугд тилида юритилган. Буни «Бугут ёдгорлиги» ва бошқа эпиграфик манбалардан кўриш мумкин.

Монографияда келтирилган далиллар ўзбек халқи маданияти тарихини ўрганишда муҳим аҳамиятга эга. Биз бу каби ишлар давом эттирилишини зарур деб ҳисоблаймиз. Чунки бу каби тадқиқотлар тарихимизнинг ҳали ўрганилмаган саҳифаларини янги маълумотлар билан бойитади.

А. Отахўжаевнинг мазкур ишида турк-сугд алоқалари тўрт йўналишда таҳлил қилинган: а) маданий-маърифий; б) ижтимоий-сиёсий; в) иқтисодий; г) ҳарбий.

Турк сугд маданий маърифий алоқалари куйидагиларда кўринади: 1) уйғур ёзуви сугд алифбоси асосида шаклланган; 2) туркийлар сугдлар воситасида бир канча вақт моний ва брахмий ёзувдан фойдаланганлар; 3) руник алифбони яратишда сугдларнинг иштироки катта бўлган; 4) сугдлар туфайли бир канча диний асарлар VII – IX асрлардаёқ туркий тилга таржима қилинган. Ижтимоий сиёсий соҳада туркийлар узоқ вақт Сугд давлатчилигида бошқарув органларида ишлаганлар. Иқтисодий соҳада туркийлар фаол иштирок этганлар. Улар тижорат ишларида тажриба орттириб, кейинчалик бу ишни юксак даражага кўтарганлар. Ҳарбий соҳада туркийларнинг сугдларга таъсири кучли бўлган. Туркий суворийларда жанговорлик қобилияти юксак бўлганлиги сабабли, улар Буюк ипак қарвон йўлларида сугд савдогарларини турли қароқчилардан ҳимоя қилиб келганлар. Ва энг асосийси узоқ вақт араблар ҳужумидан ҳимоя қилганлар. Сугд армиясининг шаклланишида туркийларнинг иштироки катта бўлган.

Турк-сугд муносабатлари кейинги асрлардаги ўзбек-тожик алоқаларининг ривожига пойдевор бўлган. Биргина Навоий ва Жомий ўртасидаги ўзаро самимий муносабатлар фикримизга далил бўла олади. Асрлар давомида тадрижий давом этиб келаётган минтақадаги билингвизм – икки тиллилик бизни ягона тарихий маданий макон вакиллари эканлигимизни кўрсатади. Бу ўзбек халқи менталитетидаги энг муҳим ҳислат – **бағрикенглик** илк ўрта асрлардан шакллана бошлаганлигини кўрсатади.

Монография охиридаги 20 га яқин илова ўқувчиларга тарихимизнинг ўрганилмаган саҳифаларидан янги маълумот беради.

Афсусланарлиси шуки, ушбу зарур монография жуда кам тиражда (200 нусха) нашр этилган. Бу эса кўп сонли ўқувчилар оммаси ва айниқса, талаба-ўқувчиларни ватанимиз тарихидан керакли маълумотлар олишига монелик қилади. Ваҳоланки, ҳозирги вақтда давлатчилик

тарихи, этник жараёнлар, тил тарихи ва маданият тарихи бўйича юзлаб мутахассислар изланиш олиб бормоқдалар.

Тилагимиз, А. Отахўжаев ўз тадқиқотларини давом эттириб, бу йўналиш бўйича шогирдлар тайёрлаб, ушбу соҳани ривожлантирса яхши бўлур эди. Чунки турк-суғд муносабатларида ҳали ўрганиладиган муаммолар талайгина.

Умуман олганда, А. Отахўжаевнинг «Илк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабатлари» монографияси ўзбек давлатчилиги, ўзбек халқи тарихи, қадимги ўзбек тилини шаклланишини ўрганишда кенг ўқувчилар оммасига муҳим маълумотлар беради.

фил. ф. д. Э. Умаров

Илмий ҳаёт

«ЎЗБЕКИСТОНДА ТАРИХ ФАНИ: 20 ЙИЛДАН СЎНГ» МАВЗУСИДАГИ V РЕСПУБЛИКА ТАРИХШУНОСЛИК ЎҚИШЛАРИ

ЎзР Фанлар академияси Тарих институти томонидан тарихшунослик ўқишлари ўтказиш анъанага айланди. Тарихшунослик тарих фанининг илмий ташкилий жараёнларини таҳлил қилиш билан бирга, унинг истиқболдаги вазифаларини ҳам белгилашда муҳим ўрин эгаллайди. Бу галги 2010 йил 15-16 апрель кунлари ўтказилган «Ўзбекистонда тарих фани: 20 йилдан сўнг» мавзусидаги V республика тарихшунослик ўқишлари тарих фанида мустақиллик йиллари давомида яратилган илмий тадқиқотлар натижалари муҳокамасига бағишланди.

Конференциянинг ялпи мажлисида Ўзбекистон ижтимоий фанларида юз берган туб ўзгаришлар, республика ҳукуматининг илмий кадрларни қўллаб қувватлаш ҳамда фундаментал фанларни ривожлантиришга қаратилган сиёсати алоҳида эътироф этилди. Республика Фанлар академиясининг ижтимоий-гуманитар комплекси илмий текшириш институтлари директорлари ўз маърузаларида илмий жамоатчиликни ўтган йиллар мобайнида қўлга киритилган муҳим илмий изланишлар натижалари билан таништирдилар. Анжуман олти секцияда иш олиб борди:

1. Ўзбекистонда тарих фани методологияси ва даврлаштириш масаласи.
2. Муаммовий хронологик тарихшунослик: ўтмишдан ҳозирги замонгача.
3. Тарих ва тарихчилар.
4. Марказий Осиё хориж тарихшунослигида: Ўзбекистон тадқиқотчилари нигоҳи.
5. Этнологиянинг спектрал тарихшунослиги.
6. Манба ва талқин.

Биринчи секцияда тингланган докладларда тарих фанининг барча йўналишлари (археология, этнология, ўртаасршунослик, музей ва архившунослик) да қўлга киритилган натижалар, тенденциялар, муаммовий масалалар ва истиқболли вазифалари кўриб чиқилди. «Муаммовий-хронологик тарихшунослик: ўтмишдан ҳозирги замонгача» секциясида Ўзбекистонда олиб борилаётган илк, ўрта асрлар ва совет даврига оид тадқиқотларда турли хил муаммовий масалаларга урғу бе-

рилди. Учинчи секцияда Ўзбекистон тарихини ёритишга бевосита ва билвосита иштирок этган олимларнинг илмий мерослари, қарашлари тарихшунослик таҳлилида тақдим этилди. Ўзбекистон тадқиқотчиларининг хориж тарихшунослигига мурожаати мустақиллик йиллари тарих фанининг энг катта ютуқларидан бири ҳисобланади. Айнан шу ракурсда иш олиб борган тўртинчи секцияда нафақат инглиз-америка тарихшунослиги, шунингдек, немис, хитой адабиётлари илмий таҳлилга тортилган маърузалар тингланди, хориж тарихшунослигининг ижобий жиҳатлари, камчиликлари кўрсатилди. «Этнологиянинг спектрал тарихшунослиги» секциясида бу соҳанинг турли-туман жиҳатлари қай йўсинда ўрганилаётганлиги кўриб чиқилди. Янги-янги тарихий манбаларнинг айнан ёш тадқиқотчилар томонидан илмий муомалага киритилаётганлиги қувонарли ҳол ва шу жиҳатдан олтинчи секция «Манба ва талқин» деб номланиб, унда маърузачилар томонидан нафақат қадимий манбалар, шу билан бирга, архив ҳужжатлари, газеталар, даврий нашрлар, фотоманбалар таҳлили амалга оширилди.

Анжуман давомида 90 дан ортиқ маърузалар тингланиб, улар юзасидан кенг фикр-мулоҳазалар билдирилди, илмий мунозаралар бўлиб ўтди. Юртимизнинг етакчи тарихчи, археолог, этнолог, санъатшунос, шарқшунос олимларининг янги манбалар асосида ватан тарихининг кўплаб масалаларига доир қилган маърузалари иштирокчиларда катта қизиқиш уйғотди. «Баркамол авлод йили» Давлат дастуридан келиб чиққан ҳолда, анжуманда ўз изланишлари билан илмий жамоатчилик ўртасида танилаётган ёш тадқиқотчиларга алоҳида ўрин ажратилди.

Конференция якунида секция модераторларининг ҳисоботлари тақдим этилди. Жумладан, академик Ю. Буряков «конференция ялпи мажлисида ижтимоий йўналишдаги илмий тадқиқот институтлари директорларининг маърузалари орқали гуманитар соҳа вакиллари ўзлари учун кенг маълумот» олганликлари ва «бу жуда фойдали ҳамда зарур эканлигини, мазкур ҳолат фанлараро узвийликка хизмат қилиши»ни таъкидлаб ўтди. Шунингдек, мазкур анжуманнинг ўтказилиши тарих фанида янгича қарашлар ва методологияларнинг юзага келишига туртки бўлади, деб қайд этди. Бугунги кунда илк ва ўрта асрлар даври тарихшунослиги нисбат жиҳатидан совет йиллари тарихшунослигидан кўра камроқ ўрганилаётганлиги, тарихшуносликнинг муаммовий масалаларига кўпроқ эътибор бериш зарурлиги модератор т. ф. д. Д. Зияева томонидан қайд этилди. Модератор т. ф. д. А. Хўжаев хориж тарихшунослигида кўпроқ эътибор Фарб адабиётларига қаратилаётганлиги, япон, хитой олимларининг ишларини кенг таҳлилга тортиш долзарб вазифалардан бири бўлиб қолаётганлигига урғу берди. Т. ф. н. Н. Азимова этнология

соҳасида хориж адабиётларининг жалб этилаётганлиги, турли тадқиқот методларининг қўлланилаётганлигини ижобий баҳолади. Модератор т. ф. д. Х. Ғуломов манбалар таҳлилида баёнчиликдан муаммовий ва илмий ёндашишга ўтилаётганлиги тарихий манбашуносликда муҳим кадам эканлигини айтиб ўтди. Ҳар бир секция модераторлари мазкур тарихшунослик ўқишлари жуда юқори савияда ўтганлигига алоҳида эътибор қаратиб ўтдилар. ЎзР ФА Тарих институти директори, профессор Д. А. Алимова мазкур тарихшунослик ўқишлари тадқиқотлар савиясини ошириш билан бир қаторда, тарихчилар учун ҳам ўта зарур эканлиги, кўтарилган ҳар бир муаммо алоҳида илмий анжуман мавзуси бўлиши мумкинлиги, конференция юзасидан билдирилган таклифлар, мулоҳазалар эътиборга олинishi кераклиги, бу эса тарих ва тарихшуносликнинг истиқболдаги вазифаларини белгилашда муҳим омил эканлигини таъкидлади.

Анъанага кўра, мазкур тарихшунослик ўқишларида қилинган маърузалар илмий тўплам шаклида нашр этилади. Анжуман ишида ҳар галгидек республиканинг барча вилоятларидан келган академик фан вакиллари билан бирга, олий ўқув юртлари, коллеж, лицей, мактаб профессор ўқитувчилари, музей ҳамда архив ходимлари иштирок этдилар.

т.ф.н. Ш. Асадова, т.ф.н. Н. Мустафаева

«АКАДЕМИК КАРИМ ШОНИЁЗОВ ЎҚИШЛАРИ» ТУРКУМИДАГИ БЕШИНЧИ АНЪАНАВИЙ ИЛМИЙ КОНФЕРЕНЦИЯ ҲАҚИДА

Ижтимоий гуманитар фанлар соҳасида рўй бераётган катта ўзгаришлар, илм-фан соҳасида интеграциялашиш, халқ миллий маданий мероси, урф одат ва анъаналари, этник идентиклигининг муҳим асосларини ўрганишга бўлган талаб ўзбекистонлик этнологлар олдига янги янги вазифаларни белгилаб бермоқда. Жумладан, ўзбек этноси, унинг маданияти, анъаналари ва инновацион жараёнлар билан боғлиқ масалаларни чуқур назарий методологик асосда ўрганиш бугунги кунда ҳам илмий, ҳам амалий аҳамиятга эга. Шу боисдан, 2010 йил 14 июнда Тошкент шаҳрида бўлиб ўтган «Академик Карим Шониёзов ўқишлари» туркумидаги навбатдаги бешинчи анъанавий республика илмий конференциясининг бош мавзуси «Этнос ва маданият: анъанавийлик ва замонавийлик» деб номланди.

Конференция ишида Тошкент шаҳри ва республиканинг турли вилоятларидан келган жами 53 нафар тадқиқотчиларнинг маърузалари тингланди. Маърузачилар орасида нафақат этнологлар, балки маданиятшунослик, фалсафа, тарих, социология, санъатшунослик, фольклоршунослик соҳаларида кўзга кўринган олимлар, педагог-ўқитувчилар ва ёш тадқиқотчиларнинг ҳам борлиги фанлараро интеграциялашувдан далолат беради.

Анжуманнинг ялпи мажлисида этнология фанида терминология муаммоси (т. ф. д. А. Аширов), этнологик назариялар қарама-қаршилиги ва илмий билиш антиномияси (ф. ф. н. В. Хан), рузие (юэчжи) этнонимининг этимологияси (т. ф. д. А. Хўжаев), ўзбеклар менталитети хусусиятлари (т. ф. д. Р. Муртазаева) каби мавзуларга бағишланган илмий маърузалар тингланди. Қуйида ушбу маърузаларга қисқача тўхталиб ўтамиз.

Маълумки, кўпгина МДХ давлатларида этнология деб номланувчи фан бошқа хорижий давлатларда маданий ва ижтимоий антропология деб юритилади. Маданий ва ижтимоий антропологияда этносга ва этник бирликка муносабат ҳам этнологиядан фарқ қилади. Дастлаб шулар ҳақида гапирар экан, ЎЗР ФА Тарих институти «Этнология» бўлими бошлиғи А. Аширов, замонавий этнология фанида кўплаб тортишувларга сабаб бўлаётган примордалистик ва конструктивистик қарашларга ҳам эътибор қаратди. Шунингдек, кейинги пайтларда айрим ёш тадқиқотчиларнинг ишларида кўпроқ синоним тарзида қўлланилаётган «маросим», «урф-одат» ва «анъана» каби атамалар бир-бирига яқин маънони касб этса-да, аслида уларнинг ҳар бири ўзига хос мазмунга эга эканлигини таъкидлаб, ушбу атамаларнинг ҳар бирига алоҳида тавсиф бериб ўтди.

Этник жараёнлар ва этник ҳодисаларни тушунтиришда ўзига хос йўналишларга эга бўлган примордалистик ва конструктивистик қарашлар масаласига ф. ф. н. В. Ханнинг илмий маърузасида кенгроқ ўрин берилган. «Фан тарихини ўрганиш шуни кўрсатадики, – дея таъкидлайди В. Хан, – қарама-қарши қарашлар (назариялар) ўртасидаги зиддиятлар бўлиши ва кейинчалик уларнинг умумийлашиб, бир бутун хулосага келиш ҳоллари табиий ва ижтимоий фанлар тараққиётида табиий босқич ҳисобланади». Жумладан, муаллиф физика, кимё, биология ва сиёсий иқтисодиёт фанларида ҳам олдинги асрларда бир-бирига зид назариялар мавжуд бўлиб, кейинчалик улар синтезлашганлигини мисоллар орқали кўрсатиб ўтади. Шу боис, муаллиф примордалистик ва конструктивистик қарашлар ҳам охир-оқибат умумийлашиб, бир бутун тўхтамга келиши мумкин, деган хулосани беради.

XIX асрда рус олими Н. Я. Бичурин «юэчжи» атамасини – этноним, давлат ва сулола номи эканлигини исботлаб, тарих фанига катта ҳисса қўшган эди. Лекин у «юэчжи» этнонимининг этимологияси масаласини очик колдирган. Ўзбекистон Фанлар академияси Шаркшунослик институту етакчи илмий ходими А.Хўжаев ўз маърузасида эътиборни ана шу масалага қаратди. Олимнинг фикрича, «юэчжи» этнонимини ёзиш учун қўлланилган иероглифлар қадимги хитой тилида «рузие» деб ўқилган. Шунингдек, қадимги хитойликлар юэчжи топонимини ифодаловчи иероглифларни «нгузие» ёки «нгуэтсие» тарзида талаффуз қилишган. Бу сўзлар аслида гуз – ер (ўғузлар ери) сўзининг қадимги хитойча транскрипцияси бўлиши мумкин, дейди А.Хўжаев.

Ҳар бир халқнинг миллий характери асосини унинг миллий менталитети ташкил этади. ЎЗМУ кафедра мудири т. ф. д. Р. Муртазаева ўз маърузасида халқ менталитетининг негизида унинг асрлар давомида урф одат ва анъаналари тизимида таркиб топган тарихий тажрибаси ётади, дея таъкидлайди. Ўзбек халқи менталитетидаги меҳмондўстлик ва очикқўнгиллилик, сахийлик ва олихимматлилик каби ижобий хислатлар энг огир тарихий синовлар пайтида халқимизнинг ўзлигини сақлаб қолишида катта роль ўйнаган, деган фикрларни билдириб ўтди.

Тушлиқдан сўнг анжуман ўз ишини Ўзбекистон этнологиясининг долзарб мавзуларига бағишланган алоҳида шўбалар йиғилишлари асосида давом эттирди.

Сўзсиз, ўзбек халқи этнологиясида этногенез, этник тарих ва этник жараёнлар масаласи энг долзарб мавзулардан ҳисобланади. Шу боисдан ҳам «Этник тарих ва этномаданий жараёнлар»га бағишланган биринчи шўба йиғилишида «Нумизматика маълумотларида кушон ва қадимги турклар ўртасидаги муносабатлар» (Ғ. Бобоёров, А. Кубатин), «Хитой манбаларида туркий ва сугдий умумийлик ҳақида» (А. Отахўжаев), «IX – XII асрларда ўғузлар ва уларнинг манбаларда таснифланиши» (Ҳ. Мамадалиев), «Туркистонда темир йўллар қурилишининг ўлкадаги этномаданий жараёнларга таъсири» (А. Тоғаева), «XX асрнинг 80-90-йилларида этносоциал жараёнлар ва миллатлараро муносабатлар (Р. Назаров) каби мавзулар тингловчиларда катта кизиқиш уйғотди.

Ўзбекистон кўп миллатли давлат сифатида республикада яшаётган барча миллатларнинг миллий ўзлигини сақлаб қолиши урф-одат ва анъаналарини авайлаб асрашга замин яратиб келмоқда. Жумладан, ўзбек этнологиясида ҳам кейинги йилларда этник идентлилик ва миллий диаспораларни ўрганишга бирмунча эътибор кучайган. Конференциянинг яна бир шўба йиғилишида ана шу мавзуга бағишланган маърузалар тингланди.

Шунингдек, конференцияда «Ўзбек халқи моддий маданияти ва хўжалик хусусиятлари», «Анъана ва маросимларнинг этник ва худудий ўзига хослиги» каби мавзуларга бағишланган шўьбалар йиғилишлари ҳам бўлиб ўтди. Мазкур шўьбалар йиғилишида, жумладан, академик А. Ҳакимовнинг «Қашқадарё анъанавий каштадўзлиги (Косон тумани материаллари асосида)», З. Исоқовнинг «Туркистонда ер ва сувдан фойдаланишга доир айрим қонун ва одатлар ҳақида», Ш. Муҳаммедовнинг «Бухоро аҳолиси никоҳ маросимларида исломгача ва исломий анъаналар» каби ва бошқа мавзулардаги маърузаларни иштирокчилар катта қизиқиш билан тингладилар.

Анжуман сўнгида етакчи олимлар сўзга чиқиб, анжуман юқори савияда ўтганлигини эътироф этишди ва бундай анжуманларнинг бўлиб туриши этнология соҳасида олиб борилаётган илмий тадқиқотларнинг умумий сарҳисоби бўлиши билан бирга, келгусидаги ишларнинг муаммовий доираси ва йўналишларини белгилаб беришини алоҳида таъкидлаб ўтишди. Анжуманнинг эксперт гуруҳи томонидан энг яхши маърузачилар деб топилган З. Исоқов, Ғ. Бобоёров (А. Кубатин ҳаммуаллиф)га 1-даражали, М. Ҳотамова, Д. Ҳамроевага 2-даражали, А. Бобобеков, М. Кузьминага 3-даражали дипломлар топширилди.

т.ф.н. И. Хўжахонов

Муаллифлар ҳақида маълумот

У. Абдурасулов – ЎзР ФА Тарих институти директор ўринбосари, т.ф.н.

Н. Мустафаева – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

Ю. Буряков – ЎзР ФА Тарих институти етакчи илмий ходими, т.ф.д., академик.

М. Филанович – ЎзР ФА Тарих институти етакчи илмий ходими, т.ф.н.

Н. Азимова – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

Д. Абиджанова – Халқаро иқтисодиёт ва дипломатия университети «Ижтимоий-гуманитар фанлар» кафедраси доценти, т.ф.н.

Т. Шодмонов – ЎзР ФА Тарих институти тадқиқотчиси.

Х. Ғуломов – ЎзМУ «Умумий тарих» кафедраси профессори, т.ф.д.

А. Татибоев – ЎзМУ «Умумий тарих» кафедраси доценти, т.ф.н.

Али Ражабли – Озарбайжон тарихи миллий музейи «Нумизматика ва эпиграфика» бўлими мудири, т.ф.д., профессор.

М. Тен – ЎзР ФА Тарих институти кичик илмий ходими.

Х. Бабажанов – ЎзР ФА Тарих институти аспиранти.

Х. Абдурасулова – ЎзР ФА Тарих институти кичик илмий ходими.

Э. Умаров – ЎзР ФА Алишер Навоий номидаги Тил ва адабиёт институти катта илмий ходими, фил.ф.д., профессор.

Ш. Асадова – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

И. Хўжахонов – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

Журнал муқовасида: Бинкатдан топилган, X асрга мансуб лаган тасвири.

На обложке журнала: ляган X века, найденный при раскопках Бинкета.

ISSN 2010-7234. O'zbekiston tarixi. 2010. № 3

Индекс 1027